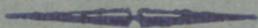

Дрег Эдрикж

Гнев
в бырии

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
СОЮЗА ССР .

Москва — 1947

FRED ELDRIDGE

WRATH IN BURMA

1946

ФРЕД ЭЛДРИДЖ

ГНЕВ В БИРМЕ

**НЕЦЕНЗУРОВАННЫЕ ЗАПИСИ
О ГЕНЕРАЛЕ СТИЛУЭЛЛЕ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТРИГАХ
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ**

Сокращенный перевод с английского
майора П. РАППОПОРТ

Предисловие
Д. ЗАСЛАВСКОГО

**Фред Элдридж „Гнев в Бирме. Нецензурированные записи о генерале
Стилуэлле и международных интригах на Дальнем Востоке“.**
Сокращенный перевод с английского.

(„Wrath in Burma. The uncensored story of general Stilwell and
international maneuvers in the Far East“)

Книга „Гнев в Бирме“ издана в США в 1946 г. Объединенным
издательством Даблдей и К^о (Гарден Сити, штат Нью-Йорк).

В книге рассказывается о боевых действиях и взаимоотношениях
союзников в Бирме во время второй мировой войны.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

БИРМА была второстепенным театром второй мировой войны. Её значение для англичан было в том, что она прикрывала границы Индии. Её значение для США и для Китая было в том, что через Бирму проходил во время войны единственный путь, по которому шло снабжение китайской армии американским вооружением.

В 1942 году японцы вытеснили из Бирмы английские войска. В конце 1943 года американский генерал Джозеф Стилуэлл начал наступление, которое через девять месяцев завершилось разгромом и отступлением японцев. В боевых действиях принимали участие китайские войска, английские и американские части. Каждый из союзников приписывал себе решающую роль в победе.

Ни для кого не было секретом, что между союзниками в Бирме имелись довольно крупные разногласия. Об этом, однако, во время войны не полагалось говорить открыто в печати. Военная цензура обязывала корреспондентов к принудительной скромности. Ныне цензурный запрет снят с некоторых событий военного времени. Американский журналист Фред Элдридж подчёркивает в подзаголовке своей книги, что его рассказ свободен от цензуры. Он предупреждает читателя, что содержанием его книги являются «международные интриги на Дальнем Востоке».

Элдриджа нельзя назвать историком военных действий. Он на это и не претендует. Он свидетель и участник событий. Его свидетельство о войне в основном достоверно, потому что подтверждается фактами, а рассказывает он о том, что видел, очень живо и занятно.

В прошлом полицейский репортёр, Элдридж начал кампанию как военный корреспондент. Затем он стал одним из ближайших штабных сотрудников генерала Стилуэлла. Его преданность этому генералу безгранична.

Надо признать, что Стилуэлл, скончавшийся в октябре 1946 года в 63-летнем возрасте,— незаурядная и привлекательная фигура среди американского генералитета. В военных талантах ему не отказывали и его противники. Его личные черты — скромность и простота, честность в исполнении воинского долга — располагали к нему окружающих.

Фред Элдридж резко нападает на противников Стилуэлла. Его критика во многом основательна, но и она тоже подлежит критике — Элдридж на многие вещи смотрит чересчур субъективно. Нас интересуют, впрочем, не столько его оценки, сколько сообщаемые им факты. Многие из них бесспорны, а значение их выходит далеко за пределы бирманского театра операций.

Стилуэлл очень хорошо знал Китай. Он прослужил здесь на разных должностях пятнадцать лет, владел китайским языком, был назначен американским начальником штаба Чан Кай-ши и командующим китайскими войсками в Бирме. В марте 1942 года он приехал из Вашингтона с твёрдым намерением довести до конца строительство Бирманской дороги и очистить Бирму от японцев. Вместо этого ему пришлось бежать вместе со своим штабом. Это было мучительное отступление через горы и джунгли. Элдридж был неизменно при нём. В течение года после того все планы наступления проваливались. Вплоть до начала 1944 года военные действия союзников в Бирме были цепью провалов и неудач. Автор книги возлагает вину за это всецело на английское и китайское командование.

Элдридж пишет, что он, как и многие другие американские офицеры, только на Дальнем Востоке впервые познакомился с британской внешней политикой и военной стратегией. Все были крайне разочарованы. По мнению Элдриджа, английское командование в Азии боялось американцев и китайцев больше, чем японцев. Оно с явным неудовольствием смотрело на присутствие китайских солдат и американских строителей в Бирме и свои задачи ограничивало обороной, стремясь лишь к тому, чтобы не допустить японцев в пределы Индии.

Элдридж пишет: «Американцы наивны и, как правило, не знают, что некоторые страны проводят или оттягивают необходимые военные операции для того, чтобы привести их в соответствие с политическими соображениями «дальнего прицела». Для американцев коммунистическая про-

блема в Китае, английская проблема в Индии, многолетняя взаимная подозрительность и нелюбовь китайцев и англичан... были абсолютно непонятны».

Конечно, Эдридж чрезвычайно преувеличивает «наивность» американских офицеров и свою собственную. Но не подлежит сомнению, что факты давали основательный повод к такого рода размышлениям. Стилуэлл доказывал, что можно и нужно наступать, что можно и нужно действовать. Но все его предложения увязали в трясине сопротивления всякому смелому шагу вперёд. Стилуэлл был подчинён английскому командованию, которое в свою очередь подчинялось непосредственно Черчиллю.

«Уэйвелл занимал промежуточное положение. Хотя теоретически он был подчинён Объединённому англо-американскому штабу, тем не менее американцы были убеждены, что он и последующие британские командующие в Юго-Восточной Азии получали приказания непосредственно от Черчилля. А смысл этих приказаний,— говорит Эдридж,— был таков: сиди на месте и доказывай, что никаких наступательных операций нельзя предпринимать из-за недостатка ресурсов и из-за индийской проблемы. Основная линия поведения Уэйвелла сводилась к тому, чтобы принимать директивы Объединённого англо-американского штаба, но всегда оказываться в таком положении, когда их осуществление является невозможным... Стилуэлл намеренно ставил себя в положение единственного военачальника в Азии, который хотел восвать».

Американские офицеры из штаба Стилуэлла убеждались не только в этом. Они видели, что эта тактика английского командования не является особенностью дальневосточного театра войны. Нечто подобное ещё в большей степени происходило и на западном театре. Мы знаем, например, из нашумевшей книги американца Ральфа Ингерсолла «Совершенно секретно», почему оттягивалось открытие второго фронта в Европе. Политика Черчилля, срывавшего подготовку второго фронта, не была секретом для определённых американских кругов.

Эдридж пишет: «В высших кругах командования было хорошо известно, что Черчилль делает всё возможное для оттяжки создания второго фронта».

В Бирме англичане с беспокойством и неудовольствием смотрели на энергичное строительство дороги через Бирму в Китай. «Англичане были против строительства этой до-

роги, во-первых, потому, что боялись китайцев, а во-вторых, потому, что такая дорога могла поставить под угрозу интересы крупных пароходных компаний, контролирующих все сообщения между Индией и Бирмой».

Английские руководящие круги, несомненно, вели свою политику «дальнего прицела» и поэтому затягивали войну, которую они рассчитывали выиграть руками китайцев и американцев. Элдридж пишет об этом довольно обстоятельно, но он как бы не придаёт особого значения тому, что и у американских руководящих кругов есть и были свои собственные интересы «дальнего прицела». Эти интересы требовали скорейшего внедрения американцев и в Бирму и в Китай.

Со своей стороны и руководящие круги гоминдана имели собственную политику «дальнего прицела», что не укрылось от Стилуэлла и его биографа. Политика гоминдана заключалась «в накапливании людских резервов и вооружения с целью использовать их против коммунистов и других оппозиционных группировок после того, как Америка выиграет войну на Тихом океане».

Стилуэлл вынужден был вести военные операции среди этих перекрещивающихся, противостоящих друг другу политик «дальнего прицела». Неудивительно, что его на первых порах преследовали неудачи. В штабе американских войск нарастало раздражение против англичан и китайцев. Для англичан Стилуэлл был пугалом, и офицеры в Дели издевались у него за спиной над его внешней простоватостью. В Чунцине неугомонного генерала ненавидели. Его вина была в том, что он слишком серьёзно относился к своей роли и на войне против Японии хотел взаправду воевать с... Японией!

В Вашингтоне Стилуэлл имел некоторую опору в Рузвельте, но против него были политики и дипломаты, не желавшие ссориться с союзниками из-за беспокойного генерала. К тому же стратегические планы Стилуэлла резко расходились с планами некоторых вашигтонских стратегов, а именно тех, кто приурочивал победу над Германией и Японией к 1947 и даже к 1948 году. Успешное наступление Стилуэлла в 1944 году было для этих кругов столь же неприятным сюрпризом, как и непредвиденное наступление Советской Армии. Элдридж с огорчением замечает, что Стилуэлл обладал замечательной способностью наживать себе врагов в руководящих кругах Вашингтона.

Объединённое командование в Бирме существовало фактически на бумаге, и пожалуй только поэтому Стилуэллу удалось одержать победу, которая его прославила и лично ему дорого обошлась. Он проявил самостоятельность. Выражение «победителей не судят» не оправдалось на нём самом. Его действия были осуждены с пристрастием. Высшее командование было настроено против него. Его не спасла популярность среди английских, американских и китайских солдат.

Видное место отводит в своей книге Элдридж борьбе, которая велась между американским и английским командованием в публикуемых сводках и сообщениях. По общему правилу английская информационная служба на Дальнем Востоке относила все английские неудачи на счёт американцев, а все американские успехи на счёт англичан. Так утверждает автор. Он пишет, что американское Бюро стратегической информации «следило за всей английской пропагандой на местном языке. Начиная с июня, когда союзные войска высадились в Нормандии, и до октября в передачах Юго-восточно-азиатского командования для Французского Индокитая и Таи ни разу не упоминалось о том, что американские войска также высадились в Европе».

Этому надо поверить. Но известно, что и американская служба информации не оставалась в долгу... Политика «дальнего прицела» господствовала над всеми соображениями.

До крайности обострились у Стилуэлла отношения с гоминдановскими политиками. Им не по душе была энергия и настойчивость американского генерала. Элдридж пишет: «...Стилуэлл, поддерживаемый своим правительством, настаивал на том, чтобы Чан Кай-ши пришёл к соглашению с коммунистами, в результате чего объединённую мощь гоминдановских и коммунистических армий можно было бы повернуть против общего врага». Этого, в частности, требовал от имени Рузвельта прилетавший в Китай вице-президент Генри Уоллес.

Однако у гоминдана была своя особая задача: использовать лендлиз, чтобы накопить средства для борьбы против коммунистов. На этой почве в гигантских масштабах происходило расхищение вооружения и продовольствия, ввозимого из Соединённых Штатов. В Вашингтоне это знали, но предпочитали смотреть сквозь пальцы на нравы китайской реакции.

Стилуэлла славили, как победителя в Бирме, но он проиграл войну дипломатических интриг. Он стал помехой для политики «дальнего прицела», которую американцы всё более открыто проводили в Китае, в интересах американских империалистических кругов. Прибывший из Вашингтона Хэрли сообщил президенту, что «отзыв американского генерала разрешит... проблему». Эддридж прибавляет к этому: «Позднее он (Хэрли) систематически удалял любого американского дипломата, который знал правду о Китае, и на свою ответственность, используя авторитет правительства США, поддерживал Чан Кай-ши в продолжении гражданской войны, а не в объединении Китая путём переговоров и компромисса».

Стилуэлл был удалён из Китая. Пилюлю пытались позолотить высшим китайским орденом. Стилуэлл вежливо от него отказался. Он отклонил также награждение английским орденом Бани.

На этом заканчивается книга Эддриджа. Он заключает её призывом к американцам. По его словам, «американцы должны развить в себе больше скромности во взаимоотношениях с другими народами и не философствовать о том, что американцы являются единственной достойной нацией в мире». Несомненно, Эддридж в этом отношении выражает взгляды своего бывшего начальника.

Точно так же звучат как заветное слово Стилуэлла слова о том, что разжигание гражданской войны в Китае и провокационная политика по отношению к китайским коммунистам ничего хорошего не сулят ни Китаю, ни Соединённым Штатам.

На основании своего личного опыта в Бирме Эддридж пишет: «В конечном счёте, между союзниками не может существовать единство, если они прежде всего не придерживаются соглашений. Терпимость не может шагать рядом с предательством и паутину взаимопонимания нельзя соткать, избегая правды».

Очерки Эддриджа сами по себе не дают полного, всестороннего рассказа о военных действиях в Бирме. Автор не только страдает субъективизмом. Его политический и военный кругозор ограничен. Бирма была отдельным и весьма отдалённым от Европы театром войны. Однако она не была изолирована от тех событий, которые происходили в Европе. Напротив, эти события немедленно находили отражение в Азии. В частности, неудачи и успехи кампании

в Бирме находились в прямой связи с тем, как развёртывались военные действия на основном театре войны.

Успешное наступление генерала Стилуэлла в 1943—1944 годах одной из наиболее существенных своих предпосылок имеет перелом в войне после блестящей победы Советской Армии под Сталинградом. Разгром германских армий и победное наступление советских Вооружённых Сил изменили картину всюду, где происходили военные действия. Подорваны были не только силы гитлеровской Германии, но и силы империалистической Японии, которая вынуждена была перейти к обороне, всё более безнадёжной.

Элдридж говорит об этом только вскользь, мимоходом, явно упуская историческую перспективу развития событий.

Очерки военного корреспондента Элдриджа не могут заменить военную историю кампании в Бирме, но они служат существенным коррективом к тем английским, американским и китайским репортажам, которые скрывают истину или искажают её.

В безыскусственности, искренности и правдивости — ценная черта книги американского журналиста. Его наблюдениям нельзя отказать в меткости. Они сохраняют свою жизненность и для послевоенного времени, так как проливают свет на многие политические явления в Китае, Японии, Корее и во всех других местах, где «политика дальнего прицела» выражается в империалистических домогательствах, в интригах и подвохах и в закулисной борьбе за интересы могущественных капиталистических клик, в ущерб коренным интересам народов, в ущерб политике мира и сотрудничества между народами.

Д. З а с л а в с к и й

Н А Ч А Л О

— Мы едем в Рангун,— сказал маленький человек с жёсткими, седеющими волосами,— чтобы помочь китайцам и англичанам удержать этот город.

Говоря это, генерал-майор Джозеф Стилуэлл не рассчитывал прибыть во-время в Рангун.

— Если Рангун падёт,— продолжал он,— нам придётся по мере сил удерживать Бирму и строить дорогу из Индии для соединения со старой Бирманской дорогой. А это, джентльмены, будет чертовски трудно!

Офицеры штаба Стилуэлла, заседавшие 8 февраля 1942 года в здании военного министерства, гадали про себя, какое количество американских войск будет в распоряжении их «хозяина». Стилуэлл, очевидно, почувствовал этот невысказанный вопрос и, улыбнувшись, сказал:

— Наши силы будут не слишком значительны. Примерно 35 штабных офицеров и 5 солдат. Военное министерство собирается вскоре направить в Китай большое количество старых винтовок Ли-Эндфилд. Если пароходы благополучно дойдут до места назначения, то у нас будет, кроме того, около четырёхсот инженеров и инструкторов. Они помогут нам обучать китайцев тактике и обращению с вооружением, получаемым по лендлизу.

Генерал сказал, что он просил дать ему армейский корпус, но получил отказ. Военное министерство заявило, что оно не располагает такими силами. Стилуэлл умолчал о действительной причине отказа, т. е. о том, что военное министерство для войны против общего врага на азиатском континенте делает основную ставку на людские резервы англичан и китайцев.

Для офицеров штаба Стилуэлла началась пора, полная неожиданностей. Немногие из них бывали в Китае. Боль-

шинство офицеров имели представление о Китае лишь по официальным военным коммюнике, в которых говорилось о частых боях между японцами и китайцами и о больших потерях обеих сторон; в коммюнике говорилось также, что китайцы вынуждены отступать лишь из-за недостатка вооружения и боеприпасов. Американские офицеры верили этим сообщениям, их сердца обливались кровью за храброго союзника, который делал так много в столь тяжёлых условиях.

Может быть, эти офицеры и слышали кое-какие неодобрительные отзывы о британском империализме и имели туманное представление об «индийской проблеме», но они были одурманены речами Черчилля, который львиным рычанием и викторианскими оборотами речи пытался заставить сердца американцев обливаться кровью за судьбы Британской империи. Только очень немногие офицеры понимали, что Великобритания без своей империи, без её природных богатств, туземного труда и военных баз, раскинутых по всему миру, представляла бы всего лишь 40 миллионов человек, живущих на небольшом острове, и что в содружестве наций она сама по себе играла бы роль не более важную, чем Италия.

Лишь немногие из этих пилигримов, которые впервые должны были поехать на Восток, сознавали, что может существовать ещё другая точка зрения на войну, кроме: «Давайте скорее покончим с этой проклятой войной и вернёмся домой». Американцы наивны и, как правило, не знают, что некоторые страны проводят или оттягивают необходимые военные операции для того, чтобы привести их в соответствие с политическими соображениями «дальнего прицела». Для американцев коммунистическая проблема в Китае, английская проблема в Индии, многолетняя взаимная подозрительность и нелюбовь китайцев и англичан... были абсолютно непонятны.

Немногие из офицеров штаба Стилуэлла знали о том, что Америка проводит свою политику в Китае или что политика Англии отличается от американской и что, наконец, сам Китай ведёт собственную политику в Азии. Американцы, будучи изоляционистами, в течение многих поколений умышленно закрывали глаза на всё происходящее за пределами их страны.

Традиционная политика Соединённых Штатов на Дальнем Востоке всегда требовала такого Китая, который мог

бы, во-первых, уравновешивать японское влияние на Тихом океане и, во-вторых, служить рынком для американского экспорта.

С другой стороны, английская политика требовала слабого Китая и сильной Японии. Это было необходимо для процветания чисто английской торговли, для правильной эксплуатации политических концессий, для охраны интересов британского суверенитета в свободных портах и для того, чтобы Япония служила постоянной угрозой России.

Первое серьёзное разногласие, вызванное различием национальной политики, выявилось после японской оккупации Маньчжурии. Государственный секретарь Соединённых Штатов Генри Стимсон предложил применить к японцам политику репрессалий, но потерпел поражение, так как англичане отказались к ней присоединиться. Леопольд Эмери, который позднее при Черчилле стал реакционным министром по делам Индии, заявил в Палате Общин, что Англия не может вмешаться в это дело, поскольку действия японцев в Маньчжурии ничем не отличаются от действий англичан в Индии триста лет тому назад.

В то же время Америка, всегда заинтересованная в выколачивании «честных долларов», продолжала снабжать Японию металлическим ломом и нефтяными продуктами, которые впоследствии были обращены против Китая.

Таким образом, японцы беспрепятственно укрепляли свою новую империю и начали создавать промышленность, которая вскоре смогла целиком снабжать большую квантунскую армию, притаившуюся для прыжка на Россию.

Когда японцы захватили Шанхай, маленький, сухой человек рыскал по стране, собирая достоверные сведения о состоянии и боевых качествах японской и китайской армий. Этот маленький, резкий и вместе с тем добрый человек, отличавшийся ироническим умом, был Джозеф Стилуэлл.

Стилуэлл любил Китай, он прожил там, в общей сложности, около пятнадцати лет и хорошо изучил китайский язык, обычаи, искусство и литературу Китая. Во время своих путешествий по стране Стилуэлл проникся глубоким уважением к китайскому народу и верой в него. Эти убеждения, неоднократно высказывавшиеся, вызывали смех у англичан и у многих американцев, но они же устыдились этого смеха, когда Стилуэлл с двумя китайскими дивизиями

выиграл в 1944 году «невозможную» кампанию в Северной Бирме. Стилуэлл говорил: «китайский солдат, правильно обученный и вооружённый, в достаточной мере сытый, при наличии соответствующих командиров, не хуже любого другого солдата». Надо было быть очень храбрым человеком, чтобы высказать это на Востоке до 1944 года. Впоследствии у Стилуэлла появилось критическое отношение к американской политике на Востоке. Американцы в ту пору быть может и хотели проводить политику создания сильного Китая, но они пока ограничивались туманными разговорами о высоких материях. Китай нуждался не в разговорах, а в прекращении поставок Японии и в увеличении материальной помощи, необходимой ему для ведения войны с Японией. Китаю нужно было, чтобы Америка отказалась от двойственной политики. Что бы ни говорили о китайском сопротивлении впоследствии, китайцы все же пытались в течение некоторого времени удержать Шанхай и оставили его, сохранив силы, так как знали, что вступление Америки в войну неизбежно.

Двойственность американской политики приводила в ярость Стилуэлла. Неужели эти глупые американцы не видят, что война с Японией неизбежна? Почему они не только разрешают Японии укрепляться, но помогают ей нефтью и металлом, расточая по адресу Китая лишь банальные обещания? — Соберитесь с силами, — говорил Стилуэлл, — пока еще не поздно! Соберитесь с силами, пока китайскую армию не охватил дух пораженчества, иначе она будет бессильна, вне зависимости от снабжения и вооружения.

Когда в 1939 году окончилась служба полковника Стилуэлла в качестве военного атташе в Китае, говорят, он подал в отставку. Будучи военным атташе в Китае, Стилуэлл подвергался негласной критике за то, что не был достаточно общителен и не стал «бальным дипломатом», который завязывает знакомства за коктейлем и на вечеринках с гейшами.

По дороге в Соединённые Штаты Стилуэлл получил известие, что ему присвоили звание бригадного генерала. Это означало, что он не может уйти в отставку и что Калифорния потеряла хорошего, хотя может быть и не очень аккуратного садовника. Генерал, вероятно, был не слишком разочарован; он был чересчур активен для того, чтобы довольствоваться одним садоводством.

По приезде в Соединённые Штаты Стилуэлл был направлен в форт Сэм-Хустон, где принял командование бригадой в дивизии генерал-майора Вальтера Крюгера.

До событий в Пирл-Харборе американская помощь Китаю страдала хорошо известной англо-американской болезнью: слишком мало и слишком поздно. Было сделано несколько финансовых жестов: заём в 50 миллионов долларов для укрепления китайской валюты, непрошедший закон о государственной закупке китайского серебра, займы и кредиты на общую сумму в 120 миллионов долларов в декабре 1938 года и, наконец, передача по ленд-лизу товаров на сумму около 600 миллионов долларов, что составляло 4,62% общей стоимости поставок по ленд-лизу для всех прочих стран.

Что касается военной помощи Китаю, то полковник Клер Ченнолт получил разрешение набирать лётчиков и наземный обслуживающий персонал из армии и флота для организации в Китае добровольческой авиагруппы. Англичане отказались в пользу американской добровольческой авиагруппы от сотни истребителей Р-40, предназначавшихся им по ленд-лизу. К моменту передачи эти истребители настолько устарели, что заводы прекратили их производство, и было почти невозможно получить для них запасные части.

В Китай была послана авиационная миссия, которая рекомендовала расширить авиационную программу и организовать начальное обучение китайских курсантов в Соединённых Штатах. Затем в Китай была также послана военная миссия для распределения и контроля над использованием поставок по ленд-лизу. К генералиссимусу Чан Кай-ши были направлены американские политические и финансовые советники. Так как правильное использование поставок по ленд-лизу зависело, прежде всего, от условий доставки и от решения транспортной проблемы, то в Китай были направлены различные специалисты и миссии с целью изучения Бирманской дороги и трассы предполагаемой железной дороги Юньнань — Бирма.

Стилуэлл хорошо понимал, что большей частью так называемая помощь США Китаю является символическим жестом, преследующим скорее психологическую, чем материальную цель. Он считал, что правительству США пора прекратить политику полумер и заняться реальной, непосредственной помощью Китаю, если даже эта помощь по-

ставит Соединённые Штаты в положение воюющей державы. В 1940 году в пресс-клубе в Сан-Франциско Стилуэлл в своей обычной, резкой и пренебрежительной манере заявил, что США упустили прекрасную возможность нанести Японии сокрушительный удар, когда японцы потопили «Паней». Генерал утверждал, что война с Японией неизбежна и американское промедление лишь даёт возможность Японии выбрать время и место сражения по своему усмотрению.

Стилуэлл недооценивал военную мощь японцев, когда заявил однажды в Сан-Франциско, что, имея в своём распоряжении должным образом вооружённую китайскую армию, с двумя американскими дивизиями в качестве ударной силы, он берётся изгнать японцев из Китая в течение шести месяцев.

В начале 1940 года китайское правительство представило военно-морскому флоту США свои предложения о создании китайского воздушного флота. Указывалось, что в интересах Америки не допустить полного контроля Японии над Китаем, а этого можно добиться лишь тогда, когда Китай будет располагать своей авиацией. По китайским подсчётам, для этого требовалось передать Китаю 100 истребителей, 100 бомбардировщиков, 10 транспортных самолётов и 50 американских лётчиков.

Однако переговоры по этому вопросу в то время ни к чему не привели. В дни, когда Стилуэлл был произведён в генерал-майоры и назначен командиром 7-й дивизии в Форт-Орд в Калифорнии, в Вашингтон прибыла новая китайская авиационная миссия, возглавляемая генералом Моу и Клером Ченнолтом, бывшим офицером американского военно-воздушного флота.

Эта делегация была уполномочена Чан Кай-ши на переговоры с правительством Соединённых Штатов о получении самолётов, американских пилотов и наземного обслуживающего персонала. Активное американское участие в развитии китайской авиации началось с приездом этой делегации.

Ченнолт утверждал, что Япония может потерять контроль над Китаем при наличии у последнего 350 истребителей и 150 бомбардировщиков с американскими экипажами. Китаю необходимо было также некоторое количество инструкторов, запасные части и оборудование для баз, аэродромов и т. д. Однако и это требование было

слишком незначительным для того, чтобы уничтожить японский контроль над такой большой страной, как Китай.

Хотя по традиции англичане не хотели помогать Китаю, они всё же, в конце концов, согласились уступить китайцам предназначенные Англии 100 самолётов Р-40, учитывая, что эти воздушные силы смогут воспрепятствовать вероятному японскому нападению на Сингапур. Предполагалось, что Китай сумеет использовать эти военно-воздушные силы, если он их получит.

Хотя самолёты Р-40 и были переданы китайцам, но отправка их началась лишь в феврале 1941 года. Англичане передавали эти самолёты без вооружения и радиооборудования. Всё недостающее приходилось заказывать. Хотя неоднократно указывалось, что для эффективной борьбы с японским воздушным флотом Китаю требуются наиболее современные американские самолёты, тем не менее Америка и Англия ограничились передачей устаревших истребителей Р-40.

После передачи этих истребителей для укрепления китайского воздушного флота почти ничего не предпринималось вплоть до принятия закона о лендлизе, когда доктор Кэрри принял руководство поставками по лендлизу для Китая. Он занял эту должность в марте 1941 года.

Направленная в Китай в мае 1941 года американская авиационная миссия, указала на необходимость оказания значительно большей помощи Китаю, чем того требовали Моу и Ченнолт. Миссия рекомендовала создать в Соединённых Штатах школы для китайских лётчиков. Эти предложения были приняты. Кроме того, правительство США согласилось с рекомендацией о посылке в Китай военной миссии с консультативными задачами в вопросах приобретения и использования оборудования, получаемого по лендлизу. Такая миссия была направлена. Во главе её был поставлен бригадный генерал Джон Магрудер; позднее она влилась в группу Стилуэлла.

Так как вся система снабжения Китая в первую очередь зависела от транспортных возможностей, неудивительно, что на ранней фазе американской помощи Китаю наибольшую статью расхода составляли грузовики. Внутренние районы Китая испытывали острую нужду в грузовиках. Грузовики также были нужны для перевозки товаров по Бирманской дороге из Рангуна в Куньмин и Чунцин. Начиная с 1937 года, т. е. с начала войны, Китай терял одну

за другой свои жизненно необходимые коммуникации. Это были, в основном, железные дороги. Первой была потеряна железная дорога Гонконг — Кантон — Ханькоу. По этой дороге перевозилось примерно 60 тысяч тонн грузов в месяц. После падения Кантона китайцы зависели от Индокитайской железной дороги, которая перевозила 4½ тысячи тонн в месяц. После достройки дороги до Куньмина её пропускная способность увеличилась до 9 тысяч тонн. Кроме того около 1½ тысячи тонн в месяц перевозилось по железной дороге из Индокитая до Донгданга, а затем на грузовиках до провинции Гуанси. Поток товаров, доставляемый грузовиками из Индокитая, прекратился после падения Наньнина в ноябре 1939 года. Лишь контрабандным путём удавалось перевозить около 800 тонн в месяц.

Приток грузов по железной дороге из Индокитая закончился в июле 1940 года, после капитуляции Франции. В это же время японцы вынудили англичан закрыть для военных грузов и Бирманскую дорогу. Китайская неспособность к сопротивлению достигла зенита, а английский престиж на Востоке неимоверно упал. В 1941 году англичане, под совместным давлением китайцев и американцев, вновь открыли Бирманскую дорогу. Эта дорога стала основным источником американской помощи блокированному Китаю. Однако даже в самое лучшее время поток грузов по Бирманской дороге являлся лишь каплей в море и не превышал 17 тысяч тонн в месяц.

Китайцы в 1937—1938 годах довели Бирманскую дорогу до границы Бирмы. Она была построена наспех, для лёгкого транспорта. Её стоимость не превышала 40 миллионов китайских долларов. Китайская часть дороги от Куньмина до Вантина составляла 602 мили, в то время как расстояние от Лашио (Бирма) до Куньмина равнялось 715 милям. Дорога была проложена в диких и неприступных горах и ущельях. Это была однопутная грунтовая дорога шириной в 9 футов, которая либо размывалась, либо ежегодно заваливалась оползнями в период муссонов. Эту жизненно необходимую Китаю артерию нельзя было рассматривать даже как третьесортную дорогу, ведущую с фермы на базар в наиболее отсталой, сельскохозяйственной местности в Америке. Но тем не менее постройка её явилась колоссальным техническим достижением своего времени. Вырубленная в монолитных горных хребтах, спускающаяся в глубины фантастических ущелий и поднимающаяся до

огромных высот дорога являлась результатом коллективного труда миллионов кули, которые построили её буквально голыми руками. Они долбили горы, заполняли ущелья, вели дренажные работы и строили мосты точно так же, как это делали их предки в течение тысячелетий. Благодаря упорству, настойчивости и терпеливому труду своих замечательных сынов Китай проложил себе путь сквозь душающую японскую блокаду.

Если бы Бирманская дорога и была хорошей дорогой, то все равно она потребовала бы должного управления для перевозки значительного тоннажа. Но управление дорогой было ещё хуже, чем её природные свойства. Различные политические группировки в Китае использовали дорогу в качестве средства для усиления своей власти и получения прибылей. Дорога проходила через провинцию Юньнань, а губернатор этой провинции генерал Лун Юн совершенно не считался с властью Чан Кай-ши. Китайские правители накладывали на грузы самые различные пошлины: местные подорожные пошлины, пошлины на соль, налоги в пользу Управления грузового транспорта, пошлины на содержание дороги, пошлины на асфальтирование, пошлины на содержание противовоздушной обороны и образовательные пошлины Лун Лина. Правительство Бирмы со своей стороны взимало по одному проценту транзитной пошлины со всего тоннажа, перевозимого по дороге.

Все эти «пошлины» собирались мелкими чиновниками, которые беспрестанно задерживали транспорт. Кроме того, движение осложнялось отсутствием профилактического ремонта автомашин. Ни один из грузовиков никогда не ремонтировался — до окончательной поломки. Китайские шофёры, извлекая прибыль от перевозки нелегального груза, невероятно перегружали грузовики пассажирами и различной контрабандой. Многие шофёры, имеющие достаточное количество бензина на оба конца пути, продавали этот бензин на чёрном рынке Куньмина и затем бросали или продавали свои машины, добираясь в качестве пассажиров обратно в Рангун, где любезные чиновники давали им новые грузовики и бензин, чтобы они могли повторять свои махинации.

Управление дорогой было усложнено и дезорганизовано. Отсутствовал какой-либо план эксплуатации, и чиновники руководствовались исключительно стремлением к лич-

ной наживе. Во главе административной иерархии находился генералиссимус Чан Кай-ши, возглавлявший комиссию по военным делам. За ним — генерал Хо Ин-цин, начальник штаба китайской армии, военный министр и председатель Контрольного совета транспорта. Вначале дорога была в ведении министерства путей сообщения, Китайской транспортной компании и Юго-западной компании перевозок. В 1940 году для упорядочения управления был организован Контрольный совет транспорта, в состав которого входили Чан Кай-гво, министр путей сообщения, Т. Л. Сун и представитель Юго-западной компании перевозок.

В 1941 году американцы настаивали, чтобы Бирманская дорога перешла в их административное управление. Доктор Кэрри рекомендовал генералиссимусу Чан Кай-ши назначить на должность руководителя дороги Джона Беккера, который начиная с 1916 года являлся советником китайского правительства по вопросам транспорта и главой американского Красного Креста в Шанхае. Согласие Чан Кай-ши на это назначение было получено, после чего китайское правительство объявило об организации Контрольной комиссии на Бирманской дороге. Эта комиссия должна была находиться под непосредственным подчинением Контрольного совета транспорта, во главе которого стоял генерал Хо Ин-цин. Беккер должен был быть назначен генеральным директором. Однако, когда состав комиссии был объявлен, оказалось, что Беккер получил лишь пост главного инспектора — весьма безобидную должность.

Председательствовал в комиссии генерал Ю Фэй-пэн, бывший министр путей сообщения, министр военного транспорта и снабжения, член Контрольного совета транспорта и, по слухам, один из многочисленных кузенов Чан Кай-ши.

К июлю 1941 года управление всеми китайскими шоссейными дорогами перешло в руки Контрольного совета транспорта и было изъято из ведения министерства путей сообщения и Чан Кай-гво. Последний, будучи весьма упрямым человеком, используя своё положение как в Контрольном совете, так и в комиссии, прилагал все усилия, чтобы сместить Ю Фэй-пэна, так как дорога приносила большие доходы. Однако это ему не удалось.

Если Ю Фэй-пэн получал какие-нибудь инструкции об истинных полномочиях своей комиссии или о состоянии её бюджета, он тщательно скрывал их от американцев.

Дорожная полиция была передана под начало Юго-западной компании перевозок, находившейся в подчинении комиссии. Между Вантингом и Куньмином на дороге насчитывалось около семи различных начальников. Дорога находилась в состоянии полнейшего хаоса и управлялась в соответствии с тысячелетними китайскими традициями. Есть ли война, нет ли войны, надо зарабатывать! И старые политики, и частные организации придерживались этого правила.

В 1939 году группа американских специалистов по грузовым перевозкам, возглавляемая Шинаном, председателем Чикагского автомобильного грузового объединения, осмотрела Бирманскую дорогу и сделала соответствующие указания, которые были вежливо и с благодарностью приняты генералиссимусом Чан Кай-ши. Однако эти указания привели лишь к быстрой персональной перетасовке начальников и к созданию новых учреждений, во главе которых оставалась всё та же старая шайка. Следуя традиции, настало время назначить нового американского эксперта для инспекции дороги. Им оказался Даниэль Арнштейн, председатель Нью-Йоркской компании таксомоторов.

Арнштейн осмотрел дорогу и повторил замечания прежних американских экспертов. Генералиссимус Чан Кай-ши предложил Арнштейну остаться для того, чтобы выправить положение на дороге. Такое предложение было весьма лестным, но Арнштейн был не дурак, он поблагодарил Чан Кай-ши и вернулся в Америку.

Несмотря на все затруднения, грузовой поток по Бирманской дороге постоянно увеличивался с того момента, когда англичане вновь открыли эту важную артерию. Контрабандисты и частные предприниматели хорошо зарабатывали. Предполагалось, что и китайское правительство тоже не теряет времени даром. Значительная часть грузов, перевозимых по дороге, попадала в руки контрабандистов и частных торговцев. Никто не мог сказать, какой процент тоннажа попадал в частные руки, так как не велось никакого учёта. Никто не знал, сколько грузовиков работает на дороге. По газетным данным, их число доходило до $4\frac{1}{2}$ тысяч, а по сведениям китайских чиновников, их насчитывалось $3\frac{1}{2}$ тысячи.

Машины не ремонтировались и поэтому около 50% грузовиков большую часть времени простаивало. Запасные части расхищались и попадали на чёрный рынок. организо-

ывались регулярные экспедиции для закупки на чёрном рынке украденных запасных частей и инструментов.

Американские специалисты рекомендовали организовать на Бирманской дороге ремонтные мастерские. Дорога больше нуждалась в таких мастерских, чем в таможнях. Китайцы не хотели уничтожить таможни, но соглашались на любое количество ремонтных мастерских только при условии, что они будут снабжаться и обслуживаться американцами. Рисовые поля Юньнани не сумели вырастить достаточное количество механиков. Осенью 1941 года 46 американских гражданских механиков, мастеров и других специалистов были присланы в Китай для того, чтобы обеспечить непрерывное грузовое движение по Бирманской дороге. Они приехали туда ко времени событий в Пирл-Харборе.

Некоторые из них ранее бывали на Дальнем Востоке и немного знали китайский язык. В большинстве они отнюдь не отличались наивностью. Американцы быстро привыкли к удобному китайскому обычаю взяточничества и воровства правительственных товаров. Но всё же они обучили китайских кули искусству смазки моторов и проделали значительную работу в автомастерских, организованных в Китае и в Бирме. Они приносили пользу Китаю, хотя слова наивных соотечественников о том, что «необходимо доставить больше грузов в этот замечательный, замечательный Китай» и вызывали у них приступы весёлого смеха.

Кроме Бирманской дороги, американцы оказывали помощь и финансировали строительство железной дороги Юньнань — Бирма. Строительство этого предприятия не слишком продвинулось ввиду последующих катастрофических событий в Бирме. Строительство дороги было задумано в 1938 году и требовало от Соединённых Штатов 20 миллионов долларов в счёт лендлиза. Предполагалось построить железную дорогу с метровой колеёй, идущую от Куньмина до Бирманской границы в Нанта и южнее в Лашио.

В начале 1941 года Америка совместно с Англией и Голландией прекратили торговлю с Японией. Стало очевидным, что Япония, нуждаясь в резине и нефти, будет вынуждена направить свой удар на Индонезию и Юго-Восточную Азию. Америка заставляла Японию выбирать между прекращением китайской кампании и войной с Соединёнными

Штатами и Великобританией. К этому времени Америка, не подготовленная к войне и не имеющая внутреннего единства, делала всё, что могла, чтобы помочь Китаю.

И всё же материальная помощь Китаю оставалась незначительной. Америка ещё не имела достаточной производственной мощности и транспорта, чтобы поставлять и перевозить большое количество военных грузов в Китай. Китайцы жаловались в печати, что помощь, получаемая от США, выражалась главным образом в обещаниях.

Американцы начали исследовать возможности воздушного фрахта из Индии в Китай. Этим путём предполагалось заменить Бирманскую дорогу и железную дорогу Юньнань — Бирма, если последняя вообще будет когда-либо готова.

Существующая трасса из Калькутты в Куньмин затруднялась частыми низкими туманами в Лашио. Было решено улучшить аэродром в Мьиткьина, где туманы менее густы. Мьиткьина обладала ещё и тем преимуществом, что эта область сравнительно безопасна в отношении малярии и находится у северной оконечности Бирманской железной дороги. Аэродром в Мьиткьина был расположен на большом расстоянии от японских авиационных баз, и короткий перелёт через Гималаи до Куньмина давал возможность увеличить коммерческий груз за счёт уменьшения запаса бензина на борту самолёта. Было решено построить ещё аэродром на китайской части трассы, в Юньнани, откуда по ровной местности проходила хорошая дорога на восток. Самолётам С-47 нужно было пролететь лишь 300 миль, чтобы перевезти груз с конечной станции Бирманской железной дороги на начальный пункт автомобильной дороги в Китае.

Если считать, что Соединённые Штаты имели искреннее желание оказать всяческую помощь Китаю, то защита Бирмы приобретала с этой точки зрения первостепенную важность. От безопасности Бирмы зависело существование Бирманской дороги, возможность строительства железной дороги Юньнань — Бирма и обеспеченность промежуточными базами воздушного транспорта из Индии. Если бы японцы захватили Бирму, то пришлось бы перевозить грузы по воздуху, непосредственно из Индии в Китай, по опасному северному пути над Гималаями.

К середине 1941 года европейские обозреватели, находившиеся на Дальнем Востоке, были уверены в неиз-

бежности японского нападения. Неизвестны были лишь место и время. По общему мнению, удар должен был быть направлен на Филиппины и Малайский полуостров. Англичане никогда серьезно не рассматривали возможность вторжения в Бирму, точно так же, как американцы не предвидели опасности нападения на Пирл-Харбор. Местные власти в Индии и Бирме, слегка раздражённые неловким положением, вызванным войной в Европе, тратили большую часть своего времени за джином в Рангуне, Дели, Бомбее и Калькутте, на разговоры о побеждённых английских и французских генералах. Игра в поло продолжала процветать, и английские офицеры меньше уделяли внимания своим военным обязанностям, чем кадровые американские военные — несению гарнизонной службы в мирное время. Они считали, что эти проклятые маленькие крысы — японцы — не смогут долго держаться против армии белого человека, даже если эта армия использует в качестве пушечного мяса цветнокожих людей. Для справедливости следует отметить, что такой взгляд был присущ не только англичанам. Американцы считали, что флот Соединённых Штатов, выйдя из любого порта, моментально уничтожит японский флот и успеет вернуться в порт к обеду.

К этому времени Стилуэлл был назначен командующим 3-м армейским корпусом в Президио Монтерей. Будучи командиром дивизии, он успешно провёл манёвры и так же успешно командовал своим корпусом на других учениях в южной части штата Вашингтон.

Стилуэлл был убеждён в том, что война неизбежна и начнётся скоро. Он достаточно хорошо знал Восток, чтобы понимать неизбежность конфликта с японцами, и предполагал, что мы также скрестим оружие с немцами. Его программа обучения солдат была тяжела и реалистична. Это было редким исключением в те дни, так как Стилуэлл не только разрешал, но и поощрял импровизации и отклонения от «непогрешимых» уставов.

Стилуэлл готовил корпус для войны. И сам подготавливался к войне. Чтобы физически укрепить себя, он проходил пешком по несколько раз в неделю 12,5 миль, отделяющих его штаб от дома. Он ходил по территории Форт-Орда, постоянно наблюдая за обучением в отделениях, взводах и ротах. Солдаты хорошо изучили его характерную походку. В то время он не носил ещё свою походную шляпу,

приобретшую широкую известность позднее, и не курил. «Я курю только во время боя и манёвров», говорил он.

7 декабря 1941 года на полуострове Монтерей стоял замечательный солнечный день. Война была далеко. Хотя учебная программа была увеличена, войска всё же получали отпуск на воскресенье. Вечером этого дня Джо Стилуэлл принимал у себя дома нескольких младших офицеров, недавно прибывших в его распоряжение. Это было обычное сборище, характерное для мирного времени. Офицеры были уверены, что туфли их достаточно хорошо начищены, а костюмы хорошо отутюжены. Вне службы они не носили формы. Их жены мучительно решали, какое платье произведёт наилучшее впечатление на жену генерала.

Более пожилые штабные офицеры 3-го корпуса отдыхали дома, читали воскресные газеты, смеясь над анекдотами и обсуждая футбольный сезон прошлого года. Они были рады отдохнуть от постоянной возни с бумагами или от Форт-Орда с его непрерывными полевыми занятиями и ночными учениями. Они ворчали по адресу Англии и желали, чтобы мир поскорее решил, будет или не будет Америка участвовать в войне, чтобы им всё стало, наконец, ясно.

Как уже рассказывалось сотни тысяч раз, внезапно пришло сообщение, что японцы разбомбили Тихоокеанский флот Соединённых Штатов в Пирл-Харборе. Хотя американские офицеры много говорили о неизбежности войны с Японией, внезапность нападения вызвала смятение. Этого они не ожидали. Американские войны так не начинались. Что случилось с договором? Где объявление войны?

Офицеры смотрели на своих жен и говорили: «Ну вот, оно и началось», тотчас переводя разговор на другую тему. Их жены, боясь разлуки и одиночества, надеялись, что война кончится через год. Возможность поражения никому не приходила в голову.

Страна, которая только недавно смеялась над требованием Рузвельта выпускать 50 тысяч самолётов в год, теперь поняла, что война с Японией потребует огромного напряжения от американской промышленности. Народ мало что знал о морских и воздушных силах, блокаде и комбинированных операциях. Так же мало в этих вопросах были осведомлены армия и флот.

Из редакции «Геральд» Монтерейского полуострова, обычно пустой в воскресенье, позвонили к пресс-атташе

Стилуэлл и спросили, не хочет ли генерал сделать какое-либо заявление. Пресс-атташе сбросил пижаму и, натянув брюки и свитер, даже не побрившись, отправился к Стилуэллу. Явиться в таком виде к другому американскому генералу было бы проступком, даже в такой день, как день нападения на Пирл-Харбор.

Стилуэлл в это время был в саду со своим начальником штаба и его помощниками. Все они были в штатском и, казалось, больше думали, чем говорили. Пресс-атташе спросил Стилуэлла, не хочет ли он сообщить что-либо для «Геральда» по поводу войны. Стилуэлл с недоумением посмотрел на офицера и сказал: «Конечно, нет. Единственный военный, который имеет право сейчас говорить, находится в военном министерстве».

Отпуска были прерваны, и все вернулись на свои посты. Гражданские костюмы были пересыпаны нафталином и все, кто до сих пор только играл в войну, подготовились воевать. Многие из них не знали, как это делается, что во все не было удивительным.

В понедельник 8 декабря 1941 года Стилуэлл созвал первое и единственное заседание всего штаба до того момента, когда он ушёл из 3-го корпуса. Все офицеры пораньше собрались в зале и сидели, обсуждая вполголоса перспективы войны. Древний план защиты Тихоокеанского побережья был вытаскен из шкафа, с него была сдута пыль и над ним принялись работать. Части корпуса должны были развернуться по побережью к мексиканской границе, образуя то, что называлось Южно-калифорнийским сектором Западного Оборонительного Командования. Вошёл Стилуэлл, все вскочили и застыли в положении «смирно».

Стилуэлл мимоходом коснулся плана обороны и предупредил своих штабных офицеров, чтобы они не болтали о движении войск и главным образом об ужасающем недостатке боеприпасов. Де-Уитт, по общему мнению, передал все боеприпасы, предназначенные 4-й армии и Западному Оборонительному Командованию (они находились под его руководством), Аляске, где, как говорили, он опасался вторжения со стороны России. В действительности же у Де-Уитта не было достаточно боеприпасов одновременно для обеспечения программы обучения войск и для Аляски, а поэтому, передав все боеприпасы на Аляску, он заявил военному министерству, что без дополнительного снабжения ему придётся приостановить обучение.

Корпус занял свои позиции с обычной суматохой и путаницей, которые присущи подобным передвижениям войск. Начали циркулировать панические слухи. Де-Уитт, например, настойчиво утверждал, что вражеские самолёты появлялись над Сан-Франциско. Одновременно какой-то ясновидец-любитель заявил, что видел японский авианосец около Сан-Педро. По правде говоря, он его обнаружил в своём хрустальном шаре во время сеанса ясновидения в Лос-Анжелосе и в присутствии верховного судьи Лос-Анжелоса сообщил об этом Федеральному следственному бюро. Как ни странно, но Федеральное бюро послало это сообщение разведывательному отделу 4-й армии.

Начальник разведывательного отдела приказал начальнику разведки Южно-калифорнийского сектора Западного Оборонительного Командования немедленно определить местонахождение вражеского авианосца. На протяжении более недели начальник разведки армии Де-Уитта упорно отказывался внять доводам, что авианосец, плавающий в хрустальном шаре ясновидца, не представляет угрозы для безопасности Южной Калифорнии.

Стидуэлл был к этому времени отозван в Вашингтон на совещание с Черчиллем. Тогда начали обрисовываться основные линии сотрудничества Англии и Америки в войне. Было решено организовать в Вашингтоне Объединённый англо-американский штаб, состоящий из высших американских и английских офицеров армии, флота и авиации. Объединённый штаб получал полномочия разрабатывать все операции, проводимые англо-американскими войсками, и распоряжаться всеми средствами. Под верховным руководством Объединённого англо-американского штаба работали Объединённый штаб США (Комитет начальников штабов) и английский Объединённый штаб. Китайский союзник не был включён в состав Объединённого англо-американского штаба. В качестве компенсации Чан Кай-ши был предложен пост верховного главнокомандующего Китайским театром операций. Границы этого театра были так тщательно проведены, что лишь касались, но не заходили в Британские имперские владения.

Приступая к составлению общего стратегического плана, союзники рассчитывали на скорую высадку войск в Касабланка. Эта операция, руководство которой впоследствии перешло к генералу армии Эйзенхауэру, вначале была поручена Стидуэллу. Он вызвал своего начальника

штаба и начальников отделов штаба в Вашингтон, чтобы начать предварительное планирование. В течение недели они работали днём и ночью, а затем этот план был аннулирован, как преждевременный.

Американцы решили усилить свою военную миссию в Китае. Президент хотел, чтобы военная миссия делала всё возможное для того, чтобы помочь китайскому правительству продолжать войну. Военное министерство настаивало на увеличении числа американских контролёров с целью следить за тем, чтобы товары лендлиза действительно использовались против японцев.

Пост руководителя миссии был предложен генерал-лейтенанту Хью-Друму, командующему 1-й армией. Хью-Друм заявил, что он примет это назначение лишь при условии, если ему дадут американский армейский корпус. Но в то время никто не собирался отправлять армейский корпус на Восток. Кандидатура Хью-Друма отпала, и Стилуэлл получил этот пост.

Группа Стилуэлла вылетела на трёх самолётах Пан-американской линии. В Каире Стилуэлл получил извещение о присвоении ему звания генерал-лейтенанта. По прибытии в Чунцин Стилуэлл повидался с Чан Кай-ши и затем уехал на действующий фронт в Бирму. После того как Чан Кай-ши согласился принять пост верховного главнокомандующего Китайским театром операций, он попросил прислать ему американского начальника штаба. Президент предложил Стилуэлла. Это предложение было принято.

В то время как в Вашингтоне и Чунцине шла подготовка к предстоящим операциям, японцы дрались на Филиппинах и двигались с невероятной быстротой в Индонезию через Малайский полуостров. Они встречали решительное, но безуспешное сопротивление со стороны войск Макарура. Англичане же, очевидно, не имели ни достаточных сил, ни желания оказать врагу должное сопротивление. Они теряли позицию за позицией, японцы постоянно обходили их с моря и заставляли отступать без сопротивления.

Была сделана слабая попытка координировать защиту Юго-Восточной Азии и Индонезии. Пожилой и усталый генерал сэр Арчибалд Уэйвелл был назначен главнокомандующим Тихоокеанским театром операций. Если его командование и могло, быть может, отложить на несколько дней победу Японии на Малайском полуострове, в Сингапуре и Индонезии, то Бирму он совершенно упустил из виду.

Уэйвелл либо не понимал стратегической важности Бирмы, либо считал, что японцы не смогут так далеко продвинуться.

Бирма охранялась двумя английскими дивизиями — 1-й Бирманской и 17-й. 1-я Бирманская дивизия состояла из частей, не обученных действиям в составе дивизии, не имела положенного вооружения и транспорта. Ею командовал генерал-майор Брюс Скотт. Туземные солдаты этой дивизии никуда не годились, а многие из белых офицеров были уже во время войны призваны из контор и плантаций. Им были даны чины, соответствующие их финансовому и общественному положению. Этот метод производства офицеров в английской армии сыграл свою роль в последующей военной катастрофе.

17-я дивизия была сравнительно хорошо организована, ею командовал генерал-майор Коуен. Он оставался в своей дивизии до тех пор, пока она в 1945 году не вошла в Рангун. Большим недостатком 17-й дивизии являлось наличие в ней значительного числа неопытных офицеров.

Генерал-майор Дик Слим был главнокомандующим войсками в Бирме в качестве командира 1-го Бирманского корпуса, который состоял из двух вышеназванных дивизий и нескольких других частей. Слим был способным, храбрым офицером. Позднее он командовал британской 14-й армией.

Пока японцы не организовали свою собственную морскую базу в Сингапуре, они могли угрожать Бирме лишь с Востока, со своего сухопутного фланга. Однако организовать оборону здесь было далеко не просто. Англичане вынуждены были обороняться на фронте протяжённостью в несколько сот миль от Мэргуа до Шаньских княжеств, располагая только двумя дивизиями, которые до сих пор служили лишь полицейской силой при подавлении туземных восстаний. Подкрепления, которые могли быть использованы в Бирме, были отправлены в Сингапур и прибыли туда как раз к тому времени, когда крепость капитулировала. Кроме того, английский главнокомандующий не мог группировать свои войска без согласия британского гражданского губернатора, который настаивал на сохранении обычной дислокации гарнизонов в Нижней Бирме. 1-я Бирманская дивизия была рассредоточена по фронту на двести миль, в Шаньских княжествах, а 17-я дивизия пыталась прикрыть трехсотмильный фронт от Моулмейна до Мэргуа.

Японцы могли спокойно и по плану концентрировать

свои силы и маневрировать ими, заставляя англичан оставлять небольшие подразделения, которые японцы легко разбивали, или отступать, потеряв надежду, что можно выбрать и удержать какую-нибудь позицию.

Англичане терпели одно поражение за другим. Три раза они меняли главнокомандующих в Бирме и продолжали отступать, увеличивая число потерь, пока отступление не превратилось в паническое бегство.

Единственным светлым пятном этой мрачной картины была группа американских добровольцев-пилотов Ченнолта. Несмотря на свою малочисленность и устаревшие самолёты, эти гражданские летчики дрались с такой яростью и храбростью, что их уважали в Рангуне. По сравнению с ними, английский королевский воздушный флот выглядел весьма неважно. Группа Ченнолта заставляла врага дорого платить за каждый налёт на Рангун.

В это время штаб американцев в Рангуне из последних сил пытался спасти всё, что возможно. Полковник Адриен Сент Джон, честный и трудолюбивый кадровый офицер, сам лично руководил отправкой в Китай товаров лендлиза стоимостью в сотни тысяч долларов. Сент Джон смог заставить кули разгружать суда с товарами лендлиза даже после того, как почти всё местное население покинуло англичан и убежало в джунгли. Он этого добился весьма простым путём, — уплачивая двойную плату и выдавая премии. Это казалось вполне логичным, так как кули рисковали жизнью, разгружая суда под бомбардировкой врага. Англичане не желали повисить им заработную плату, считая, что это «нарушит экономическую структуру» и «испортит туземцев». Весьма скоро японцы забрали в свои руки и «экономическую структуру» и туземцев.

Любые решения англичан, касающиеся военных вопросов на Востоке, обуславливались политическими соображениями. Особенно ясно это стало тогда, когда японцы напали на Юго-Восточную Азию. Китайцы, избегавшие драться со времени боёв за Шанхай, понимали, что им нужно удержать Бирму, иначе они потеряют всякую возможность получать товары и вооружение по лендлизу. Ради этого стоило драться. Чан Кай-ши предложил отправить в Бирму 11 китайских дивизий для помощи двум английским. 19 декабря 1941 года в Чунцине была созвана конференция, на которой присутствовали Чан Кай-ши, генерал сэр Арчибалд Уэйвелл и генерал-лейте-

нант американской армии Джордж Бретт. Уэйвелл отклонил предложение о посылке китайских дивизий.

Вне зависимости от качества китайских войск, в случае, если бы эти 11 дивизий были направлены на раннем этапе кампании, они бы позволили сконцентрировать английские войска в нечто, хоть отдалённо напоминающее эффективную военную силу. Это дало бы союзникам возможность ударить на восток через Сиам и, возможно, перерезать японские коммуникации на Малайском полуострове. В военном отношении такой манёвр не давал бы проигрыша, но мог сулить и выигрыш.

Англичане не хотели, чтобы китайские войска находились на территории Британской империи. Они опасались, что, однажды попав в Бирму, китайцы не захотят оттуда уйти. Существовал старый спор о китайско-бирманской границе и не зря китайское правительство выпускало карты, в которых значительная часть Северной Бирмы считалась китайской территорией. Англичане в свою очередь утверждали, что бирманцы ненавидят китайцев и прибытие китайских войск лишь вызовет волнения. Правдоподобность этого заявления не имеет значения, так как бирманцы ненавидели англичан больше всего на свете, за исключением, быть может, завезённых индийцев, которых они ненавидели ещё сильнее.

Вот с какой обстановкой встретился Стилуэлл, когда прибыл в Бирму в марте 1942 года. Он увидел британские войска, возглавляемые третьим по счёту командующим, полностью деморализованные, интересующиеся только спасением собственной шкуры. Он встретил китайские войска, всегда враждебные к своим британским союзникам, а теперь переживающие последнее английское оскорбление, выразившееся в том, что их позвали лишь тогда, когда положение стало безвыходным. Он застал английское военное и гражданское управление в состоянии ссоры. Он также выяснил в Чунцине, что популярность Америки была весьма относительной и что падение Филиппин считалось как англичанами, так и китайцами справедливым возмездием нахальной нации, которая в течение долгого времени смеялась над поражением английских и китайских генералов. Нанесённое американцам позорное поражение в какой-то мере давало англичанам и китайцам возможность «вернуть свой престиж». Во время военных неудач побеждённые любят общество себе подобных.

П О Р А Ж Е Н И Е

За исключением генерала и двух-трёх офицеров, американская военная миссия Стилуэлла не была подготовлена к условиям работы в Бирме. Эта миссия ничего не знала о Востоке, британском империализме, китайской армии и о войне в джунглях. Члены миссии не имели собственной точки зрения и не подозревали о политических осложнениях, связанных с событиями в Азии. Подобно большинству американцев, члены миссии были политически незрелы.

По мнению кадровых военных, война должна была вестись по классическим канонам Академии генерального штаба. Они смотрели на войну как на уничтожение противника, который первый нанёс им удар.

Наивные, молодые офицеры, пришедшие из запаса, имели неопределённые и соблазнительные идеи о прекрасном мире, который должен был возникнуть из обломков старого. Но они вряд ли задумывались над внутренними противоречиями войны, которая ведётся для освобождения и установления демократии среди белых, но сохраняет *status quo* для имперских темнокожих рабов. Если даже они и понимали это основное противоречие, им всё же для понимания английской политики нехватало знания её империалистической и великодержавной сущности.

Офицеры миссии в различной степени разделяли веру в военный талант Стилуэлла. Они видели его смелость и решительность, что, в сочетании с природной склонностью к драматическим ситуациям, делало из него рыцаря без страха и упрёка. Эти офицеры принесли с собой традиционную американскую самоуверенность наряду с обычной снисходительностью, проявляемой американцами по отношению к другим народам. И, как и следовало ожидать,

офицеры вначале были разочарованы, а затем даже обижены, когда поняли, что прибытие Стилуэлла в Бирму отнюдь не рассматривается англичанами и китайцами как разрешение всех проблем. Для членов миссии было непонятно, как могут англичане иронически относиться к американской группе, располагающей большими полномочиями, но не имеющей войск. По мнению англичан, Бирма и без того была наводнена штабами. Бирма нуждалась в человеке с ружьём.

Назначение Стилуэлла командующим китайскими 5-й и 6-й армиями было воспринято здесь как нечто невероятное. Первоначально Стилуэлл был послан на Китайско-Бирмано-Индийский театр операций с чисто учебной, снабженческой и консультативной задачей. Он должен был обучить и снабдить части китайской армии, чтобы они были в состоянии обороняться от общего врага. В его задачи входило также быть советником Чан Кай-ши по вопросам стратегии и тактики в Китае.

Когда Стилуэлл выехал на Восток, Бирманская дорога была единственным путём снабжения Китая. Ко времени прибытия генерала в Чунцин дорога была перерезана, так как Рангун был занят и англичане в беспорядке отступали на север.

Чан Кай-ши, когда его назначили главнокомандующим Китайским театром операций, в который входили Китай, Французский Индо-Китай и Таи (Сиам), попросил, как мы уже указывали, прислать американского начальника штаба. Стилуэлл получил этот пост дополнительно к своим другим обязанностям. Чан Кай-ши назначил Стилуэлла командующим китайскими экспедиционными силами, которые в то время вступали в Бирму из Юньнани. Стилуэлл, которого один военный корреспондент поздравил с новым титулом, скептически заметил: «Не знаю, что нам справлять — праздник или поминки. Не удивляйтесь, если я слечу и через шесть месяцев опять буду возделывать свой сад в Калифорнии».

Стилуэлл весьма трезво смотрел на вещи. Приняв командование над китайцами и оценив обстановку, он сказал: «Мы можем радоваться хотя бы тому, что китайцы находятся слишком далеко от дома, чтобы дезертировать».

Генерал Стилуэлл развернул китайские войска так, что 6-я армия сменила англичан на фронте по реке Сальвиан в Шаньских княжествах, а 5-я армия заняла оборони-

тельные позиции в долине реки Ситтанг, южнее Тоунгу. Английские войска концентрировались в долине реки Иравади, южнее Проме, находясь под непосредственным командованием генерала сэра Гарольда Александера. Объединённого командования союзными войсками в Бирме не было.

Назначение Стилуэлла на указанные выше должности явилось результатом различных соображений, менее всего альтруистических. Хотя отношение Рузвельта к Китаю и было благожелательным, военное министерство США его точки зрения не разделяло. Президент желал сделать всё возможное для этой великой и разорённой страны, потому что она «так героически сражалась в течение многих лет». Военное министерство понимало, какую борьбу вели китайцы, оно хотело предоставить им достаточное для продолжения войны количество материалов и научить их пользоваться тем вооружением, которое Америка намеревалась доставить. Если удержать Китай в войне, рассуждало военное министерство, то большое количество японских дивизий будет связано в Китае, в противном случае они могут быть использованы против Макартура на Тихом океане. Имелись основания полагать, что китайские армии, получившие снаряжение и некоторую подготовку, удастся достаточно эффективно использовать против японцев, избегая крайне неприятной необходимости посылки американских войск на азиатский материк. Исходя из этих соображений, в Китай была направлена миссия Магрудера, а затем миссия Стилуэлла. Группа Магрудера вошла в подчинение Стилуэлла.

Выбор пал на Стилуэлла, потому что он знал Китай, китайцев и китайский язык, китайскую и японскую армии. Генерал Маршалл считал Стилуэлла проникательным, деятельным офицером, хорошим солдатом, решительность и целеустремлённость которого позволяли выполнить любую задачу, если только вообще она была выполнима.

Можно предположить, что причины, по которым Чан Кай-ши попросил для себя американского начальника штаба и, в частности, то, что на эту должность был назначен Стилуэлл, объясняются следующим:

1. Это было лестно для Америки.
2. Это было характерно для китайской вежливости.
3. Стилуэлла можно было использовать для получения больших поставок по лендлизу.

4. Стилуэлл мог добиться присылки американских войск для участия в операциях в Китае.

5. Эта должность была номинальной и имела консул- тативный характер.

Причины беспрецедентного назначения Стилуэлла командующим китайскими экспедиционными силами более загадочны.

Однако можно предположить, что:

1. Это назначение также было лестным для США и для Стилуэлла.

2. Находясь перед перспективой ответственности за поражение в кампании, которая уже была близка к проигрышу, можно было рассчитывать, что американский генерал будет рьяно добиваться американских поставок по лендлизу.

3. Чан Кай-ши, в силу своего враждебного отношения к англичанам, не мог допустить английского генерала к непосредственному командованию китайскими войсками.

4. У китайцев не было генералов, знакомых с методами ведения войны на Западе.

5. В случае поражения китайских войск было весьма желательно иметь американского генерала в качестве козла отпущения.

6. Нет сомнения в том, что китайцы никогда не собирались всерьёз считаться со Стилуэллом.

Стилуэлл принял командование над войсками, такти- ческое положение которых, по крайней мере с теоретиче- ской точки зрения, не было безнадёжным. Союзники обо- роняли три долины больших рек, разделённых горными хребтами. Англичане находились в долине реки Иравади, южнее Проме. Они занимали самую короткую и наиболее удобную для обороны линию и имели в тылу наилучший путь отхода в Индию. Китайская 5-я армия находилась восточнее, по ту сторону гор Пегу Йома в долине реки Ситтанг, одна дивизия стояла фронтом к противнику южнее Тоунгу. Левый фланг в долине реки Сальвин удерживала китайская 6-я армия, защищённая окружающими долину Шаньскими горами.

Хотя союзники испытывали большие неудобства, не имея рокадных железной и шоссейной дорог, они все же могли обороняться на занятых позициях. Японцы были в таком же положении или должны были в нём оказаться после своего продвижения дальше на север. Основным

замыслом операции являлась оборона на флангах, с тем чтобы китайцы могли предпринять контрнаступление в центре. Это контрнаступление, в случае успеха, должно было вбить клин в центр японских позиций, обнажить тыл противника и вынудить японцев к отходу.

Возможности англичан удержать правый фланг были не слишком благоприятны. Англичане так долго терпели поражения, что потеряли веру в своих военачальников и попали под власть ползучей и всепобеждающей психологии поражения.

Обстановка на левом фланге выглядела несколько лучше. 6-я армия была в хорошем состоянии, ей удалось развернуться на местности, которая должна была стать удобной оборонительной позицией. Чтобы выбить армию с этой позиции, требовались превосходящие силы противника. Хотя 6-я армия, даже по китайским представлениям, считалась третьеразрядной, она могла продержаться в течение любого времени против наличных сил противника, если бы только её командование обладало минимальными военными способностями.

Неподвижная оборона дала бы японцам возможность сконцентрировать свои, сравнительно небольшие, силы, маневрировать ими и наносить удары, где и когда им заблагорассудится. Такое положение вынудило бы союзников сражаться так, как это угодно было японцам, и могло привести только к катастрофе.

Генерал Стилуэлл начал подготовку к активным операциям. Он убедился в истинном отношении китайцев к его командованию, как только начал проводить в жизнь свои планы. Стилуэлл переехал на важный центральный участок фронта вместе со штабом 5-й армии, которой командовал генерал Ту Ли-мин. 200-я дивизия подвергалась атакам, но упорно удерживала оборону у Тоунгу. Стилуэлл приказал генералу Ту Ли-мину передвинуть 22-ю дивизию генерала Ляо Яо-сяна южнее и нанести контрудар по флангу и тылу противника. Приказы повторялись в течение трёх дней, но Ляо Яо-сян медлил с их выполнением. Он ждал «подтверждения из Чунцина», пока, наконец, вся затея не провалилась, так как 22-я дивизия дала несколько залпов в воздух и не сдвинулась с места. В данном случае Стилуэлл и Ту Ли-мин действовали совместно, но есть основания предполагать, что Ту Ли-мин тайно отменил приказ Стилуэлла.

Не только китайские генералы отказывались выполнять приказы американского командующего. Сам Чан Кай-ши отказался дать Стилуэллу разрешение на переброску каких бы то ни было китайских частей для оказания непосредственной поддержки англичанам. Стилуэллу было запрещено передвигать войска на расстояние свыше 100 миль в любом направлении, без санкции Чан Кай-ши. Это означало, что Стилуэлл не мог оказать помощи неустойчивому английскому флангу. В дополнение ко всему Чан Кай-ши, сидя в Чунцине, стал отдавать приказы о передвижении китайских войск, находившихся в Бирме. Он отдавал приказы о переброске батальонов, находясь за 2 000 миль от них, так, как будто был командиром полка на поле боя. Первое время Стилуэлл спорил с ним по радио, но позже перестал считаться с подобными распоряжениями.

Китайцы, отказавшись помочь англичанам, сами перерезали себе глотку, оставив без подкрепления свой правый фланг. Они ослабили общее положение тем, что деморализованные английские войска были предоставлены самим себе. Ещё более усилились антагонизм и подозрительность между английскими и китайскими командующими в Бирме. Непосредственное вмешательство Чан Кай-ши в вопросы тактики только увеличивало общее смятение. Союзники представляли собой большое «счастливое семейство», в котором каждый стремился исподтишка ударить другого. Стилуэлл пытался со своего неудобного промежуточного положения установить какое-либо подобие порядка.

В то время, как бирманская кампания была на пути к неизбежной трагической развязке, большинство американцев из группы Стилуэлла пришло к опасному, но вполне объяснимому убеждению, что ни англичане, ни китайцы не способны добросовестно и с честью выполнять возложенные на них задачи. Такое отношение к англичанам оказало своё влияние на командование этим театром операций и в дальнейшем. Офицеры группы Стилуэлла считали, что положение в Азии может быть улучшено при условии использования исключительно американских войск, но при этом они даже не допускали мысли, что у англичан и китайцев есть основания считать такую точку зрения нелогичной, учитывая более чем скромные успехи американских войск. Американцы начинали склоняться к мысли расстаться с союзниками и воевать самостоятельно, без помех. В то время они не знали, что такая позиция была

прямо противоположна политике военного министерства США, которое считало, что англичане и китайцы должны драться своими руками и проливать свою кровь, защищая метрополию и империю. Военное министерство готово было предоставить оружие, но использовать это оружие должны были сами союзники.

Большинство американцев не знали также взглядов Черчилля на то, как Англия должна вести войну. В беседе с американским послом Вильямом Филиппс премьер-министр Черчилль сказал, что Франция пала столь позорно во второй мировой войне потому, что была обескровлена во время первой. Черчилль заявил, что под его руководством с Англией этого не случится. Он не скрывал своего намерения вести «дешёвую войну». Китайцы придерживались собственного варианта «дешёвой войны», смысл которого заключался в сбережении вооружения и боевых частей для борьбы с коммунистами и другими партиями после войны. Военное министерство США, в свою очередь, также намеревалось вести «дешёвую войну» на Китайско-Бирманско-Индийском театре операций. Американские военные деятели были готовы к кровопролитным сражениям на Тихом океане и в Европе, но отнюдь не собирались жертвовать лишними жизнями, сражаясь за Китай, вместо китайцев, или вновь покоря Британскую империю для англичан. Во всяком случае считалось, что американцы никогда не захотят использовать свою пехоту для освобождения британских владений от японцев.

Американцы, благодаря тому положению, которое они занимали в Бирме, вынуждены были постоянно разбирать споры между англичанами и китайцами. Англичане гарантировали жалование и снабжение китайским экспедиционным войскам. Американцы должны были проверять, выполняют ли англичане свои обязательства, поскольку китайцы заявляли жалобы. Одновременно американцы были вынуждены играть роль сторожевых псов по отношению к китайцам, следить за китайскими строевыми записками, в которых завывалось количество наличного состава, чтобы получить больше риса и рупий и поплотнее набить карманы китайских генералов.

Они были также свидетелями жесточайшей распри между правительством Бирмы и английскими военными властями, свидетелями полного банкротства правительства сэра Реджинальда Хью Дормана-Смита. Стилуэлл, люби-

тель давать прозвища, назвал Дормана-Смита «тюфяком». Американцы видели, как английские военные сваливали свои неудачи на Дормана-Смита, а тот винил военных в своих промахах. Шпионащие буддийские жрецы беспрепятственно передвигались по стране в своих оранжевых одеяниях с красными зонтиками — символом их звания.

Стилуэлл настаивал на введении военного положения. Оно так и не было введено. Армия даже не взяла в свои руки контроль над телеграфом. Важные военные сообщения проходили через телеграфные конторы в Маймьо. Эти конторы обслуживались индийцами, лояльность которых была весьма сомнительна. Правда, расшифровать код они не могли, но имели место задержки сообщений серии «вне всякой очереди», а некоторые телеграммы терялись. Ни военные, ни гражданские власти не контролировали этих телеграфных контор, если не считать наблюдения за сообщениями военных корреспондентов, которые, как оказалось, имели неудобную привычку посылать тревожные новости прессе всего мира.

И действительно, положение становилось тревожным, но английская служба безопасности и цензура, судя по всему, были неспособны побороть свою привычку сообщать о поражении, как об «успешном планомерном отходе». В Моулмейне английское коммюнике гласило: «...наши войска нанесли противнику такие тяжёлые потери, что он не был в состоянии преследовать нас при отходе». Таков был тон официальных сообщений, от которых американцев тошнило. Для того чтобы сообщения о китайских войсках доходили в неизвращённом виде, Стилуэлл настоял на том, чтобы все официальные коммюнике выпускались непосредственно его штабом. Эти коммюнике вручались корреспондентам в Маймьо и одновременно передавались по радио в Чунцин для опубликования. Это делалось для того, чтобы англичане не вмешивались не в своё дело. Китайцы согласились пользоваться только коммюнике Стилуэлла.

Туземная пятая колонна могла беспрепятственно находиться вблизи военных учреждений. Поток беженцев начал мешать передвижениям войск. Необходимость эвакуации сотен тысяч индийцев на родину стала очевидной, но правительство было неспособно провести соответствующие мероприятия для открытия и обеспечения продовольствием дорог, ведущих в Индию. В тот момент, когда прибыла

группа Стилуэлла, всё было на грани катастрофы, но никто не хотел этого признавать.

Стилуэлл не остался в Маймьо — прохладной, комфортабельной летней столице Бирмы, вместе с правительством и штабом британского главнокомандующего. Оставив в Маймьо свой второй эшелон штаба, генерал выехал в Пайюбве, в штаб 5-й армии. Оттуда он почти ежедневно совершал поездки на участки фронта, где велись активные боевые действия. Стилуэлл достаточно хорошо знал китайские методы ведения войны, психологию китайцев и понимал, что в таких вопросах, как получение точных боевых донесений и данных разведки, нельзя полагаться на генерала Ту Ли-мина. Он знал, что в случае неудачи китайцы делают всё, чтобы «сохранить престиж». Отстаивая свою точку зрения, они артистически ткнут волшебные сказки и пускаются на всевозможные уловки для того, чтобы казаться более важными. Эти особенности китайцев стары, как сам Китай. Стилуэллу, естественно, было бы трудно и, пожалуй, даже невозможно находиться не в центре событий. Он не мог быть «штабным генералом», который, находясь в тылу, с хладнокровным интересом рассматривает лежащую перед ним большую карту. Стилуэлл жаждал действий, дыма и крови настоящего сражения.

Майор Мерилл, офицер связи с английским Бирманским корпусом, каждый день совершал не менее одной, а то и две поездки на английский участок фронта для бесед со Слимом, штаб которого был расположен примерно в 100 милях по ту сторону горного хребта. Хотя Стилуэлл не был связан со Слимом ни радио, ни телефоном, но, благодаря Мериллу, он всегда знал о положении англичан.

План британского главнокомандующего Александера заключался в удержании оборонительной линии на восток и запад от Проме. Линия обороны захватывала Тоунгу. Как и раньше, этот план давал японцам свободу манёвра и выбора места для нанесения удара. Полной неожиданностью явился план Стилуэлла, который требовал наступления.

Стилуэлл хотел, чтобы Слим атаковал на участке реки Иравади, причём пехота должна была идти вплотную за танками. 200-я китайская дивизия должна была удерживать позиции в Тоунгу. 22-й китайской дивизии ставилась задача совершить манёвр и атаковать противника во фланг. Весь план предусматривал нанесение одновременного

удара. Слим спросил Стилуэлла о цели наступательных действий.— Рангун! — ответил генерал, не моргнув глазом. Слим согласился с планом.

Во время осуществления этого плана Александер был на совещании в Чунцине. Англичане продвинулись у Проме, а 7-й гусарский полк, ко всеобщему удивлению, удачно прорвался вместе с танками и продвинулся вперёд на 7 миль. Первоначально пехота двигалась непосредственно за танками, но затем была втянута в стычки по уничтожению отдельных групп японцев. В это время японские и бирманские части противника переправились незамеченными через Иравади и напали с тыла. Продвинувшиеся части союзников вынуждены были отойти к Проме. Основной причиной провала было отсутствие воздушной разведки: японские и бирманские части смогли продвинуться на север по восточному берегу реки, не будучи замечены англичанами. 22-я китайская дивизия ожидала из Чунцина «подтверждения приказа». Дивизия не сдвинулась с места. Единственная наступательная операция первой бирманской кампании закончилась поражением и взаимными упрёками.

Англичане сваливали вину на китайцев, а китайцы винили англичан. Англичане, испытывая обиду при воспоминании о своих многочисленных отступлениях и ещё больше разозленные саркастическими замечаниями китайских и американских военачальников, открыто издевались над «Великим китайским наступлением Стилуэлла». 200-я китайская дивизия в течение 13 дней удерживала Тоунгу, но в конце концов была вынуждена отойти, потеряв 1 000 человек. Англичан обвиняли в том, что они виноваты в поражении. Китайцы утверждали, что английские офицеры связи, ведавшие снабжением, убежали и обрекли 200-ю дивизию на голод. Англичане возражали, заявляя, что генерал Тай Ан-лан удалил офицеров связи из своего штаба и приказал им находиться так далеко в тылу, что они оказались отрезанными от дивизии, когда японцы охватили её с трёх сторон. Судя по тому, как китайцы позднее принимали американских офицеров связи, английское объяснение кажется правдоподобным.

Стилуэлл был вынужден выехать в Чунцин, чтобы объяснить Чан Кай-ши положение и выяснить размеры своих полномочий как командующего. Помимо того, что китайцы

отказывались выполнять его приказы, американцы были озадачены недавним приездом в Маймьо генерала Вонга, специально посланного Чан Кай-ши в ставку Александра. Этот визит также смутил и англичан, которым становилось всё менее и менее ясным официальное положение Стилуэлла.

Примерно в то время, когда Стилуэлл выехал в Чунцин для выяснения вопросов, связанных с его положением, Александр вернулся из Чунцина и заявил, что Чан Кай-ши принял его как верховного союзного командующего бирманской кампании. Для американского штаба это заявление было ересью. Для англичан это было первое за многие месяцы событие, позволяющее им «сохранить престиж». Китайцы откровенно восприняли это «как ещё один слух». Во всяком случае, именно Стилуэлл настоял на назначении Александра на этот пост, так как чувствовал, что добиться единства другим путём невозможно.

Китайцы в общем были довольны создавшимся положением. Впервые за многие годы они были обеспечены пищей. Англичане платили им твёрдой валютой. Впервые им оказывали подобие медицинской помощи, а возможности грабежа, хотя и ничтожные по европейским военным стандартам, казались им вполне достаточными, учитывая товарный голод. Китайцам было совершенно неважно, кто имел славу и почести командующего. Только одна китайская дивизия принимала действительное участие в боях, а офицеры связи, подобно генералу Хо Ин-цину в Маймьо, переехали в английские комфортабельные бунгало. Хо Ин-цин привёз с собой семью и разъезжал по прохладной горной местности в полученном по лендлизу «Бюике».

Медицинское обслуживание было весьма примитивным. Когда Стилуэлл прибыл в Бирму, к нему пришёл коренастый американский баптистский миссионер-врач. Вошедший представился: «Я доктор Сигрейв, со мной двое врачей и несколько бирманских девушек — медицинских сестёр. Я хотел бы организовать госпитали для 5-й и 6-й китайских армий или делать то, что Вы сочтёте нужным».

Стилуэлл задал несколько вопросов, и Гордон С. Сигрейв стал майором медицинской службы армии США.

Сигрейв разделил свой маленький отряд на две части, оставив англичанина доктора Тэдда Гурней во главе госпиталя в 6-й армии, а сам отправился в 5-ю армию. В по-

мощь ему Стилуэлл направил хирурга клиники в Маймьо капитана Джона Гриндлей, находившегося в Чунцине, и капитана Д. М. О'Хара — зубного врача, прибывшего в Бирму со Стилуэллом. Сигрейву также помогали добровольцы-санитары—английские квакеры¹, принципиальные противники войны, которые, однако, оказались самыми смелыми и отважными участниками кампании.

Вопросами снабжения и эвакуацией в тыл ведали генерал Роберт Лим, председатель китайского Красного Креста и помощник главного хирурга китайской армии, и полковник Роберт П. Вильямс, начальник медицинской службы группы Стилуэлла.

6-я армия дислоцировалась в живописных Шаньских районах, создавая запасы риса и обвиняя англичан в недостаточном продовольственном снабжении. Эти дополнительные запасы были позднее захвачены японцами, когда вся 6-я армия была разогнана одним японским полком усиленного состава.

5-я армия, оборонявшаяся южнее Мандалая, жила со всеми удобствами, какие только возможны для армии в поле. Риса и овощей было изобилие; в окрестностях можно было найти достаточное количество свиней, скота и домашней птицы; стол, с точки зрения китайских стандартов, ломился под тяжестью яств.

Мясо и овощи в значительных количествах поставлялись Брейтоном С. Кейсом, тоже баптистским миссионером. Кейс имел сельскохозяйственную экспериментальную ферму в Пинмане; знал все туземные наречия. Он разводил сады, покупал скот и птицу. Впоследствии Кейс сумел достать туземных носильщиков и продукты, благодаря чему Стилуэлл выбрался живым из Бирмы.

В это время 66-я дивизия 3-й китайской армии первой начала вступать в Бирму. Командир дивизии прибыл в Маймьо по типичной китайской моде. Привёз с собой чемодан, полный китайских банкнот, и, доложив Стилуэллу о прибытии, исчез на два дня. Он спешил обменять привезённые деньги на рупии по твёрдому курсу, а не по курсу чёрной биржи. Это было, как позднее выяснили американцы, летавшие через «Горб»,² весьма выгодное занятие.

---

¹ Сектанты англо-баптистской церкви. Прим. ред.

² Условное название части Гималайского хребта, над которым проходила воздушно-грузовая трасса из Индии в Китай. Прим. ред.

Китайцы, будучи мастерами тонкого искусства лицемерных бесед и всяческих проволочек, рассчитывали вести военные действия в соответствии с китайскими традициями.

Они готовы «слегка» сражаться, но им надо также устраивать свои дела и они не намерены отказываться от жизненных удобств. Никто из китайских чиновников не хотел возвращаться в Китай, но они, вероятно, рассматривали эту кампанию как продолжение военных действий такого типа, какие велись в Китае со времени падения Шанхая. В Китае японцы захватили ту территорию, которая им была нужна, и обосновались с тем, чтобы эксплуатировать и «умиротворять» её. Сражений больше не было. Действия японских войск ограничивались набегами на рисовые поля, которые китайцы оставляли, а затем вновь занимали после того, как японцы, забрав необходимое количество риса, возвращались на свои базы.

Китайская армия из-за коррупции, отсутствия внимания со стороны правительства, а также из-за плохого транспорта должна была сама себя снабжать. Она вступала для этого в сделки с местными крестьянами, а во многих случаях и с противником.

Для китайских гражданских лиц было довольно легко перейти линию фронта между Чунцином и Шанхаем. Для перебежчика, располагающего деньгами, это было совсем просто. Контрабандная торговля велась между обеими воюющими армиями. Было общеизвестно, что китайцы и японцы совместно владели паромной переправой в одном из пунктов на Жёлтой реке.

В Китае такого рода вещи не являются государственной изменой. Китайцы — в высшей степени практичный народ. Если правительство их не обеспечивает одеждой и деньгами, им кажется вполне логичным вступить в сделки с любым, кто может удовлетворить их потребности. Западные народы с трудом понимают такое отсутствие патриотизма у китайцев. Лойяльность по отношению к национальному правительству или к различным временным правительствам почти всегда отсутствует. Китайцы верны семье, а не государству. Тем не менее они являются смелым народом с высоко развитой цивилизацией, но со средневековым правительством и устарелой техникой. Китайцы, попадая в самые неблагоприятные условия, никогда не жалуются и не теряют чувства юмора. Как писал однажды Брукс Аткинсон, военный корреспондент «Нью-Йорк таймс», про-

стой китаец представляет собой «славу Китая». Китайский солдат украдёт что угодно, от детской коляски до портрета американской красавицы, только потому, что у него никогда ничего не было. Он будет нести с собой любое награбленное имущество, от выброшенных негодных ботинок втрое большего размера, чем ему нужно, до рупий из английского банка. Однако грабёж не является характерной чертой только китайцев. Он достиг высокого уровня у американских войск, изъывших из Германии всё, начиная от серебряной посуды и драгоценностей и кончая гражданскими автомашинами, личными радиоприёмниками и пони для игры в поло.

Если китайские генералы полагали, что бирманская кампания явится продолжением привычной для них войны в Китае, то они рано или поздно обнаружили свою ошибку. Японской целью был захват всей Бирмы с двойной задачей — вбить клин между Индией и Китаем, единственными возможными базами наступления союзников в Азии, и защитить свой Малайский — Индо-Китайский фланг. Японцы не намеревались мешкать, занимаясь налётами на рисовые поля или манёврами для обучения неопытных войск. Они собирались очистить Бирму до наступления сезона муссонов и нанести обороняющимся войскам союзников достаточный урон с тем, чтобы отложить на неопределенный срок осуществление планов союзников по освобождению территории, занятой японцами.

Теперь японцы сражались на открытой местности к югу от Мандалая, продвигаясь вверх по долине реки Иравади, имея против себя врага, деморализованного снизу и дезорганизованного сверху. Японцы располагали достаточными воздушными силами, в то время как союзники обладали несколькими устаревшими самолётами Британских воздушных сил и 15—20 истребителями Р-40, которые пилотировались лётчиками американской группы волонтеров под командованием Ченнолта.

Назначение Александра верховным союзным командующим хотя по патриотическим соображениям и было неприятно американцам, но всё же было разумным; впервые появилась некоторая надежда на единое командование, отсутствие которого увеличивало неразбериху в лагере союзников.

Стилуэлл вернулся из Чунцина вместе с генералиссимусом Чан Кай-ши и генералом Ло Чжо-ином. С ними также

приехал д-р Холлингтон Тонг из китайского министерства информации — автор классических китайских коммюнике, которые создали ему репутацию лучшего беллетриста Востока.

Стало абсолютно ясно, что Стилуэлл остаётся командующим китайскими экспедиционными силами; его помощником был назначен Ло Чжо-ин, старый гоминдановский генерал. Стилуэллу было дано право наказания непокорных китайских генералов. Командующие китайскими армиями были проинформированы в этом духе.

Во время конференции в Маймьо положение вновь усложнилось. Генералиссимус Чан Кай-ши грубо приказал Александру подготовить план обороны Бирмы и представить ему для одобрения в Чунцин. Чан Кай-ши не имел права командовать в Бирме. Границы его театра операций были за пределами Британской империи и оперативный контроль над всеми войсками в Бирме перешёл от Уэйвелла к Александру. Через Александра он распространялся на английские войска и на Стилуэлла, предположительно командующего китайскими войсками. Чан Кай-ши обладал административным контролем только над своими войсками. Он мог отозвать их в Китай, если считал это нужным, но не мог руководить ими тактически в Бирме.

Чан Кай-ши потребовал для одобрения план обороны Бирмы и Александр на это согласился, хотя это требование нарушало соглашение и являлось ударом в спину Уэйвеллу и английскому командованию в целом. Вот штрих к царившему на конференции в Маймьо духу «братской любви»: генерал Ту Ли-мин, спокойно глядя в глаза Александру, как-то спросил: «Когда, наконец, Вы, англичане, перестанете отступать и начнёте драться?»

Это был трудный вопрос. Было решено, что англичане отступят к Алланмьо и останутся там, в то время, как китайцы отойдут к Пьинману и там закрепятся. Были разговоры об общем контрнаступлении, но в эти разговоры уже никто не верил. Во время пребывания Чан Кай-ши в Маймьо Мандалай сгорел дотла. Войска имперского гарнизона практически ничего не сделали, чтобы приостановить пожары или похоронить трупы, которые валялись по всему городу. То, чего не сделали японские бомбардировщики, доделали бирманские предатели. Остатки населения вышли из повиновения и Александр попросил Чан Кай-ши направить один полк 38-й дивизии для несения гарнизон-

ной службы. Разрешение было дано, и дивизия была потеряна для фронта во имя того, чтобы защищать тыл.

Тыл становился всё более хаотичным. Железнодорожные служащие, а также чиновники гражданской службы и горювцы были индийцами. Бирманцы ненавидели англичан, но этих индийцев они ненавидели ещё больше. Железнодорожные станции не охранялись, и это позволяло бирманцам срезать головы индийским служащим. Бирманцы пользовались для этого «дахом», бирманским эквивалентом американского ножа для срезания кукурузы. Индийцы, не испытывая особого желания покончить своё земное существование, выезжали большими партиями. Другие бежали, узнав, что белые чиновники покинули их на произвол судьбы.

Следует учесть, что эти индийцы ничего не теряли, кроме службы. Бирма и, возможно, Индия могли попасть под японский контроль, но для индийцев это означало бы лишь смену хозяина. Лучше было потерять службу, чем голову. Человек всегда может достать другую работу, а индийская философия перевоплощений была недостаточно сильна, чтобы заставить индийца подставить шею под нож в блаженной вере, что он станет принцем крови в следующем перевоплощении.

Бирманцы систематически уничтожали всё, что оставалось от деревень после японских бомбардировщиков. Воздушные силы японцев подвергали бомбардировке все города и деревни вдоль железных дорог, уничтожали запасы, подвижной состав и пути. Как только бомбардировщики улетали, бирманцы дотла сжигали населённые пункты. Огонь был их стихией, и они отмечали каждое место концентрации союзников пожарами в джунглях; это позволяло бомбардировщикам противника лететь ночью к цели так же уверенно, как и при наличии радиомаяков.

Этим действиям англичане, повидимому, ничего не могли противопоставить. Нехватало войск для охраны коммунальных учреждений и других пунктов в тылу. Туземные полицейские силы были ненадёжны и, кроме того, заметно таяли. Единственным средством пропаганды англичан был призыв к населению Бирмы оставаться спокойным. В то же время они скрывали общеизвестные факты и делали ложные заявления по поводу английских резервов. Эти сообщения порождали фантастические слухи. Американцы настаивали, чтобы военные и гражданские корреспонденты

либо делали правдивые заявления, либо молчали. Только такой метод мог восстановить доверие населения к английскому правительству. Но к тому времени американские советы оказались уже ненужными: что бы англичане ни говорили, туземцы всё равно не верили.

Джон Дэвис из государственного департамента США, политический советник Стилуэлла, предложил губернатору Бирмы опубликовать заявление, в котором Бирме была бы обещана независимость после войны. Это нужно было сделать, чтобы противопоставить хотя бы что-нибудь весьма эффективному пропагандистскому лозунгу японцев «Азия для азиатов!». На это предложение Дорман-Смит ответил, что солидная победа союзников в большей степени сможет ослабить пропаганду японцев, чем все декларации в мире вместе взятые. Возможно, что в этом он был прав. Но всё же, если бы нечто напоминающее независимость было дано бирманцам в начале войны, союзники могли получить поддержку бирманского населения, что, несомненно, способствовало бы победе. Во всяком случае объявление независимости Бирмы должно было исходить от Черчилля и ему подобных, но не от колониального губернатора.

После провала у Проме англичане согласились остановиться у Алланмьо. Стилуэлл решил отойти к Пьинману, где намеревался одной дивизией атаковать японцев, а две другие использовать для двойного охвата. На бумаге эти планы выглядели прекрасно, но все были настроены пессимистически. Весь манёвр зависел от того, удастся ли англичанам удержаться у Алланмьо, где они прикрывали китайский фланг, а также от выполнения китайцами соответствующих приказов. Несмотря на указания Чап Кай-ши, было мало вероятным, что китайские командиры примут приказы Стилуэлла к исполнению.

Японцы гнали англичан на север, причём значительная часть их войск могла быть переброшена и на другие участки, так как англичане потеряли способность сопротивляться. Английские, бирманские и индийские войска были совершенно разбиты, истощены и потеряли всякую веру в своих командиров. Они даже не уничтожали мостов при отходе. Английские «томми»¹ дезертировали в таких количествах, что потребовалось выставить специальные посты военной полиции в Мандалае, чтобы перехва-

---

¹ Прозвище английских солдат. — Прим. ред.

тывать дезертиров, стремившихся добраться до Китая. Всё чаще можно было слышать от них: «Я никогда больше не буду драться за империю!» Другие заявляли, что будут сражаться только вместе с янки или с китайской армией.

Это разложение давало противнику возможность оттягивать всё большее количество своих войск для использования на других участках фронта. Длительное затишье на участке 6-й армии начало беспокоить американских штабных офицеров. Если в начале участия китайцев в боевых действиях и имелась некоторая вера в боеспособность 5-й армии, то насчёт 6-й армии никто не питал никаких иллюзий. 6-ю армию считали третьеразрядной армией военного времени с неспособным командующим — генералом Каном. Существовала опасность японской атаки из Ченмая. Японцы, удерживая инициативу в своих руках, могли маневрировать войсками по своему усмотрению. Союзники сильно напоминали оглушённого ударами боксёра, который реагирует ещё на звон колокола, вызывающего его на ринг, но уже проиграл бой и лишь надеется как-нибудь продержаться до конца.

Англичане отступили к Алланмью, но не задержались там. Они остановились у Магве, менее чем в 50 милях к югу от крупных нефтяных промыслов Бирмы, снабжавших войска бензином. Это удивительное отступление произошло так быстро, что японцы оторвались от отходящих англичан. Поспешный отход англичан обнажил фланг китайских войск, уничтожив тем самым всякую возможность китайской наступательной операции из Пьинмана. Военные корреспонденты, побывавшие в Греции, отметили сходство между этой кампанией и тем, что они видели в Греции. Но цензура не пропустила такого рода сообщения. В обеих кампаниях англичане выбирали себе для обороны лучшие и наименее протяжённые рубежи. И в обоих случаях они отступали так поспешно, что обнажали греческие и китайские рубежи, вынуждая соседей к отходу вне зависимости от того, желали другие армии сражаться или нет.

15 апреля 1942 года Стилуэлл прибыл на совещание с Александром. Александр впервые признал, что он потерял управление войсками. Он сказал, что войска не могут удержаться, потому что они истощены и у них исчез воинский дух. Положение безнадежное. Это был совсем не тот Александр, который беседовал с представителями прессы 16 марта и обещал наступательную кампанию. Он отметил,

что беда англичан в Малайе и Бирме заключается в том, что они привязаны к дорогам. К несчастью, войска никогда не останавливались на достаточно продолжительный срок, чтобы отойти от дороги, если не считать ночного времени, когда они добирались до деревень, чтобы проснуться утром окружёнными и вновь продолжать бегство, двигаясь лишь по дороге. Деморализация всё возрастала.

Предвидя неприятности в нефтяном районе Енангьяунга, Стилуэлл добился у Чан Кай-ши разрешения взять из 38-й дивизии генерала Сун Ли-жена ещё один полк для обороны нефтяных промыслов. Один полк нёс гарнизонную службу в Мандалае, а второй должен был погрузиться в вагоны 14 апреля. Горьким разочарованием, но отнюдь не сюрпризом, явился телефонный звонок английского железнодорожного чиновника, который сообщил, что китайский командир отказался произвести погрузку своего полка в эшелон, потому что «не получил приказа». Американцы знали, что приказ был вручён ему лично.

Эта задержка дала возможность японцам поймать в ловушку остатки 1-й Бирманской дивизии в Енангьяунге. В конце концов китайский полк прибыл и вызволил английские войска, но китайцы затем отошли на север, прикрывая спасённых ими англичан. Это событие породило в английском министерстве информации интересную и характерную историю. Британская радиовещательная корпорация (БиБиСи), получив информацию от Александра, сообщила, что английские войска пробились из окружения, причём китайские войска никак не были упомянуты. Однако в американском коммюнике, которое было передано по радио в Чунцин и затем передавалось из Лондона как сообщение из Чунцина, сообщалось, что китайцы вновь захватили нефтяной район, но при этом не было ни слова об англичанах. Это американское коммюнике не было опубликовано в Бирме из-за запрещения отдела гражданской службы штаба Александра. БиБиСи и его спутник «Всеиндийское радио» являлись единственным радиоголосом для населения Индии и Бирмы. Две передачи, сделанные соответствующим образом, создали впечатление, что англичане сами спасли свои головы под Енангьяунгом. Вновь англичанам удалось «сохранить свой престиж».

Единственный подвижной резерв Стилуэлла был расположен за 5-й армией. Этот резерв следовало беречь на случай непредвиденной катастрофы на участке 6-й армия

или для наступательных операций на участке 5-й армии. В связи с поражением англичан китайцы были вынуждены отступить на север; ни о каких наступательных действиях нечего было и думать.

Ситуация стала настолько ужасающей, что Стилуэлл и Ло Чжо-ин с разрешения Чан Кай-ши перебросили две дивизии в помощь англичанам. Но вследствие этого участок 5-й армии был значительно ослаблен и практически отсутствовал резерв на случай необходимости оказать помощь 6-й армии. В дополнение ко всем трудностям, полностью бездействовала союзная разведка. Англичане не имели ни одного самолёта для ведения разведки на фронте. Стилуэлл неоднократно повторял, что ему приходится сражаться вслепую, в то время как японцы, благодаря пятой колонне и разведывательной авиации, были осведомлены о каждом его шаге. Ченнолт приказал американской добровольческой группе производить разведывательные полёты над занятой японцами территорией, но американские истребители, из-за высокой скорости и отсутствия фотоаппаратов, были непригодны для разведывательных целей. Лётчики не обладали подготовкой, необходимой для наблюдателей.

В это время американский генерал-майор Бреретон прибыл, после Явы, в Индию с остатками бомбардировочной авиации и несколькими бомбардировщиками с Филиппин. Стилуэлл предполагал, что эти воздушные силы поступят в его распоряжение для частичного противодействия японским бомбардировочным операциям и для поднятия упавшего духа союзников. Британские воздушные силы передислоцировались в Индию. В Бирме оставалось лишь незначительное число истребителей Р-40 американской добровольческой группы. Однако генерал Бреретон, расположившись в пышном отеле «Империал» в Дели, истолковывал полученные им приказы как подчиняющие его непосредственно Уэйвеллу.

Толкование приказов старшими начальниками, как мы увидим позднее, зависит от самых различных соображений, капризов, личных и национальных целей и стремлений. Вероятно, на протяжении всех последующих месяцев и лет ни одна директива Объединённого англо-американского штаба не получила одинакового толкования у различных групп, которые должны были действовать в полном единодушии против общего врага.

Бреретон считал себя подчинённым Уэйвеллу. По его мнению, Стилуэлл командовал наземными войсками, а он, Бреретон, — воздушными силами, и оба они равно подчинены Уэйвеллу. Члены штаба Стилуэлла в Маймьо советовали своему «хозяину» просить военное министерство США освободить Бреретона от занимаемой должности, если только положение не выяснится. Стилуэлл поблагодарил своих советников, но сказал, что в данный момент слишком занят и не имеет времени этим заниматься.

Примерно тогда же от военного министерства США прибыла радиограмма, в которой запрашивались планы Стилуэлла относительно создания Главного штаба и контроля над американскими силами на Китайско-Бирманско-Индийском театре операций. Вполне вероятно, что в то время Стилуэлл действительно не имел никаких планов. Он был по горло занят спасением из Бирмы всего, что ещё можно было спасти. Тем не менее Стилуэлл послал бригадного генерала в Дели для организации там штаба и установления связи со штабом в Чунцине. К этому времени Стилуэлл понял, что сухопутная связь с Китаем прервана и что он должен теперь сконцентрировать свои усилия и удержать возможно большую территорию Северной Бирмы для того, чтобы наладить грузовую воздушную линию, связывающую её с Китаем.

Стилуэлл указал Бреретону на необходимость бомбардировать определённые объекты в Бирме для оказания поддержки китайским войскам. Психологический эффект от американской бомбардировки должен был во много раз превзойти тактический успех. Томми поговаривали об английском «новом секретном оружии» — невидимом воздушном флоте. Китайцы оправдывали бездеятельность своих наземных войск отсутствием поддержки с воздуха. Малейший шум самолёта заставлял любого союзного солдата прятаться в щель, даже не взглянув на небо, потому что этот шум мог исходить только от японских самолётов.

Во время первой бирманской кампании воздушные силы союзников, за исключением американской добровольческой группы, ничем себя не проявили. Британские воздушные силы, располагая устаревшими бомбардировщиками Бленхейм и древними истребителями Брюстер «Буффало», фактически бездействовали и в конце концов покинули Бирму, после того как японцы разбомбили значительное количество английских самолётов на аэродроме

в Магве. Сеть воздушного оповещения не была организована, и одновременно были захвачены врасплох самолёты американской добровольческой группы.

Бреретон ответил Стилуэллу, что он не в силах бомбить указанные ему объекты ввиду отсутствия в Бирме аэродромов, пригодных для его «летающих крепостей». Оставалось необъяснимым, почему он не мог бомбить объекты, базируясь на индийские аэродромы. Кстати, позднее, по приказу Уэйвелла, он лично командовал небольшой группой, бомбившей Андаманские острова в Бенгальском заливе. Японцы укрепили эти острова и бомбёжка не дала никаких результатов. Всё же Бреретон добился собственного награждения и награждения всех своих лётчиков за этот «подвиг».

Примерно в это время правитель Бирмы Дорман-Смит проявил гениальную сообразительность. Трясущийся от страха колониальный губернатор разделил бслых и цстсных беженцев. Белые беженцы были эвакуированы в Индию пароходами, самолётами индийских воздушных сообщений и самолётами Китайской национальной авиационной корпорации. Туземцы направлялись по дороге, получившей название «Чёрной тропы», которая является самым позорным пятном во всём наследстве, оставленном губернатором Бирмы. 400 тысяч беженцев пытались спастись по этим тропам, которые вели через трудно проходимые горные хребты и малярийные джунгли, отделяющие Бирму от Индии. Запасы риса для беженцев были недостаточны и неправильно рассредоточены, хотя рис в Бирме имелся в избытке. Беженцы, брошенные на произвол судьбы, умирали десятками тысяч от голода и эпидемий.

Прекрасно зная истинное состояние американских воздушных сил, Дорман-Смит обратился к ставке Стилуэлла в Маймь с лицемерным требованием вывезти от 60 до 100 тысяч беженцев в Индию.

В эти дни перед Стилуэллом встала ещё одна административная проблема: что делать с американской добровольческой группой? По согласованию с военным министерством США, эту группу недисциплинированных, но смелых и в высшей степени компетентных пилотов, было решено включить в состав военно-воздушных сил.

Вполне понятно, что добровольческая группа Ченнолта, состоявшая из бывших лётчиков армии, флота и морской пехоты, не проявила никакого энтузиазма по поводу вступления в регулярные воздушные силы. Тот факт, что они

ранее отказались от службы в армии, уже достаточно характеризует их отношение к службе в регулярных частях. 9 апреля 1942 года Ченнолт был вновь призван на действительную службу и ему было присвоено звание полковника.

Начальник штаба группы Гарвей Гринлоу не скрывал, что служить в регулярных частях согласится не более 5% добровольцев. Их контракт с китайским правительством истекал в июле и не было никакой надежды на его продление. У волонтеров оставалось три выхода: 1) вступить в 10-ю воздушную армию, 2) вернуться в Соединённые Штаты для получения новых назначений или возврата на старые должности, 3) подписать контракты с Китайской национальной авиационной корпорацией и пилотировать С-47.

Гринлоу ясно и просто объяснил, что лётчики американской добровольческой группы понимают, что они будут подчинены неопытным кадровым военным, даже в том случае, если Ченнолт будет произведён в бригадные генералы и получит командование группой.

Пилоты добровольческой группы, бесстрашно и настойчиво уничтожавшие японские самолёты, с трудом мирлись с положением в 10-й воздушной армии. То, что они там видели, было обычной неорганизованностью нового соединения без достаточного количества материальной части и личного состава.

Но как выяснилось, Ченнолт не посчитался с мнением волонтеров и прилагал все усилия к тому, чтобы лётчики и обслуживающий наземный персонал группы вошли в 23-ью истребительную группу. 21 апреля 1942 года Ченнолт послал Стилуэллу радиограмму, в которой просил его рекомендовать гражданским воздушным линиям на театре операций не принимать на службу американских волонтеров. Казалось, что американская добровольческая группа, которая сыграла блестящую роль во время бирманской кампании, вскоре вольётся в качестве составной части в бесславное целое. Эта группа, совершавшая подвиги у Рангуна, в то время когда британские воздушные силы могли только обеспечить прикрытие, должна была отойти в область истории. Однако, если пилоты-добровольцы и собирались уехать, всё равно, у них нельзя было отнять славы, которую они снискали как единственная часть союзных сил, которая дралась с врагом и побеждала его. Стилуэлл знал, что лётчики этой добровольческой

группы были нужнее на Китайско-Бирманско-Индийском театре операций, чем в любом другом месте. Он знал, что потребуется много месяцев для создания им замены, которая, однако, не будет обладать их опытом. Он был горько разочарован поведением американской добровольческой группы.

Однако все эти проблемы не отвлекали Стилуэлла от его основной обязанности — удерживать китайцев в состоянии, несколько напоминающем единую боевую силу, и помогать по мере сил англичанам в их секторе. Если он и испытывал временами озлобление и нервозность, то это можно объяснить только тем, что трудно философски относиться к людским слабостям в период несчастья. А несчастье внезапно свалилось на плечи Стилуэлла. Спокойный участок 6-й китайской армии неожиданно оживился. Японцы, согласно разведывательным допесениям, укрепляли свой фронт в долине Сальвин, южнее Шаньских княжеств, за счет частей, прибывающих из Таи. Эти силы, возможно несколько большие, чем усиленный полк, внезапно атаковали 6-ю армию.

6-я армия состояла из трёх слабых дивизий по 6 тысяч человек в каждой. Дивизии были плохо вооружены и, как выяснилось, их командование никуда не годилось. Армия занимала фронт протяжением около 200 миль. 55-я дивизия, которой командовал генерал Чен, оборонялась на направлении главного удара. Полковник Фредерик Мак Кейб, офицер связи Стилуэлла при штабе 6-й армии, инспектировал оборонительные рубежи Чена за день до наступления и был потрясён увиденным. Чен расположил свою дивизию в глубину вдоль дороги и оборонял настолько незначительный участок, что дивизию свободно мог окружить один взвод. Пулемёты были установлены в кустарнике и не имели секторов обстрела. Грузовики и войска, скученные вдоль узкой дороги, обладали боеспособностью детского сада.

Мак Кейб посоветовал Чену отвести дивизию на близлежащие холмы, где можно было занять соответствующие оборонительные позиции, господствующие над дорогой в Лойкау. Но его советам никто не внял. Китайскому генералу принять совет от иностранца означало «потерять престиж». Командный пункт Чена был расположен в 30 милях позади переднего края. Когда генерала видели в последний раз, он был ещё в 15 милях за своим командным пунктом.

55-я дивизия исчезла. Она буквально испарилась. Стилуэлл заметил по этому поводу: «Это самая проклятая вещь, которую я когда-либо видел. Вчера вечером у меня была дивизия, а сегодня у меня её нет». Дивизия просто распалась на группы из двух-трех человек, которые отправились на север, домой.

Положение было серьезным, теперь оно стало безнадежным. Стилуэлл получил согласие Александра взять 200-ю дивизию из сектора англичан и перебросить её на восток, чтобы остановить японцев, продвигающихся к Лашио. Но это мероприятие было задержано на один день, оказавшийся роковым. Задержка произошла по вине генерала Ю Фэй-пэна, китайского начальника перевозок и генерала Ту Ли-мина, которые согласились выделить только 20 грузовиков для переброски войск. Ю Фэй-пэн имел в Лашио свыше 700 грузовиков, они были заняты переброской в Китай продовольственных запасов, а также его собственных награбленных вещей. Ту Ли-мин открыто использовал 200 грузовиков для перевозки награбленного имущества. В результате 200-я дивизия опоздала на день.

Стилуэлл захватил с собой генерала Ло Чжо-ина и выехал на участок 6-й армии. Он приказал Кану передвинуть две непострадавшие дивизии на запад и попросил Чан Кай-ши прислать подкрепления по Бирманской дороге. Стилуэлл, как сообщает Джек Белден в своей книге «Отступление вместе со Стилуэллом», сам принял команду над одной китайской ротой. Он приказал роте удерживать позиции в критическом пункте около Тоунгу. Рота держалась до прибытия подкрепления, затем перешла в атаку и отбросила японцев на 17 миль. Тогда генерал назначил награду в 50 тысяч рупий за захват деревни, и китайцы взяли её. Но это было предсмертным вздохом, так как японцы шли напролом на Лашио, не встречая сопротивления.

Генерал Кан утверждал, что он потерпел поражение потому, что английская система снабжения развалилась и китайские войска были голодны. Это было ложью. Тонны накопленного и скрытого Каном риса были позднее захвачены японцами.

Прорыв японцев положил конец всякому подобию плавного сопротивления в Бирме. Фланговым обходом на востоке японцы получили возможность перерезать пути отхода союзников в Китай, а также угрожали путям отхода в Индию. Это был конец. И с этого момента задача за-

включалась в организации отхода, с тем чтобы максимальное количество войск успело отступить в Индию и Китай.

Возможности превратить поражение в победу отсутствовали. Не стоял даже вопрос о временной обороне в северных джунглях.

Наконец-то командование стало единым. Оно было объединено страхом. Это было психологическое единство, направленное к тому, чтобы выжить, выбраться. Но даже эта общность интересов в конце концов уступила место борьбе каждой группы за собственную безопасность и жестокому безразличию к судьбе всех отстающих по пути.

Б Е Г С Т В О

Оглядываясь назад, легко понять причины поражения союзников в бирманской кампании 1942 года. Эти причины можно было уяснить и во время самой кампании. Но политика, личные моменты, традиции, исконная вражда и непонимание затуманивали ход событий. В настоящее время можно насчитать десять причин поражения союзников в Бирме:

1. Недооценка японских военных возможностей.
2. Недостаточная гарнизонная служба в Бирме, которую несли негодные войска.
3. Отсутствие современной авиации.
4. Неправильные методы обучения войск, основанные на принципе линейной, а не круговой обороны.
5. Отсутствие сотрудничества с гражданскими властями; бирманское правительство серьёзно вредило военным операциям.
6. Непригодность вооружения, снаряжения и автомобильного транспорта для боевых действий в горах и в джунглях.
7. Отсутствие надлежащих планов уничтожения объектов при отходе и неудовлетворительное выполнение тех планов, которые были разработаны.
8. Бездействие важных служб военного снабжения в связи с стопроцентным дезертирством туземной рабочей силы.
9. Отсутствие единого командования.
10. Отсутствие политического лозунга, который мог бы воодушевить войска и привлечь гражданское население Бирмы к сотрудничеству с военными властями, лозунга, который можно было бы противопоставить японскому — «Азия для азиатов».

Теперь союзники мечтали выбраться из Бирмы, добраться живыми в Индию или Китай. Только один человек хотел вернуться назад. Это был Стилуэлл. Все остальные были по горло сыты войной.

Штаб Стилуэлла в Маймьо испытывал серьезные опасения. Большинство офицеров были крайне напуганы. Они думали только о том, как выбраться из Бирмы, пока ещё не поздно. Мак Кейб доложил о поражении 6-й армии. Скорость продвижения японцев,— сказал он,— такова, что штабу Стилуэлла может быть в любой момент отрезан путь отхода в Китай. Это случится, как только японцы захватят Лашио. Кейб заявил, что теперь ничто уже не может спасти положения, так как китайцы — сброд и ими командует генерал, недостойный даже того, чтобы быть «капралом в армии Соединённых Штатов».

Американские штабные офицеры в Маймьо давно порицали Стилуэлла за участие в этой «комедии ошибок» и дружно требовали разрыва с так называемыми союзниками.

Печальную картину этих дней нужно дополнить ещё одним типично китайским штрихом. Генерал Хо Ин-цин объявил, что Дорман-Смит предложил обменять свой безупречный рольс-ройс на два виллиса генерала Хо Ин-цина. Он был в восторге при мысли о возможности обмена двух виллисов, полученных по лендлизу на громадный и несравненно более дорогой лимузин. Единственное затруднение, которое Хо Ин-цин надеялся всё же преодолеть, заключалось в трудностях доставки этого рольса в Китай, чтобы преподнести его Чан Кай-ши. Китайский генерал полагал, что если ему это удастся, то его политическая карьера будет обеспечена. Значительная часть последней американско-китайской конференции 23 апреля прошла в болтовне генерала Хо Ин-цина об этом лимузине.

Ночью 24 апреля американские офицеры пытались связаться со Стилуэллом, чтобы предложить ему немедленный отъезд в Китай. Но в эту ночь им не удалось разыскать Стилуэлла. Сержант Чарльз Джейнз был на следующее утро послан к Стилуэллу в Кауяксе. Кауяксе расположено от Маймьо в 60 милях по мощёному шоссе. Штаб группы не стал дожидаться возвращения Джейнза с указаниями от Стилуэлла. После отъезда сержанта американские офицеры отправились попарно на виллисах в Лашио. Машины

уходили через получасовые промежутки времени. Первым трём парам была дана инструкция произвести разведку к востоку и установить, имеются ли японские войска на дорогах, соединяющих районы Шаньских княжеств с шоссе Лашио — Мандалай. Каждая пара офицеров была предупреждена о том, что она «должна убедиться в безопасности дороги» для тех машин, которые будут отправляться последними по плану.

Офицеры запаса, будучи не храбрее кадровых, были всё же потрясены дезертирством штаба. Эта молодёжь, воспитанная в традициях Уэст-Пойнта¹, была уверена, что «верность до гроба» столь же применима к регулярной армии, как и к морской пехоте. Молодые кадровые офицеры также чувствовали себя беспокойно, но они оставались верными правилу того же Уэст-Пойнта: никогда не критиковать поступки своих командиров.

После отъезда первых трёх разведывательных групп появился Джейнс с приказом от Стилуэлла. «Хозяин» приказал штабу в Маймьо эвакуироваться двумя группами: одной группе штабных направиться по Бирманской дороге в Китай, а другой — пересечь Иравади южнее Мандалая и двигаться на север к Швебо, где он должен её встретить. Большинство из уехавших в Лашио оказались включёнными в группу, направляемую в Швебо. Им пришлось вернуться в Маймьо.

Офицеры этой неудачливой группы вернулись в Маймьо между десятью часами вечера и полночью. Они нашли оставшихся в тесных комнатах баптистского миссионерского убежища. Многие офицеры были в паническом состоянии.

Стилуэлл приказал группе до рассвета перейти мост в Ава, южнее Мандалая. В путь двинулись около двух часов ночи. Поварам и слугам были обещаны средства транспорта и сверх того — защита и питание на протяжении всего пути в Индию, при условии, если они останутся вместе со штабом. Однако, когда настало время приготовить последнюю трапезу в Маймьо, оказалось, что все слуги исчезли. Полковнику Сандускому и одному из младших офицеров пришлось приготовить яичницу, гренки и кофе. Как ни странно, все были рады, что туземцы убежали, потому что теперь не нужно было о них заботиться.

---

¹ Военное училище США. — Прим. ред.

Вся компания выехала в седанах, виллисах и нескольких грузовиках, захватив с собой штабные документы, кухонные принадлежности, амуницию и небольшое количество багажа. Они быстро ехали по извилистой горной дороге из Маймьо в Мандалай, внимательно следя, не протянули ли бирманцы поперёк дороги проволоки, чтобы обезглавить сидящих в виллисах. В джунглях бушевали пожары. Огни служили маяками для ночных полётов японской авиации. Узкая дорога на север была забита повозками и английскими грузовиками, перевозящими остатки штаба Александра. Александр выехал на несколько дней раньше, что ещё больше усугубило панику среди оставшихся американцев. Хотя американцы неодобрительно относились как к боевым, так и к административным качествам англичан, они всё же поняли, что нести в одиночестве в Маймьо «бремя белого человека» тяжело и неприятно. С отъездом англичан американцы утратили объект, по отношению к которому можно было выказывать превосходство. Правда, ещё оставался генерал Хо Ин-цин, но вскоре и он со своим рольсройсом с радостью отправился в Китай.

На Мандалайской равнине американцы встретили английское прикрытие, двигавшееся в направлении моста Ава. Остатки английских войск на восточном берегу Иравади двигались на запад. Англичане всё ещё продолжали скрывать своё отступление, утверждая в прессе, что они бдительно выполняют операцию по удержанию противника, чтобы дать Индии время подготовиться к обороне. Александр приказал цензорам в газетных сообщениях заменять слово «отход» словом «битва». Редакторы американских газет, получая такие сообщения, вероятно, решили, что их корреспонденты заболели белой горячкой. Награда пришла в середине апреля: английское министерство информации передало начальнику информационной службы штаба Александра следующее сообщение:

«Ваши волнующие сообщения об английской величественной обороне Бирмы в значительной степени уменьшили печаль, вызванную в Англии потерей Малайи».

Эти «сообщения» были, повидимому, специально изготовлены.

Английский аррьергард был прижат к дороге. Движение грузовиков и войск через мост Ава почему-то приостановилось. Стояла прекрасная лунная ночь. Мост ясно выделялся на светящейся реке. Великолепная ночь для бомбёжки! Все

сидели и проклинали эту переправу, хотя японцы после падения Рангуна ни разу не потрудились бомбить ночью. Им это было уже не нужно. Днём им всё равно не оказывали сопротивления. Американцы были перемешаны с английскими солдатами и им нечего было отвечать, когда эти солдаты задавали нескромные вопросы: «Где ваша пехота, янки?» Или же замечали: «Спасибо за лендлиз, которого мы не получили». Это были хорошие парни, но озлобленные из-за неудач и поражений.

Как и все солдаты, они мыслили весьма разумно. Они считали, что поскольку им пришлось залезать по уши в это кровавое дело, то они вправе требовать оружия и боеприпасов для ведения боя и пополнения для замены раненых и выбывших из строя. Английский томми — славный парень, несмотря на плохие зубы и отсутствие выправки. Не он был виноват в проигрыше бирманской кампании и паническом бегстве. Он делал то, что ему было приказано. Ворчал, но не сгибался, даже во время ужасных безводных дней, в окружении в Енангьяунге. Некоторые томми, правда, дезертировали, когда офицеры их оставляли, но даже эти дезертиры заявляли о своей готовности продолжать сражаться, только не в английской армии. Томми являлся символом всего, что есть хорошего в Англии. Он был вульгарен и груб. Он не был образован в американском смысле этого слова, но он был несравненно более зрелым, чем американский солдат. В этом их даже нельзя было сравнить.

Переправа прошла без столкновений с противником. Американцы проехали 50 миль к северу, вдоль реки к Швебо. Был конец апреля, и жара на равнинах Бирмы давала себя знать. Американцы получили представление о климатических условиях, которые позднее вызывали громадную смертность от солнечных ударов среди западно-африканских негритянских войск, особенно во время сражений в Северной Бирме. Солнце безжалостно обрушивалось на белые пески пустыни и на коричневые рисовые поля. Хотя американцы прибыли в новую ставку Александра в 7.30 утра, они уже почувствовали жару.

Англичане предоставили в распоряжение американцев пару бунгало. Стилуэлл с личным штабом прибыл через два три часа. Он и генерал Цэн, китайский офицер связи, вылезли из машины. «Хозяин» был в старой шляпе — символе войны. Он потянулся, оглядел свой штаб и, насмешливо улыбнувшись, обронил одну из характерных стилуэлл-

ловских остров по адресу Александра, которая заставила всех рассмеяться.

Никто не знал, что случилось с 6-й армией и где находились японцы. Было известно лишь, что они достигли Лашио. Все ощущали беспокойство, потому что японцы могли повернуть на восток и отрезать группы Стилуэлла и даже Александра. Разведка отсутствовала.

Предполагалось, что англичане прикрывали отход 22-й дивизии из Мейктила, с тем чтобы китайцы могли произвести погрузку на эшелон в Мандалай. Но так называемый английский аррьергард попал туда раньше китайцев и продолжал двигаться на север.

Благодаря полному дезертирству железнодорожных служащих, железнодорожное сообщение контролировалось китайским генералом. Стилуэлл знал, насколько острой была необходимость доставить эшелон к расположению 22-й дивизии. Англичане больше не прикрывали её отход. Задержка эшелона могла привести к уничтожению дивизии. До Стилуэлла дошли сведения, что китайский генерал ничего не делал для ускорения подачи состава. Пришлось самому поехать в Мандалай разыскивать этого генерала. Это была работа, которую можно было поручить младшему лейтенанту, но Стилуэлл делал её сам, как и тысячи других подобных вещей, потому что являлся единственным иностранцем, формально уполномоченным отдавать приказания китайцам. Китайского генерала он застал спящим на заднем сиденье автомобиля и тут же установил, что в отношении состава для 22-й дивизии ничего не сделано. Стилуэлл объяснил генералу, что не замедлит воспользоваться своим правом расстрелять его, если генерал немедленно не отправит состав.

Вернувшись поздно ночью в Швебо, Стилуэлл смог немного отдохнуть до утреннего налёта бомбардировщиков. На этот раз бомба попала в склад с боеприпасами, который взорвался с оглушительным грохотом. Группа корреспондентов и некоторые отделы штаба Александра были расположены поблизости от места взрыва, но никто не пострадал. Лишь один из носильщиков корреспондентской группы был ранен. Пансион, в котором расположилась журналистская братия, немного пострадал. Этого оказалось достаточно для информационной службы. Всем корреспондентам было приказано немедленно эвакуироваться в Индию. Несколько американцев пожелали остаться со Стилуэллом,

но англичане не разрешили. Журналисты уехали. Исключение составил Джек Белден, приятель Стилуэлла. Белден просто отказался уехать. Он перебрался в штаб Стилуэлла и оставался с ним до конца.

Японские бомбардировщики прилетели и на следующий день.

Бомбардировщики шли в сопровождении шести истребителей, которые демонстрировали фигуры высшего пилотажа и вели стрельбу из пушек в воздух. Этим японцы показывали своё презрительное отношение к союзным командующим.

Стилуэлл ежедневно имел важные беседы с Александром и его начальником штаба генералом Винтертоном. Оба англичанина были безукоризненны в своих коротких брюках, безрукавках и чулках для гольфа. Они были при ордене и даже имели красные петлицы генштабистов. Это были чистые, выутюженные офицеры. Генерал Винтертон, как и Александр, был сторонником коротко остриженных усов. Стилуэлл носил старую шляпу, обычное полевое обмундирование, солдатские сапоги, не имел на себе никаких орденов и знаков различия. Его костюм был недостаточно выглажен, так как генерал не имел ординарца. Однажды Стилуэлл, завтракая с англичанами, вёл длительную беседу о том, «что делать?». Присутствовали почти все члены его штаба. Председательствовал генерал-майор Франклин С. Сиберт, позднее командовавший корпусом. Упрямый и резкий Сиберт, считая себя только солдатом, оставался вместе со Стилуэллом в его передовом штабе. Другими членами личного штаба Стилуэлла были полковник Джордж В. Слиней, смелый артиллерийский офицер, подполковник Вилард Г. Вайман, честолюбивый кадровый кавалерист, позднее командовавший дивизией в чине генерал-майора, подполковник Франк Дорн и капитан Ричард М. Т. Юнг — два адъютанта Стилуэлла, которые оставались с ним на протяжении всей кампании. Дорн позднее стал бригадным генералом и помощником начальника штаба Китайско-Бирманско-Индийского театра, а Юнг — китаец, родившийся на Гавайских островах, остался адъютантом до конца. Майор Феликс Новаковский и капитан Кеннет Хеймейкер были адъютантами Сиберта. Остальную часть стола занимали штабные офицеры, прибывшие из Маймьо.

Атмосфера была накалённой, и все советовали одно — послать китайцев к чорту и выбраться отсюда, пока есть

возможность. Сидя на сломанных стульях вокруг гоголо исцарапанного стола, офицеры оживлённо обсуждали эту проблему. Ужасающая жара несколько ослаблялась сломанным опахалом, которое приводил в движение один из немногих оставшихся слуг. На завтрак подавали варёный рис. Консервы сохранялись на непредвиденный случай. Сиберт считал, что с китайцами надо распрощаться, но понимал, что политически этот шаг невозможен. Дорн и Вайман заявили, что китайцы отказались выполнять приказы и нарушили все соглашения, заключённые между ними и Стидуэллом. «У нас больше нет никаких обязательств перед китайцами», утверждали они. По общему мнению, всем следовало вернуться в Соединённые Штаты, там получить назначение на Тихоокеанский театр операций, откуда, базирясь на Австралию, американцы могли начать наступление на Японию.

Все офицеры иронически относились к возможности подготовить и снарядить 100 тысяч китайских солдат для нового наступления вниз по реке Сальвин из провинции Юньнань. Только Дорн принимал этот план всерьёз. Он считал, что его можно осуществить при полном американском контроле и отсутствии китайцев на командных должностях выше командира батальона. Он также полагал, что право продвижения по службе и разжалования офицеров в китайской армии должно находиться в руках американцев. Это полностью совпадало с точкой зрения англичан, с той лишь разницей, что англичане никогда не говорили о возможности обучения и снаряжения китайской армии. Они меньше всего этого хотели.

В то время, когда Александер и Стидуэлл обсуждали прошлое и планировали будущее, пункт Сингу Ферру на реке Иравати в 25 милях восточнее Швебо был забит беженцами. На переправе скопилось 14 тысяч беженцев. Правительственные чиновники запретили дальнейшую эвакуацию в Индию. Маленький городок с паромом был сожжён бирманцами дотла, чтобы ненавистные индийцы не могли воспользоваться несколькими прибрежными хибарками. Колодцы были засорены. Многие речные пароходы и баржи были повреждены или потоплены японским воздушным флотом. Небольшие запасы риса на дорогах в Индию истощились и поэтому индийские беженцы были остановлены. Государственные чиновники всё ещё продолжали уверять беженцев, что их посадят на пароход.

идуший в Мьиткьина и оттуда отправят в Индию на американских самолётах. Абсурдность этого обещания была более чем очевидна. Англичане прекрасно знали, что никаких американских самолётов нет. Это был хитрый приём взвалить на «дядю Сэма» ответственность за гибель многих тысяч беженцев. Судьба беженцев зависела от бога и японцев.

Никто никогда не узнает, сколько тысяч беженцев погибло на скалистых, заросших джунглями малярийных тропах, ведущих из Бирмы в Индию. Сказать, что погибли десятки тысяч, значит преуменьшить фактические потери.

Во время пребывания в Швебо Стилуэлл выслал группу американских офицеров вдоль железной дороги до Вунто, на расстояние 126 миль. Требовалось разведать тропы в Индию, по которым можно пройти, минуя непроходимый район—долину Хуконга в Северной Бирме. План Стилуэлла заключался в том, чтобы провести китайцев в Индию по тропам, идущим южнее этой долины, так, чтобы они смогли переправиться через реку Чиндвин возле Хомалина и выйти в район Имфала. Американские офицеры были снабжены банкнотами достоинством в одну рупию, ибо туземцы отказывались от денег крупнее рупии. Офицеры должны были скупить у туземцев рис, чтобы создать запасы продовольствия и разместить их по пути отступления китайской армии. Генералы Ло Чжо-ин и Ту Ли-мин попрежнему бездействовали. Ло Чжо-ин со своим штабом переехал в Швебо и занимался пополнением личных запасов. Полное безразличие, которое проявляли китайские генералы к судьбе своих соотечественников, вызывало возмущение у американцев.

Ночью 30 апреля произошёл разрыв. Начальник штаба генерала Ло Чжо-ина разбудил полковника Сандуского и сообщил, что имеется поезд, которым могут выехать на север в Мьиткьина штабы Ло-Чжо-ина и Стилуэлла. Подобный шаг являлся явным предательством по отношению к китайским войскам, которые были бы оставлены на произвол судьбы. Полковник Сандуский ответил, что Стилуэлл не намеревается так поступить, несмотря на то, что Александр выехал в Калева. Кроме того, добавил полковник, Ло Чжо-ин подчинён Стилуэллу и может ехать только с его разрешения.

Утром американцы обнаружили, что Ло Чжо-ин силой оружия достал паровоз и семнадцать вагонов и удрал вмес-

те со своим штабом. Однако далеко он не уехал. Примерно на расстоянии 25 миль к северу его поезд столкнулся со встречным поездом.

Сиберт выразил общие чувства американцев, когда сказал Стилуэллу: «Ради Христа, Джо, уедем отсюда домой!» Стилуэлл полулежал в кресле перед своим бунгалом. Штабные офицеры сидели вокруг него и ждали дальнейших событий. Ходило много слухов о японцах и все были в напряжении.

Генерал ожидал прибытия двух транспортных самолётов для того, чтобы совершить с Ло Чжо-ингом полёт над фронтом 6-й армии и вывезти часть штаба в Индию. Наступил полдень, но самолётов всё не было. Лишь немногие знали о том, что самолёты должны прилететь. Поэтому для большинства американцев звук приближающегося самолёта означал приближение врага.

Это был многомоторный самолёт, летевший так низко и близко, что спастись бегством было невозможно. Все застыли на местах при виде самолёта, снижающегося прямо в направлении бунгала, где расположился штаб. Ещё мгновенье — и стала видна белая звезда на фюзеляже — знак военно-воздушных сил армии США. Все облегчённо вздохнули.

Самолёт пилотировали полковник Роберт Л. Скотт и полковник Калеб В. Хейнс, пилот многомоторных самолётов, который впоследствии прославился как командующий бомбардировщиками Ченнолта.

Полёт над фронтом 6-й армии был отменён, так как генерал Ло Чжо-ин удрал, а Александер уехал. Оставаться здесь дольше было бессмысленно. Связь с войсками отсутствовала. Непосредственно связаться по радио с Ту Ли-мином и Каном Стилуэлл не мог. Англичане взорвали мост в Ава и поэтому нельзя было наладить фельдсвязь с 5-й армией.

Генерал достал из кармана маленькую записную книжку и начал писать имена. Он составлял список членов штаба, которые должны были улететь со Скоттом и Хейнсом. Офицеров передового эшелона штаба и нескольких офицеров из Маймо он оставлял с собой. В самолёт сели офицеры, миссионеры и несколько слуг индийцев. Скотта и Хейнса генерал просил вернуться и вывезти женщин, которых англичане «случайно» оставили в Швебо при эвакуации.

Самолёт с трудом оторвался от земли и взял курс на

Калькутту. Оставшиеся наблюдали за взлётом с чувством отчаяния, понимая, что этот самолёт представляет собой последнюю возможность выбраться из Бирмы.

Почему генерал остался? Почему он оставил других американцев? Почему он не считал дезертирство Ло Чжо-ина достаточным основанием для того, чтобы бросить всё и уехать?

Прежде всего Стилуэлл понимал, что сделано всё возможное для обеспечения продовольствием себя и У генерала не было надёжных планов спасения своей группы, но всё же была некоторая возможность добраться до аэродрома в Мьиткьина и вылететь оттуда, но не раньше, чем будут приняты меры по снабжению китайцев рисом по дороге от Вунто до Имфала. Стилуэлл считал, что он не имеет морального права покинуть свою войска, несмотря на то, что непосредственные и законные командиры дезертировали. Пожалуй главным мотивом была его твёрдая уверенность в том, что он вернётся в Бирму во главе китайских войск. Если бы Стилуэлл убежал, подобно другим, это стало бы невозможным, так как престиж его был бы безвозвратно потерян.

Самолёт улетел, и оставшимся американцам настала пора трогаться в путь. Времени оставалось мало. Один из офицеров был послан к парому в Сингу, чтобы помочь переправиться на другой берег китайским войскам, отступавшим вдоль восточного берега реки Иравади. Сент Джон возглавлял передовую группу, продвигающуюся на север вдоль железной дороги в направлении Мьиткьина. Военный врач Вильямс и Джек Бельден получили указания остаться на месте и проследить, чтобы оставшиеся неэвакуированные лица были посажены на ожидаемый самолёт. В их задачу входило также уничтожение оставленной документации штаба Стилуэлла и лишних автомашин.

Группа Сент Джона в течение двух часов проехала 32 мили. Узкие дороги были забиты английскими грузовиками, двигавшимися на юг в направлении Калева, и китайцами, которые брели куда глаза глядят. Вскоре Стилуэлл догнал группу Сент Джона и они вместе стали пробиваться вперёд. То здесь, то там стояли сломанные грузовики, которые китайцы всегда бросали как раз посередине однопутной дороги. Кроме того, китайцы имели привычку и во время привалов оставлять машины посередине дороги. Нервы, уже

и без того натянутые, не выдерживали этого чисто китайского подхода к соблюдению правил движения. Китайцы и американцы взаимно оскорбляли друг друга. Американцы зачастую просто сталкивали китайские грузовики с дороги.

Проехав 32 мили, Сент Джон решил остановиться возле небольшой деревни Кабо. Здесь кончалось шоссе. Группа разбила лагерь внизу у рисового поля, а Стилуэлла остановился на холме.

В тот момент вся экспедиция состояла из американских офицеров и слуг. Кроме того, в состав группы входили Кейс, американский баптистский миссионер, китайцы, англо-индийцы — шофёры и автомеханики, личная охрана Стилуэлла и медицинский персонал Сигрейва.

Группа Сента Джона расположилась в полуразрушенной хижине, в которой имелись остатки пола на сваях примерно на высоте 3 футов над рисовым полем. Постели были развёрнуты прямо на полу, и с наступлением темноты все заснули. Первый раз их разбудил Дорн, сообщив, что японцы, повидимому, захватили Калева. Хотя это известие оказалось впоследствии ложным, но в тот момент было ясно, что группа Стилуэлла, если она выберет пеший путь, может быть отрезана от переправы через реку Чиндвин на Имфал. Второй раз сон потревожила охрана Стилуэлла. Телохранители утверждали, что их направили охранять Сента Джона и его соотечественников. Но их целью было попасть в хижину и поспать. В хижине не было места, и на долю Кеннета Чао, переводчика, выпала щекотливая задача приказать китайцам от имени американцев убираться вон. Китайцы ушли, но в отместку они расположились возле хижины и всю ночь гоняли волов взад и вперёд. Выспаться никому не удалось.

Сент Джон 2 мая проехал около 12 миль вдоль железной дороги до тех пор, пока не наткнулся на очередную группу китайцев, расположившихся с машинами посреди дороги и отказавшихся освободить её. Японские разведывательные самолёты появились в 9.22 утра и как следует осмотрели растянувшуюся по дороге колонну. Американцы удвоили свои попытки пробиться; они знали, что японские бомбардировщики не заставят себя долго ждать. Действительно, бомбардировщики появились в 10.15 и сбросили бомбы на Тангом. Сент Джон успел его проехать, а Стилуэлла ещё не добрался.

После одиннадцати часов непрерывной езды авангард остановился на ночь в деревне Киэйктин, проехав от места предыдущего ночлега 53 мили. Жара и пыль становились невыносимыми. Постоянно приходилось вытаскивать машины из глубокой колеи, оставленной на дороге телегами, запряженными волами. Загорелся один из грузовиков. Сгорела значительная часть личных вещей офицеров, документы штаба и боеприпасы.

Потеря этого грузовика явилась тяжёлым ударом для группы Сент Джона. Уничтожение документов, багажа и боеприпасов само по себе было ужасно. Но самым страшным было то, что на грузовике погибли запасы виски, бренди, шампанского и джина, которые хранились со времени падения Рангуна в качестве противоядия от змеиных укусов. Сент Джон в этот же вечер указал своим людям на необходимость сделать прививки от змеиных укусов.

«Никто не знает, — сказал он, — когда и кого из нас укусит змея».

3 мая группа прибыла в пункт назначения — Вунто. Но прежде чем добраться до этого прекрасного места, американцы хлебнули достаточно горя. Колеи от повозок, запряженных волами, делались всё глубже. Даже виллисы садились на дифференциал и не двигались с места, хотя их колёса бешено вращались. Легковые машины приходилось раскачивать для того, чтобы они могли переехать из одной колеи в другую.

Воды нехватало. Пришлось отказаться от полуденной трапезы. Продуктов было настолько мало, что Стилуэлл приказал перейти на половинный рацион. Особых неудобств это не причинило.

Ходили слухи о том, что японцы появились с обеих сторон. Хотя это были только слухи, но это не облегчало положения, потому что никто не имел малейшего представления о том, где находится противник.

Различные эшелоны группы Стилуэлла собрались в Вунто. Капитан Поль Джонс был послан выяснить возможность погрузки автомашин на платформы и перевозки их в Мьиткына по железной дороге. Стилуэлл всё ещё делал надежду вылететь из Мьиткына самолётами. Группы Сент Джона и Стилуэлла расположились вместе, а люди Сигрейва разбили лагерь отдельно. Стилуэлл разместился среди высоких деревьев, окружающих буддийский храм. Белые пагоды резко выделялись на фоне ярко

зелёной травы. Все влезли в мелкую речку и выкупались.

Вскоре появились офицеры, которые были направлены вперёд для организации привалов для китайцев и сообщили, что старый «друг» Стилуэлла, генерал Ло Чжо-ин находится в городе. Это было неожиданностью, так как с той ночи, когда он удрал из Швебо в захваченном поезде, который потерпел затем крушение, никто не знал, где находится этот хитрый китаец.

Стилуэлл изучал карты, на которых были нанесены возможные пути отхода, и в тот вечер ему не удалось увидеть Ло Чжо-ина. Он сообщил Ло Чжо-ину, что навестит его на следующий день в 8.30 утра. Радиостанция Стилуэлла была развёрнута и были посланы сообщения в Вашингтон, Дели и Чунцин. Эти сообщения оказались последними.

В промежутке между передачей официальных донесений радист настроился на БиБиСи, чтобы услышать последние новости. Он не был разочарован в своих ожиданиях. Невозмутимый голос лондонского диктора говорил: «Кампания, проведённая Александером, явилась одной из величайших оборонительных операций второй мировой войны».

Стилуэлл посмотрел на изумлённых офицеров и с отвращением воскликнул: «Боже мой! Боже мой!»

Джонс вернулся и доложил, что железная дорога в 15 милях к северу и до самой Мьиткьина разбита до такой степени, что потребовались бы недели для того, чтобы привести её в пригодное для передвижения состояние. Радио сообщило, что японцы находились в 65 милях к северу от Лашио, и поэтому они должны были попасть в Мьиткьина раньше Стилуэлла. Пропали все надежды добраться в Индию самолётом. Группа Стилуэлла застряла в северной части Центральной Бирмы, не имея возможности ехать по железной дороге. Передвигаться на север на легковых машинах и грузовиках также нельзя было, потому что дороги находились в ужасном состоянии. Американцам оставалось лишь двигаться на восток: на машинах, пока имелись дороги, а затем пешком по нанесённым на карту и по неизвестным тропам. Перспектива была не из блестящих. Неопределённость положения ещё больше увеличилась, когда стало известно, что японцы двигались на север, по реке Чиндвин, на речных пароходах. Это сообщение, вместе с вестями о захвате японцами Калева, давало основание полагать, что группа Стилуэлла очутилась в мешке.

Стилуэлл совещался о выборе троп с двумя английскими бригадирами — Мартином и Спиром. Их лагерь был разбит поблизости. Англичане хотели, чтобы 21 американский офицер, 5 рядовых и 25 человек из подразделения Сигрейва присоединились к ним. Стилуэлл отказался пойти на это; он полагал, что дорога, по которой собирались двигаться англичане, была забита беженцами. Во всяком случае Стилуэлл ничего окончательно не решил до беседы с Ло Чжо-ином по вопросу о привалах для китайских войск. Дальнейшие события показали правильность предположения Стилуэлла. Английская группа была атакована из засады. Спир был убит, остальные ранены.

4 мая Стилуэлл приехал к Ло Чжо-ину в 7.30 утра, на час раньше намеченного срока, чтобы предупредить ещё одно неожиданное бегство. Однако Стилуэлл приехал недостаточно рано. Ло Чжо-ин со своим штабом уже успел уехать. Он захватил ещё один поезд и поехал наудачу в Мьиткьина, откуда рассчитывал вылететь самолётом.

— Плевать мы хотели на свои войска и районы их привалов, — говорили, вероятно, эти китайские военачальники. Имея в Китае 450 миллионов населения, нетрудно будет создать новую армию. Пусть оставшиеся сами заботятся о себе.

Такова была точка зрения Ло Чжо-ина. Проехать ему удалось на этот раз только 15 миль.

Стилуэлл вернулся в свой лагерь и все дальнейшие планы приобретения риса были отложены. Отныне действовал закон: каждый за себя и пусть шакалы заботятся об отставших.

Группа Стилуэлла находилась в опасном положении. Ей угрожали японцы, муссон и китайцы. К тому времени китайские войска вышли из всякого повиновения. Китайцы занимались грабежом местного населения, и туземцы, естественно, бежали в джунгли, захватывая запасы продовольствия. У Стилуэлла было слишком мало продуктов. Он не мог рассчитывать, что доберётся до Индии, используя лишь свои запасы. Приходилось рассчитывать на продукты местного населения. Но среди бирманцев оказалось мало глупцов, которые решились бы остаться на пути бегства китайцев.

Было решено выйти из Вунто на запад в направлении на Хомалин (на реке Чиндвин) и затем повернуть к Им-

фалу. Выбранный путь был самый трудный и поэтому наименее охотно выбираемый. Англичане старались отговорить беженцев от передвижения по этому пути, чтобы он мог стать путём отхода только для англичан. Английские чиновники прилагали все усилия к тому, чтобы направить Стилуэлла по более южному пути, по которому пошли Мартин и Спир.

На пути из Бирмы в Индию необходимо пересечь горы Чив — зубчатые хребты высотой до 10 тысяч футов. Они тянутся на север и на юг, образуя огромный барьер между Чиндвином и Индией. Никогда ещё не было сделано попытки проложить дорогу через этот барьер. Имелось несколько троп, но некоторые из них вели через непроходимые джунгли. Там не было никаких указателей дороги, которые могли бы показать путешественнику, находится ли он на правильном пути. Путешественники целиком зависели от туземных проводников, если последних вообще можно было найти. Если муссон заставлял путников в джунглях и они не принимали специальных мер, то их ждала верная смерть. Осадки колебались от нормальных 140 дюймов в Северной Бирме во время шестимесячного сезона муссонов до 300 дюймов в районе Имфала. Реки становились потоками, заливавшими всё окружающее, и маленькие ручейки превращались в бушующие водопады. Тропы исчезали в море ила, настолько скользкого, что подниматься по склону было невозможно. Жара оставалась невыносимой. Огромные клещи появлялись миллионами. Не зная, как избавиться от них, люди вместо того, чтобы выжечь, старались оторвать клещей, но при этом в теле оставались их головки. Это вызывало воспаление, переходившее в нарывы, разъедавшие мясо до костей. Позднее эта болезнь «нага» вызывала смерть огромного количества китайских солдат. Обувь гнивала и разваливалась. Огнестрельное оружие ржавело до такой степени, что им становилось невозможно пользоваться.

Сезон муссонов обычно начинается 15 мая, следовательно, в распоряжении Стилуэлла после выезда из Вунто оставалось всего 11 дней. Но период дождей наступает ещё раньше. Никто не мог сказать, как долго продлится путь в Индию, потому что никто не знал, сколько времени удастся ещё передвигаться на автомашинах и в каком состоянии находятся тропы, по которым придётся идти пешком. Всё находилось в хаотическом состоянии. Но

вполне вероятно было одно: группу Стилуэлла могут захватить дожди в предательских горах Чин.

В дополнение ко всему не было известно ничего определённого о японцах. Возможно, что они уже продвинулись вверх по реке Чиндвин на речных судах. Тогда Стилуэлл окажется отрезанным от Индии в районе Хомалина. Вполне вероятным являлось и предположение, что противник находится в самой Мьиткына или около неё. Это давало ему возможность перерезать пути отхода на север через Индоу, Хоинг, Могаунг, Шингбиянг, в направлении к Ледо в Ассаме. Кроме того, этот путь был намного длиннее, пришлось бы преодолевать ещё более густые джунгли и большее количество гор. Таким образом, путь отхода на север исключался. Оставалась одна дорога Хомалин — Имфал.

Колонну возглавлял сам генерал. Первое несчастье произошло уже через 2 мили, когда грузовик с продовольствием провалился на мосту. Еле удалось его вытащить. Дорога становилась все хуже.

Группа Стилуэлла пропустила нужный поворот на дороге и приехала в одну деревушку. Какой-то англичанин сказал Стилуэллу о существовании ненаписанной на карту новой лесной дороги, более удобной, чем все остальные. Колонна повернула обратно. Её сопровождал этот англичанин, чтобы указать нужный поворот.

Джунгли были ярко освещены луной. Колонна двигалась через кишевшую тиграми и питонами область Бирмы. Но времени для охоты не было. Это был бег с целью обогнать японцев, муссоны и китайцев. Если китайцы догонят, то не будет пищи. На коротком привале успели съесть по одной порции варёного риса, к которой было добавлено несколько сардин. Блюдо это казалось вкуснее, чем обед, поданный в офицерском клубе.

Колонна двигалась почти без остановок до 6 мая, когда автомашины пришлось оставить в деревушке Нанантун.

Тонкая, белая пыль висела в воздухе. Дороги представляли собой обычные тропы, забитые беженцами. Группа Стилуэлла начала обрастать. К ней присоединилось несколько английских офицеров, один индийский офицер, двое английских гражданских лиц и несколько англо-индийских беженцев. Продовольствия не хватало и для первоначальной группы в 50 человек, а теперь она возросла до 114 человек.

Группа двигалась на северо-запад через Индоу, Банмаук и Манси. Покинутые туземные жители просили пищи и помощи. Отдельные китайцы пытались пристроиться к группе. Встречались раненые, страдавшие от сепсиса. Везде был голод. Приходилось тщательно охранять запасы продовольствия.

Американский капитан, ехавший впереди колонны в качестве квартирьера, был остановлен группой английских офицеров и солдат. Начальник группы попросил подвезти больного английского солдата к повозкам, которые находились неподалеку.

«Вы из группы Стилуэлла?» спросил офицер. «Как мы понимаем, он спасается паническим бегством. По крайней мере, ходят такие слухи». Американец ответил, что Стилуэлл действительно старается спастись.

«Но он лишь на день пути отстал от Александера!»— добавил американец.

Некоторые офицеры штаба Стилуэлла начали вновь строить собственные планы. Они понимали, что наступит такой момент, когда придётся бросить грузовики и легковые автомашины и лишь виллисы смогут продолжать путь. Их планы заключались в том, чтоб оставить всех, за исключением американских офицеров и солдат. Кто-то из молодых идеалистов в группе Стилуэлла услышал такой разговор и был поражён. Сёстры Сигрейва должны быть оставлены? «Они ведь могут жить в джунглях!».

Колонна достигла Манси утром 6 мая. Пробка на дороге свидетельствовала о том, что период езды приближался к концу. Нанантун, находящийся в 14 милях,— последний пункт дороги. Через 10 миль был мост, который мог выдержать виллис, но не грузовик. Стилуэлл собрал свою сборную группу и сделал соответствующие указания. Виллисы будут использованы для перевозки продуктов в Нанантун. Все личные вещи необходимо оставить, кроме того, что каждый мог нести на себе. Автомашины надлежало оставить исправными, чтобы другие беженцы могли хотя немного воспользоваться ими для перевозки больных и раненых. Стилуэлл сказал: «На марше у нас должна быть крепкая дисциплина. До настоящего времени дисциплина была ужасная».

Он оглянулся и заметил много новых лиц. «Откуда вы пришли?» — спросил он нескольких англичан. Они ответили, что только что присоединились. «Кто разрешил?» —

спросил он раздражённо. Ответ был простой: «Никто». Поворчав по поводу неспособности англичан заботиться о своих людях, Стилуэлл разрешил всем остаться.

Беженцы, багаж которых не был уничтожен на сгоревшем грузовике, принялись сортировать свои пожитки. Сёстры Сигрейва в своих белых блузках и цветных юбках визжали и хихикали, разбирая свои вещи. Они не могли расстаться с яркими платьями и сувенирами, собранными в самых различных местах. Они решили, не сказав ничего Сигрейву, бросить свои башмаки. Им казалось, что это облегчит путь и вместе с тем позволит сохранить остальные вещи.

Пока мужчины выбрасывали одежду, лишнюю обувь и прочее, некоторые предметы были тут же подобраны индийцами и китайскими телохранителями. Появились совершенно необычные одеяния.

Консервы и рис были погружены на виллисы, которые отправлялись по трудной дороге в Нанантун. Дорога была настолько плохая, что приходилось включать переднюю ведущую ось и двигаться на низшей скорости. Все, за исключением группы Сигрейва, расположились лагерем вокруг большого бунгало. Медицинские сёстры и мужской медицинский персонал остановились в буддийской пагоде.

Стилуэлл отдал приказание офицеру-интенданту составить список наличного продовольствия, а миссионеру Кейсу достать туземных носильщиков. Кейс достал носильщиков в деревне, а офицер-интендант обнаружил, что значительная часть продуктов состояла из масла и различных сортов варенья, которые были куплены на рынке в Маймьо.

В этот день счастье улыбнулось Стилуэллу. Звон колокольчиков возвестил приближение тибетского каравана, возвращавшегося на родину. Торговля между Ассамом и Тибетом велась по тропам для яков и мулов, так же как тысячи лет назад. Появление маленьких, крепких мулов и пони и их тибетских вожakov явилось даром богов. Караван удалось уговорить повернуть назад и помочь Стилуэллу добраться до Индии.

Вся колонна должна была выйти рано утром 7 мая и вышла только через час после назначенного срока, по вине носильщиков, нанятых для переноски продуктов. Караван мулов был целиком погружен. Но носильщики всё ещё продолжали спорить и ругаться. Их вожак спокойно сидел,

разбирая споры и с удовольствием принимая любое количество консервов. В консервах он был не очень заинтересован. Главный интерес представляли сами банки. При найме носильщиков в договоре был пункт, согласно которому все пустые консервные банки переходили в собственность носильщиков. Жестяная банка является одним из наиболее ценных предметов меновой торговли в джунглях.

Тропа вела вдоль берега реки Чонггай, представлявшей собой большой ручей. Путешественникам часто приходилось идти вброд. Уровень воды доходил до щиколотки, а иногда до колена. Ботинки были постоянно полны песком и гравия, что усугубляло неудобство передвижения. В голове колонны за туземцем-проводником шёл Стилуэлл. Каждый час он останавливался передохнуть пять минут. Жара была ужасающей и усиливалась из-за отражённых лучей. Некоторые мужчины шатались от усталости, а бирманские сёстры передвигались легко, несмотря на то, что шли босиком. Вильяме предупредил генерала о необходимости сделать остановку во время полуденного зноя, так как иначе могут произойти несчастия. Генерал ответил: «Нам надо выбраться из Бирмы».

Полковник Генри Халкомб, щуплый, средних лет офицер инженерных войск первый вышел из строя. Ему было приказано ехать дальше на одном из вьючных мулов. Следующей жертвой был майор Франк Мерилл, который позднее прославился как командир «разбойников Мерилла» и получил звание генерал-майора. Он упал от солнечного удара и находился без сознания в течение двух часов. Третьим упал лейтенант Томми Ли, китаец, призванный в армию Соединённых Штатов с завода фирмы Дженера: Моторс в Рангуне.

Санитары надули два резиновых матраца, положили на них Мерилла и Ли и тянули на лямках вверх по реке. Свободных мулов больше не было. После третьего случая солнечного удара Стилуэлл был вынужден разрешить привал. Мужчины сняли с себя всю одежду, за исключением трусов (трусы остались из-за сестёр Сигрейва) и легли в тёплую воду реки. Перед тем как войти в воду, Стилуэлл сидел скрестив ноги на одеяле. Одет он был только в трусы и на голове была старая походная шляпа. «Будет чертовски позорно, — сказал он, — но мы не выберемся из Бирмы, если не сможем двигаться лучше, чем сейчас».

Вброд по реке, поднимаясь и спускаясь по склонам берегов в крошечной тьме, Стилуэлл всё с той же решимостью и с тем же отсутствием жалости к отстающим вёл группу вперёд. Люди упали духом, натыкались на невидимые корни и падали, проклиная всё на свете. Наконец, генерал остановился в центре маленькой лужайки, приказал приготовить чай и сказал, что дневной переход закончен.

Темнота была крошечная. Тесно стоящие деревья не пропускали слабого света ночного неба. Батарейки карманных фонарей были истощены. Имелось всего несколько свечей. При их свете нужно было распаковать пятигаллоновые жестянки для кипячения воды, достать чай, сахар и консервированное молоко. Хворост для костра сразу найти не удалось, и костер разожгли спустя некоторое время. Внезапно из темноты вынырнул Стилуэлл.

«Капитан,— сказал он.— Я хочу посмотреть наши запасы продуктов».

Офицер-интендант провёл Стилуэлла к месту, где он оставил посыльчиков — в десятке шагов, но там ни одного кули не оказалось. Они исчезли. Стилуэлл повернулся к незадачливому капитану и ровным, но дрожащим голосом сказал: «Если вы потеряете хоть одну банку консервов, я вас расстреляю. Чорт бы вас побрал. Я вас расстреляю сам, здесь, на тропе».

«Дори!» — крикнул Стилуэлл. Дорн немедленно появился. «Займитесь сами продовольственными вопросами и пускай этот ребёнок делает для вас самую чёрную работу».

Кули и все продукты были найдены на другой стороне лужайки. Туземцы просто перешли на место, которое показалось им более удобным. Они сидели, не издавая ни одного звука. После того как выпили чай, все тотчас уснули, будучи до предела утомлены дневным переходом.

Генерал знал, что продуктов недостаточно даже для того, чтобы прокормить свою первоначальную группу половинным пайком. Теперь, когда группа возросла более чем вдвое, его ответственность и заботы возросли. В последний день пребывания в Вунто Стилуэлл радировал Бреретону, — указал два или три возможных пути отхода и просил командующего воздушными силами послать спасательные партии с продовольствием. Но не было подтверждения того, что сообщение принято.

Скорость передвижения становилась решающим фактором. Существовала опасность муссона и возможность выхода японцев на пути отхода. Кроме того, было известно, что китайские части, двигавшиеся позади группы Стилуэлла, не имели продовольствия. Они грабили местное население и подвергали пыткам тех, кто отказывались отдать им рис и скот. Если бы китайцы догнали Стилуэлла, положение его группы могло стать катастрофическим. Генерал был озабочен и физическим состоянием своих людей. Один английский полковник заболел дизентерией. Он был настолько слаб, что еле сидел на пони. Стилуэлли было 60 лет. Но никто не мог сравниться с ним в ходьбе, за исключением, пожалуй, Вильямса, скромного военного врача, человека тоже не первой молодости.

Во время движения справа от тропы был замечен огромный слон, двигавшийся через величественный лес тиковых деревьев. Слон был примерно в ста футах от колонны. Стилуэлл с винтовкой наготове стоял с двумя офицерами и охранял колонну во время её прохождения мимо слона. Некоторые думали, что это был чисто мелодраматический жест со стороны генерала. Позднее, когда колонна остановилась в деревне, выяснилось, что это был дикий слон, на счету которого уже имелось несколько жизней туземцев.

9 мая Сиберт пострадал от солнечного удара, но нашёл в себе силы идти без посторонней помощи. Что должно было случиться с этими людьми после того, как они оставят сравнительно ровную местность и начнут карабкаться в горы, через Чиндвин?

Этот вопрос мучил генерала. Группа остановилась на ночь, достигнув берегов реки Уйи, около Майнквана. Было решено послать караван мулов вдоль берега реки в Хомалин. Основная масса людей должна была спуститься вниз по течению на плотах. Были наняты туземцы, и строительство плотов началось на следующее же утро.

Один маленький плот был сооружён для передового отряда, в состав которого вошли несколько офицеров. Остальные члены группы должны были двигаться на четырёх больших плотах. Каждый такой плот состоял из трёх секций, изготовленных из бамбука. Сёстры Сигрейва построили маленькие навесы для защиты от солнца. Эта буколическая флотилия подняла паруса 10 мая 1942 года. Стилуэлл с большинством американских офицеров соста-

вляли экипаж первого плота. На втором плоту расположился несчастный интендантский капитан с большей частью запасов продовольствия, поварами и слугами. На третьем плоту была компания Сигрейва и англо-индийские беженки. Англичане и англо-индийские беженцы плыли на четвёртом и последнем плоту.

Задачей передового отряда было следить за рекой, нет ли на ней признаков присутствия японцев, а также разведать Хомалин и установить, захвачен ли он противником. Хомалин был первым барьером в этом беге с препятствиями. Если японцев там не было, то Стилуэлл мог продолжать свой путь. Оставались второстепенные трудности: опередить китайцев, избежать муссона и, наконец, добыть достаточное количество провианта.

Каждый плот управлялся туземным лодочником с помощью длинного шеста. Пассажиры лежали на неровном и твёрдом бамбуке в состоянии блаженного отдыха, благодаря богу за то, что нет необходимости идти пешком. Однако этот отдых оказался кратковременным. Лодочники, судя по всему, были намерены сажать плоты на каждое встречающееся на реке препятствие — будь-то коряга, камень или песчаная банка. Пассажиры были вынуждены прыгивать за борт и удерживать секции плота от разрыва, так как течение давило на плоты.

Плот с провиантом представлял наиболее интересную картину. На него, помимо всего прочего, погрузили 32 жмыхов цыплёнка в корзинах местного плетения. Цыплята и большое количество яиц, в которых позднее оказались тоже цыплята, были куплены у местного населения. Кейс, который был не только переводчиком, но и агентом по закупкам, достал также 440 фунтов риса. Он пытался даже купить корову, но животное, предчувствуя, повидимому, свою судьбу, сорвалось с привязи и убежало в джунгли.

Вечером, когда плоты причалили к берегу, генерал решил, впервые после убийства из Швебо, выдать всем плотный паек. Сёстры Сигрейва привыкли к особой пище. Они вели своё собственное хозяйство. Но в этот вечер девушки изъявили желание приготовить пищу для всех. Они пошли в джунгли и собрали различные сорта растительности. Благодаря их кулинарному искусству эта растительность превратилась в прекрасные на вкус овощи и явилась хорошим гарниром к обеду, состоявшему из куриного супа

и риса с дыпятами. Впервые за десять дней все почувствовали, что значит быть действительно сытыми.

После обеда вновь произошла погрузка на плоты, хотя лодочники категорически возражали против ночного плавания. Ленивые туземные лодманы не видели необходимости в спешке. Стилзуэлл категорически приказал двигаться. Путешествие прошло без приключений. Плоты медленно двигались по глубокой воде с едва заметным течением. После полуночи взошла луна и превратила чёрные джунгли в тенистый загадочный лес, среди которого струилась мягкая серебристая полоса реки. Тропа на берегу изредка освещалась кострами, которые разожгли беженцы. Мужчины по очереди дежурили с лодманами, чтобы помочь, а иногда отругать беззаботных туземцев. Всё было так тихо и безмятежно, что никто, пожалуй, особенно не беспокоился о завтрашнем дне.

Остановка на завтрак была сделана в 6.30 утра 11 мая. Американцы сидели на берегу реки и сетовали на суматоху, вызванную адъютантами, от которых исходило большинство приказов. Это ворчанье ни к чему, конечно, не приводило. Люди были в таком состоянии, когда любое распоряжение, кем бы оно ни было отдано, кажется абсурдным. Английские солдаты заявили американцам, что они никогда больше не будут сражаться в английской армии, потому что офицеры оставили их на произвол судьбы.

Все отдыхали в тот момент, когда появился самолёт. Он появился внезапно, и так как солнце было позади него, то опознавательные знаки были незаметны. Все застыли в то время, когда самолёт пронёсся над рекой. Спасенья не было. Самолёт пролетел над головами. И в этот момент все увидели опознавательный знак британского воздушного флота.

Самолёт сделал круг и спустился ещё ниже к песчаной отмели, отходившей от южного берега реки. Из самолёта стали выпадать мешки. Когда люди осознали, что это было продовольствие, белые, желтые и чёрные люди начали спрыгивать с плотов и брести к отмели по грудь в воде. Предстояло ещё выиграть сражение за продукты, так как туземцы-беженцы начали сбегаться к мешкам, появляясь из джунглей. Американцы дали несколько залпов над их головами и заставили отступить всех, кроме самых смелых и наиболее голодных. Сейчас не время

было проявлять милосердие. Действовал жестокий закон — каждый за себя.

Среди первых спрыгнувших с плотов был Стилуэлл. Он брёл по воде, одетый в трусы и старую походную шляпу. Он носил мешки с мясом и бисквитами с берега на плот до тех пор, пока все сброшенные мешки, за исключением нескольких схваченных туземцами, не были переташены на плоты. Было похоже на то, что теперь хватит продуктов на весь путь до Индии, при условии, что все будут получать половинный рацион.

В тот же вечер плоты попали под комбинированное воздействие сильного бокового ветра и водоворотов. Будучи совершенно неуправляемы, они медленно вращались, пока, наконец, все пассажиры не слезли и не потащили их к берегу. Приготовить пищу даже при лучших условиях было трудной задачей для индийских поваров. А при сильном ветре и недостатке сухого леса задача была вдвое труднее.

Медлительные индийцы получили в этот вечер от американцев полную порцию пинков и подзатыльников. Это отношение к индийцам было характерно для некоторых членов группы Стилуэлла на всём протяжении кампании. Американцы никак не могли приспособиться к медлительности жителей Востока. За день до этого Стилуэлл застал одного из своих офицеров, когда тот оскорблял носильщиков, и резкими словами призвал его к порядку, предупредив, что продолжение подобных нетерпимых поступков приведёт лишь к дезертирству туземцев. Индийские повара, правда, были в несколько другом положении. Для них дезертирство было равносильно голодной смерти.

Около одиннадцати часов утра 12 мая Стилуэлл догнал свой передовой отряд, ожидавший караван в шести милях от Хомалина. Передовой отряд установил, что город не занят японцами. Караван мулов достиг реки Чиндвин ниже Хомалина за день до этого. Стилуэлл решил не полагаться на судьбу; японцы могли оказаться дальше к югу, и поэтому плоты были оставлены примерно в трёх милях ниже реки. Колонна двинулась в Хомалин пешком.

На отдых расположились в буддийском храме. Было решено переправиться через Чиндвин утром, если удастся найти какое-либо судно. Джейнз был послан разыскать караван мулов, но вернулся доложить, что генерал

До Чжо-ин со своими людьми находится ниже по реке. Он изъявил желание иметь беседу со Стилуэллом. «Пускай он убирается к чорту!», было единственным ответом генерала.

Утром Стилуэлл повёл свой отряд вверх по широкой реке к тому месту, где тропа шла по берегу и подходила к кромке воды. Все были благодарны обстоятельствам — японцев не было видно. Кейс остановился на один момент, посмотрел на цепочку людей, бредущих по прибрежному песку, и прошептал про себя: «Современный Моисей и Чермное море». Воды, конечно, перед Стилуэллом не расступились, но тем не менее чудо произошло: внезапно появилось несколько лодок, которые подошли к изгибу реки как раз в тот момент, когда генерал приблизился к воде. Туземные лодочники согласились не везти группу на тот берег.

Очувтившись на другом берегу реки, все облегчённо вздохнули. Исчезла опасность столкновения с японцами, а возможность встречи с китайцами стала менее вероятной. Оставались две проблемы — проблема продуктов и муссоны. Ливень, прошедший накануне утром, был плохим признаком.

Транспорт мулов форсировал реку южнее и соединился с группой Стилуэлла в 2 часа дня. Колонна вышла в путь и вскоре начала карабкаться по почти отвесному склону гор Чин, которые спускаются до самых берегов реки Чиндвин. Жара была сильнее, чем когда-либо. Сигрейву пришлось в первой же деревне купить для своих девушек туземные сандалии. С тех пор все тяготы пути они переносили гораздо лучше, чем большинство мужчин.

Добрались до вершины первого хребта. Стилуэлл ослабил свои требования только в одном: вместо пятиминутного перерыва, он разрешил каждый час делать десятиминутный перерыв. Группа вышла на другую сторону хребта и приготовилась разбить лагерь на берегу красивого пруда. Настроение было подавленное. Все чувствовали сильное утомление.

Вильямс запретил пить некипячёную воду. Однако приказ никем не выполнялся. Ведь это была первая холодная вода после отступления из Маймьо.

Группа тронулась в путь в 7 часов утра и двигалась до вечера. Жара продолжала держаться, тени казались

почти отвесными. Во второй половине дня начался дождь. Белые, подражая туземцам, делали из банановых листьев подобие дождевиков и зонтиков, но это мало помогало. Все промокли до нитки.

Тропа стала настолько скользкой, что путешественники всё время скользили и падали.

Колонна добрела до деревни, где предполагала ночевать. Стилуэлл встретил Т. А. Шарп, английский гражданский служащий. Шарпа сопровождал ещё один англичанин и доктор-индус. Они сообщили, что дорога на всём остальном протяжении обеспечена запасами продовольствия, что свежие кули и лошади для больных найдутся на расстоянии дневного перехода.

Встреча с Шарпом положила конец всем волнениям. Каждый член группы чувствовал, что достиг безопасности. Тяжело больные знали, что если им суждено умереть, то они умрут в Индии, что, как ни странно, было для них утешительно. Напряжение исчезло. Отныне всё будет зависеть только от выносливости. Сможет ли эта странная, случайно собранная группа беженцев совершать дневной переход от двенадцати до двадцати двух миль до тех пор, пока не достигнет шоссе.

21 мая 1942 года колонна достигла Имфала. Туземные вожди встретили Стилуэлла на тропе и преподнесли ему церемониальное рисовое пиво, которое он, убеждённый трезвенник, вынужден был выпить, исходя из дипломатических соображений. Один из вождей подарил Стилуэллу прекрасного белого козла. Если бы этот козёл неделю назад попал в распоряжение группы, его сожрали бы вместе с рогами и копытами, а шкуру употребили бы для супа.

Через два дня после выхода из Имфала начались сильные муссоны. Стилуэлл вёл свою цепочку в течение целого дня по грязи, в которой люди скользили, проклиная всё на свете. Один из индийцев был настолько болен малярией, что не мог сидеть на лошади, и его пришлось нести. Сент Джон шатался и мучился от острого приступа малярии.

Группа Стилуэлла достигла, наконец, головы шоссе на Имфальской равнине. На следующий день были сделаны подготовительные работы для дальнейшего движения в английских санитарных машинах.

З А Т И Ш Ь Е

Фабиан Чоу, который должен был вносить китайский дух в ежедневные коммюнике, издаваемые американцами в Бирме, шёл вместе с группой Стилуэлла. Чоу был безобиден, но работать с ним было абсолютно невозможно. Он до такой степени раздражал Стилуэлла, что тот готов был броситься на него каждый раз, когда китаец обращался к генералу с просьбой или с каким-либо вопросом.

Когда в Имфале группа Стилуэлла разделилась, направляясь в различные места, Чоу был оставлен с китайскими телохранителями. Чоу хотел немедленно отправиться один в Калькутту. Стилуэлл завтракал с генералом Ирвином, командующим этим участком фронта, когда Чоу с тупой и заискивающей улыбкой прервал трапезу. Не отправит ли генерал его в Калькутту на американском самолёте?

└ трудом Стилуэлл сдержал себя и велел Чоу вернуться в американскую штаб-квартиру. Несколько позднее, когда Стилуэлл пришёл домой, простодушный китаец вновь обратился к нему с той же просьбой. Тогда генерал яростно набросился на него и отругал на типичный китайский манер.

«За все те годы, что я пожил с китайцами, я никогда не видел ничего более невоспитанного, чем ваш приход к завтраку командира для обсуждения ваших личных дел. Разве вы происходите из плохой семьи, неужели у вас нет никакого такта? Я не буду вмешиваться в это дело. Этим должен заниматься полковник Уимен».

Этот инцидент интересен лишь как пример состояния Стилуэлла. Он стал способен оскорбить китаец, от которого три месяца назад он просто бы отмахнулся, как от мухи.

В таком настроении Стилуэлл сел в машину и отправился с несколькими старшими офицерами на разъезд в Манипур, где должен был сесть в поезд, идущий в Ассам и оттуда лететь в Нью-Дели. Остальные американцы, за исключением небольшой группы, оставленной в помощь китайцам, следовали за ним на грузовике. Люди Сигрейва остались для оказания медицинской помощи 38-й дивизии, которая находилась вблизи Имфала. Стилуэлл опередил своих сотрудников и прибыл в Динджан, где его встретили Бреретон и другие. Там он дал интервью газетчикам, которое впоследствии было названо «Наиболее честным заявлением о войне». Его заявление цитировалось различным образом, но ниже мы приводим его смысл: «Нас чертовски побили. Это было невероятно унижительным. Мы должны понять, почему это случилось, и вернуться назад».

Это правдивое заявление произвело в главной штабквартире в Дели сенсацию. Оно опровергало официальное, тщательно подготовленное британское заявление, что эта кампания была упорной и блестяще проведённой операцией, осуществлённой с целью выиграть время и подготовить Индию к обороне. Англичане не посмели не пропустить заявления Стилуэлла, но делали всё возможное, чтобы задержать появление его в печати. Они всячески отговаривали репортёров вообще опубликовывать его. В частных беседах старшие английские офицеры называли Стилуэлла смутьяном, которого следовало отослать в Соединённые Штаты.

Поэтому, когда Стилуэлл начал совещание с Уэйвеллом, ситуация была для него не совсем благоприятной. Стилуэлл твёрдо решил, что он намерен делать. 38-я дивизия выходила из Бирмы около Имфала. По имевшимся сведениям, остатки 22-й дивизии двигались дальше к северу, где у Форт-Херца их захватил муссон. Из этих войск Стилуэлл хотел создать высокоподвижные, хорошо натренированные части, с большой огневой мощью и использовать их для освобождения Северной Бирмы. Ему необходимо было согласие индийского правительства, премьер-министра Черчилля, генералиссимуса Чан Кай-ши и правительства Соединённых Штатов. Нелёгкая задача!

Англичане открыто говорили, что не хотят больше видеть китайцев в Индии. Начиная с Черчилля, все утверждали, что помощь китайцам была лишь пустой тра-

той времени, так как они не надёжны ни в политическом, ни в военном отношении. Англичане особенно ненавидели и опасались Чан Кай-ши. В то время он, кроме всех прочих дел, сносился с Джавахарлал Неру, вторым по значению человеком в партии Ганди, оказывающей сопротивление британскому правительству. Мадам Чан Кай-ши навестила Неру в Индии и разрешила сфотографировать себя вместе с его семьёй. Это выглядело как олицетворение лозунга «Азия для азиатов».

Британская внешняя политика не меняется в зависимости от того, кто находится во главе правительства, будь то Черчилль, Эттли или леди Астор. Единый и окрепший Китай с оружием и с обученными генералами, отделённый от Индии и Бирмы лишь Гималаями, через 25 лет может явиться такой угрозой, которая вызывает беспокойство у английских империалистов. Они понимали, что им достаточно трудно держать на поводу две колонии и без того, чтобы ещё сдерживать китайцев. Кроме того, ещё есть Гонконг, торговые концессии в Китае, управление Малайским полуостровом, Сингапуром и т. д.

Отношения между более низшими чинами китайской армии и англичанами были также не на должной высоте. Об этом красноречиво свидетельствует нижеприведённое письмо, тщательно написанное китайским полковником. Это письмо было ответом на счёт, присланный английским управляющим чайной плантацией за услуги, оказанные китайскому полку, только что бежавшему из Бирмы.

«Штаб 112 полка
Китайский экспедиционный
корпус

4 июля 1942 г.

Управляющему чайной
плантацией Ледо

Ваше письмо от 3 июля и счёт № 12/МЛ/1942 были получены вчера. Письмо читается с интересом, а счёт написан без ошибки. Мы должны перевести Вам сумму, которую вы указали, но, к сожалению, я не могу этого сделать. По моему предположению, количество угля, которое применялось «для засыпки ям и строительства дорог и т. д.» не составляет 67,18 тонн. Я считаю, что это количество не превышает 10 тонн и стоило Вам по вашей цене 140 рупий. Но я не могу Вам заплатить даже за это количество. Я хочу Вам сделать другое предложение для решения этого вопроса. Вы можете нанять

сто кули и заставить их перенести уголь назад за один день. При максимальной оплате в 8 анна в день это будет вам стоить только 50 рупий. Считая, что около полтонны останется на земле, в отверстиях и на дороге, это составит ещё 7 рупий.

Более того, я могу вам указать способ получения этих 57 рупий. Можно продать на 743 рупии бамбук, который был собран для вашей плантации. 127 рупий можно выручить, продав доски, и 26 — за верёвки, что составит общую сумму в 896 рупий. Таким образом, вы получите сверх причитающейся суммы 839 рупий.

Кроме того труда, который мы затратили на починку железного пола, он нам стоил ещё 1 200 рупий. Починка дороги обошлась в 1 650 рупий, что составляет всего 2 850 рупий. Таким образом, Ваш чистый доход составит 3 689 рупий, которые я не собираюсь у Вас забирать.

На прощанье я хочу сказать вам ещё несколько слов:

1. Сейчас Китай и Британия являются друзьями, и англичанам не следует обращаться так с такими друзьями, как китайцы. Я видел англичан в Китае, с ними там так не обращаются.

2. Вы должны знать, что армия после горячего боя и долгого отступления обычно очень неосторожна и часто делает вещи, которые приносят неприятности другим. Мы, которые дрались в течение трёх месяцев, спасли 1-ю Бирманскую дивизию (английскую) у Енангьяунга и прошли длинный путь отступления, довольны своим поведением. И мы можем сказать, что ни одна армия в мире не могла поступить лучше, чем мы, а поэтому:

3. Вы были абсолютно неправы, когда постоянно чинили нам препятствия за время стоянки здесь. Я знаю, что вы это делали намеренно, так как:

4. Однажды вы принесли заявление, в котором указывалось, что двое наших офицеров вошли в Ваш дом и заставили «ваших людей» отдать два пустых ведра, угрожая при этом револьверами. Это было абсолютной бессмыслицей. Таким грязным заявлением Вы порочили нас.

5. У Вас нет никакого чувства «союзнического духа», а потому я считаю, что в Вас отсутствует национальный дух, чтобы не сказать, что вы непатриотичны. Нельзя жить в воюющем мире без естественных чувств, а потому я считаю:

6. Что вы жалкий торгаш, Шейлок (если вы когда-либо читали «Венецианский купец», написанный вашим великим писателем Шекспиром, и последнее заключительное,— вы уронили честь вашей страны.

Я жалею, если оскорбил Вас, но я должен был высказать это, так мне велела моя совесть. Прощайте.

Я остаюсь Вашим преданным другом.

Полковник Чен, командир 112 полка».

И это письмо было получено англичанами от одного из тех презренных китайцев!..

Летом 1942 года Дели представляло собой весьма мрачное место. Подогреваемое невыносимой жарой, нарастало ощущение поражения и отчаяния. Проявления этого состояния в Малайе, Сингапуре и Бирме граничили с позором. Молодые английские офицеры и английские гражданские чины, которые ещё не были воспитаны в колониальном духе, понимали это и жестоко критиковали британское командование на Дальнем Востоке. Они открыто говорили, что индийское командование и британская армия в Бирме в течение многих поколений представляли лишь полицейскую силу, занимающуюся игрой в поло и распиванием чая. Многие офицеры были весьма пессимистично настроены: сумеет ли эта сила справиться с индийской проблемой?

Сэр Стаффорд Криппс был направлен в Индию, чтобы сделать Ганди половинчатое предложение, но их свидание было обречено на неудачу. Ганди призывал к гражданскому неповиновению во всей стране и требовал, чтобы англичане оставили Индию. Он и его соратники были быстро арестованы, что вызвало взрыв неорганизованного восстания и саботажа, во время которого было нарушено железнодорожное сообщение. Но это сопротивление не получило достаточной силы из-за отсутствия руководителей, организации и оружия. Арест лидеров Конгресса считался самой крупной ошибкой лорда Линлитгоу, но впоследствии оказалось, что это был мастерский удар вице-короля, который хорошо понимал неспособность индийцев произвести революцию, когда их наиболее могущественные вожди находятся в тюрьме. Через два-три месяца индийская проблема представляла незна

чительную помеху для военных действий, хотя позже её выставляли основной причиной военной бездеятельности англичан.

Английский генеральный штаб заявлял официально, хотя и в узком кругу, что нельзя предпринимать никаких попыток освободить Бирму из-за индийской проблемы и ещё потому, что индийские войска не в состоянии победить японские войска в джунглях. Против этого выступали только два влиятельных голоса. Один из них принадлежал Стилуэллу, а другой генералу Чарльзу Уингейту, организатору групп для действий по глубоким тылам противника, который погиб при авиационной катастрофе в 1944 году. Впоследствии они оба стали наиболее ненавистными людьми в Индии.

Уингейт и Стилуэлл резко расходились во взглядах по вопросам военной тактики, но во всех остальных вопросах были вполне согласны. Оба хотели драться. Оба изнемогали от унижения, вызванного поражением. Оба утверждали, что японцы не являются сверхчеловеками и их можно побить в их же джунглях. Стилуэлл настаивал на формировании обычных наземных войск и не верил планам Уингейта, предпочитавшего действия небольших групп в тылу врага с целью организации засад, уничтожения складов и создания паники. Он указывал, что всё это можно было сделать лучше и с меньшими потерями силами авиации. Однако Стилуэлл был ярким защитником Уингейта. «Я всецело за Уингейта,— сказал он однажды.— Он хочет драться, а это редкое качество на этом театре операций».

В генеральном штабе офицеры с красными штабными петлицами втихомолку поносили этих командиров. Стилуэлл и Уингейт были постоянным источником неприятностей для бездельников. Уингейт, так как он был англичанином и не в очень высоких чинах, сталкивался с проволочками, препятствиями и личными оскорблениями. Кампания против этого англичанина достигла наивысшей точки после его смерти. В то время как официальная английская пропаганда делала всё возможное, чтобы создать английского героя из Уингейта и прикрыть созданным ему ореолом бездеятельность англичан в Юго-Восточной Азии, офицеры штаба лорда Луи Маунтбэттена дошли даже до утверждения, что Уингейт был сумасшедшим.

В отношении Стилуэлла они придерживались того мнения, что это странный, эксцентричный человек, занятый в своём роде, но ничего не смыслящий в логистике. Слово «логистика» стало лейтмотивом английской оппозиции желаниям Стилуэлла. Это слово он никогда не мог произносить без усмешки. Логистика делала невозможной кампанию за освобождение Бирмы. Союзнические силы не могли быть посланы в джунгли и должны были продвигаться по внешним линиям коммуникаций, чего «невозможно было сделать при наличии индийской проблемы», и т. д. Тем временем бережливые японцы спокойно сидели на внутренних линиях коммуникаций, делая невозможным нападение 16 индийских дивизий на четыре японские дивизии, находившиеся в Бирме.

В начале июня Стилуэлл отправился в Чунцин для переговоров с Чан Кай-ши. «Чан Кай-ши, вероятно, вышвырнет меня пинком под зад», — сказал он офицерам штаба. Он добавил, что никто не имеет права вернуться в Соединённые Штаты без разрешения доктора Вильямса; иными словами, лишь состояние здоровья принималось во внимание.

Из Вашингтона сообщили, что не может быть никакого сокращения состава американского штаба в Чунцине или других действий, которые могут быть истолкованы китайцами как «уменьшение американской помощи». Этот приказ совпал по времени с всё возрастающим отвращением американцев к Дели и с невысказанным, но всё увеличивающимся желанием почти всех офицеров штаба Стилуэлла уехать в США для получения новых назначений.

Перед отъездом в Чунцин Стилуэлл услышал ворчливое согласие лорда Линлитгоу и Уэйвелла на передачу лагеря итальянских военнопленных в Рамгаре (провинция Бихар) китайцам, входившим в Индию. Он не получил от англичан одобрения за привод в Индию большого количества китайцев.

Стилуэлл не имел полномочий от Чан Кай-ши на переброску ещё большего количества китайцев в Индию. Для того же чтобы провести обучение и вооружение войск в Китае, необходимо было открыть пути, ведущие в блокированную страну. Только при этом условии можно было туда доставить грузовики, танки и тяжёлое оборудование

В Чунцине Стилуэлл изложил свой план Чан Кай-ши и Хо Ин-цину, китайскому военному министру. В ответ на обещание Стилуэлла организовать в Индии учебные лагеря, обеспечив их необходимым числом инструкторов и вооружением, Чан Кай-ши обещал неограниченные людские резервы. Оставалось убедить правительство Соединённых Штатов заставить англичан принять китайские войска и поставить их в нужные условия. Необходимо было, чтобы англичане продолжали платить, кормить и одевать китайцев. Всё вооружение и боеприпасы, за исключением пушек Брена и транспортёров для них, предоставлялись Америкой. Американцы должны были полностью контролировать обучение. Соединённым Штатам удалось уговорить Черчилля разрешить ввести дополнительное количество китайских войск в Индию.

Пока Стилуэлл был занят этими вопросами, моральное состояние членов его штаба в Дели непрерывно ухудшалось. Все хотели вернуться домой из-за сильной тоски по родине и отвращения ко всему английскому или китайскому; они естественно считали Стилуэлла виновником всех оскорблений, как истинных, так и воображаемых, которые были им когда-либо нанесены. Все эти настроения усиливались бездеятельностью. Некоторые офицеры утешались приступами жалости к самим себе. Они испытывали облегчение, стеля о принесённой в жертву военной карьере. Никто не помнил о том, что миссия в Бирму не явилась делом рук Стилуэлла. Генерал должен был сказать Вашингтону правду, что эта миссия обречена на неудачу. Стилуэлла жестоко критиковали за то, что он следовал указаниям правительства. Его лично упрекали в честолюбии и попытке создать для себя ответственный пост.

Одновременно с переговорами о переброске китайских войск в Индию Стилуэлл обсуждал проект постройки дороги из Индии в Китай. Военное министерство США понимало необходимость такой дороги в случае падения Бирмы. Это отнюдь не являлось, как думают многие, личной инициативой Стилуэлла. Когда он скрестил оружие с англичанами по этому вопросу, он только выполнял приказание своего правительства.

Англичане были против постройки дороги, начиная с того дня, когда о ней было впервые упомянуто, и до того дня, когда она была закончена. Они пытались не

допустить постройки дороги всеми возможными средствами, даже после того, когда они официально одобрили проект дороги. Они никогда открыто не выступали против постройки дороги. Но на секретных заседаниях штабов в Дели, Лондоне и Вашингтоне лучшие английские умы пытались доказать, что строительство такой дороги невозможно и абсурдно. Англичане были против строительства этой дороги, во-первых, потому, что боялись китайцев, а во-вторых, потому, что такая дорога могла поставить под угрозу интересы крупных паровозных компаний, контролирующих все сообщения между Индией и Бирмой. Лозунг «Все дела должны идти по старому» никогда не выходил в Индии из моды. Как это ни странно, но англичане препятствовали строительству дороги даже тогда, когда пресс-атташе штаба Маунтбэттена пытался создать у публики мнение, что строительство дороги следует отнести к заслугам этого лорда.

От разрешения этих проблем Стилуэлла отвлекали административные и политические затруднения, связанные с увеличением его полномочий. Сиберт был оставлен во главе штаба в Дели. Ему следовало присматривать за Бреретоном, который всё время пытался поставить себя на одну ногу со Стилуэллом. Сиберт не являлся политиком, а потому все эти дела неизбежно пали на плечи Стилуэлла, находившегося в Чунцине. К этим хлопотам добавлялись новые, связанные с созданием службы снабжения под началом генерал-майора Уилера. Штабы Уилера и Бреретона немедленно вступили в ссору, основанную на мелкой военной зависти между войсками и тыловыми службами. Эти распри не удалось урегулировать до тех пор, пока Бреретон не уехал в Каир и на его место был назначен генерал-майор Клейтон Биссель.

Сплетни и раздор среди американцев в Дели должны были улаживаться штаб-квартирой Стилуэлла, но, к сожалению, сделать это не удавалось. Стилуэлли приходилось разбирать все незначительные перебранки и случаи аморального поведения, о которых ему даже и не следовало слышать. Разве не достаточно того, что ему приходилось бороться с англичанами за каждый шаг к достижению своей цели и цели своей страны? Англичане, занятые своей индийской проблемой, ничем не помогали Стилуэлли.

Тем временем Стилуэлл получил директиву от Объединённого англо-американского штаба в Вашингтоне. Указывалось, что первоочередной задачей американских сил является помощь Китаю. Стилуэллу было приказано изучить возможности строительства дороги, которая впоследствии получила название «дороги Стилуэлла». Америка приняла на себя всю ответственность за строительство дороги с баз, которые англичане предоставляли в её распоряжение. Объединённый англо-американский штаб приказал англичанам построить различные аэродромы, в основном в Ассаме, для обеспечения воздушных грузовых перевозок в Китай и для того, чтобы эти аэродромы могли служить базами для американских тактических воздушных сил. Американские авиационные силы предназначались для прикрытия воздушной линии и для нападения на японские аэродромы и военные объекты в Бирме. Для англичан это явилось горькой пилюлей и первым поражением перед Объединённым англо-американским штабом. Основным аргументом, выдвигаемым англичанами, была невозможность строительства подобной дороги, и в качестве альтернативы они предлагали комбинированную операцию в Рангуне. Предлагая такую операцию, англичане прекрасно понимали, что средства для её проведения не будут готовы в течение многих лет.

Отношение военного министерства США к строительству дороги было основано на мнении, что Японию нельзя победить до 1947 или 1948 года. Тихоокеанская стратегия постепенного захвата острова за островом была ещё не испытана, она могла оказаться безуспешной. Считалось необходимым иметь дорогу, ведущую в Китай, для того, чтобы, во-первых, китайская армия могла получать вооружение и боеприпасы и сковывать вражеские дивизии, которые иначе могли бы быть использованы против Макарура, и, во-вторых, для того, чтобы по этой дороге могли передвигаться и снабжаться американские военные силы, если переброска таких войск в Китай когда-либо станет необходимой.

Эта дорога была как бы чёрным ходом, ведущим в Японию. Все надеялись, что она будет использована только для перевозки вооружения, боеприпасов и оборудования, так как политика, проводимая американским военным министерством, требовала, чтобы англичане и китайцы сами, своей кровью, вели войну в Азии. Воен-

ное министерство отнюдь не намеревалось присылать войсковые соединения, за исключением воздушных сил.

Первоначально намечалось соорудить двухпутную дорогу, на всём протяжении которой могло вестись движение в оба направления. Но так как план операций на Тихом океане начал реализовываться раньше срока и стратегия захвата острова за островом себя оправдывала, то первоначальный проект был изменён. Было решено построить однопутную дорогу, по которой могли перебрасываться грузы в одну сторону, в Китай. Прибывающие по этой дороге в Китай грузовые машины оставались бы американским военно-воздушным силам в Китае и китайской армии, которые испытывали в них острую нужду. Много позднее этот проект был снова изменён.

Успех на Тихом океане в сочетании с тем, что союзники начали понимать, что Чан Кай-ши не собирается ни сдаваться японцам, ни воевать с ними, независимо от количества получаемого имущества, вызвало у военного министерства США новое решение: дорога должна быть использована для прокладки трубопроводов, идущих из Калькутты в Куньмин, для снабжения организованной в то время 14-й воздушной армии нефтяными продуктами. Сама по себе дорога получала второстепенное значение и предназначалась для перевозок (в одну сторону) некоторого количества тяжёлого оборудования для китайской армии и значительно большего количества для 14-й воздушной армии. Но здесь мы забегаем вперёд.

Наконец, Стилуэлл получил разрешение перебросить китайцев через «Горб» для обучения их в Рамгаре. Чан Кай-ши обещал «неограниченные» людские резервы, и Стилуэлл понимал, что для прокладки своей дороги ему придётся рассчитывать лишь на эти войска. Он понимал, что англичане не окажут никакой помощи, независимо от многочисленных обещаний, а на все просьбы Стилуэлла о присылке американской пехоты, обращённые к военному министерству, следовал отказ.

Стилуэлл отчётливо понимал нужды войны на Тихом океане. Его скромные требования о присылке американских войск были основаны на следующем плане:

1. При наличии американских боевых частей или без них путь, по которому должна быть проложена дорога, необходимо очистить от японцев. Однако американские

войска ускорили бы эту операцию и тем самым освободили хорошо обученные в Индии китайские дивизии для использования в самом Китае.

2. В сочетании с операциями по очистке дороги, ведущимися из Индии, некоторые китайские дивизии в Юньнани могли помочь Стилуэллу, атакуя японцев южнее, вдоль старой Бирманской дороги.

3. После соединения войск, наступающих из Индии и из Китая, Стилуэлл намеревался использовать войска, базирующиеся на Китае, для охраны дороги, и немедленно перебросить в глубь Китая все имеющиеся в его распоряжении американские и китайские войска, базирующиеся на Индию, для нанесения удара из Куньмина с целью:

- а) захвата области Кантон — Гонконг;
- б) захвата Формозы.

Стилуэлл заявил участникам конференции в Каире, что в случае удовлетворения его незначительной просьбы в войсках, он будет в Кантоне и Гонконге поздней осенью 1944 года, а в Формозе ранней весной 1945 года.

План Стилуэлла основывался на тщательном и детальном изучении всех возможных факторов; успех его зависел лишь от полной поддержки китайцев. Чан Кай-ши, после того как он первоначально одобрил план в Каире, изменил своё решение и отказался содействовать его выполнению. Это обстоятельство в сочетании с упорным нежеланием англичан пустить кого-либо в Гонконг раньше, чем они сами там будут, и вызвало крушение плана.

Стилуэлл надеялся начать освобождение Бирмы в январе 1943 года. С этим расчётом он собрал горстку самолётов С-47 и перебросил 13 тысяч китайцев через «Горб» из Куньмина в Динжан. Эти китайские солдаты были переброшены через самый ужасный горный хребет, на высотах, вдвое превышающих нормальные потолки самолётов, при худшей в мире лётной погоде и со второразрядных аэродромов. Радионавигационного оборудования не было и в помине. Самолёты летали без должного профилактического ремонта, запасных частей, и им постоянно угрожал перехват со стороны японцев, и тем не менее все 13 тысяч китайских солдат были переброшены в короткий срок без малейших происшествий.

Рамгар начал приобретать военный облик. Пехотинцы находились под командованием Мак Кейба, артиллери-

сты были подчинены Слинею, а интендантство Холкомбу. Чан Кай-ши и Хо Ин-дин согласились, что всё обучение будут проводить американцы. Китайские генералы не будут ни во что вмешиваться, выставляя лишь учеников для занятий и сами воспринимая американскую тактику. 38-я и 22-я дивизии к тому времени были воссозданы и полностью укомплектованы. Они оставались под командованием тех же генералов, которые командовали ими в Бирме.

Генерал Сун Ли-жен, чьи войска спасли окружённых англичан в Енангьяунге, командовал своей 38-й дивизией, а генерал Ляо Яо-сян, который не сумел контратаковать в Пьинмане, продолжал командовать 22-й дивизией. Эти генералы представляли весьма интересный контраст. Сун Ли-жен был для китайца довольно высок, худ и чрезвычайно красив. Он окончил Военный институт в Виргинии (США) и получил диплом инженера, окончив университет в Пурди. Это был неторопливый человек; он медленно говорил, слегка заикался и считался наилучше подготовленным китайским генералом. Ляо Яо-сян был низкоросл, коренаст, вспыльчив, носил очки. Он окончил французскую Военную академию в Сен-Сире. Ему простили его проступок в Пьинмане потому, что американцы были уверены в том, что его непосредственный начальник генерал Ту Ли-мин отменил приказание Стилуэлла. Оба эти генерала оказались добросовестными и создавали не больше неприятностей, чем любой китаец, поставленный в условия иностранного обучения.

Хотя американские офицеры полностью отвечали за обучение, они не имели никаких полномочий. Лично Стилуэлл был единственным иностранцем, который имел право командовать китайцами. Поэтому для того, чтобы регулировать китайское администрирование и дисциплину и т. п., полковник Хейдон Ботнер был назначен начальником штаба китайских экспедиционных сил. Таким образом он являлся начальником штаба при Стилуэлле, в его ведении находились такие вопросы, как выплата жалованья китайским войскам, он же служил для связи между Сун Ли-женом и Ляо Яо-сяном и военными училищами.

Особенно мудрым было назначение Слинея командующим артиллерией. Он являлся не только прекрасным

артиллеристом, но китайские солдаты, которые воевали в Бирме, его знали и уважали больше, чем остальных американцев. Китайцы называли его «американцем с большим лицом и без волос». И всё же Слиней написал нижеследующее о китайской армии во время кампании:

«Чем больше я узнаю китайскую армию, тем хуже я о ней думаю. Солдаты работают как черти, но неспособность их офицеров сводит эту работу к нулю. 5-я армия считается одной из лучших, если не самой лучшей китайской армией. Трудно представить себе, с каким же низким уровнем нам придется ещё встретиться.

При планировании защиты Пьинмана я не очень волновался, так как хорошо знал китайский метод действия. Я был уверен, что они никогда не станут атаковать. Они великолепные мастера находить оправдания тому, что отказываются делать по нежеланию. Для этого китайцы фабрикуют ложную информацию о противнике, сообщают, что части опоздали, нужные приказы не получены и так далее.

С китайской точки зрения, любое обещание зависит от продолжения существующих благоприятных условий. Любое изменение этих условий уничтожает соглашение, и приходится всё начинать сначала. Поэтому весьма трудно добиться взаимодействия между частями.

До передачи китайской армии вооружения по ленд-лизу необходимо, чтобы китайские артиллеристы показали своё умение стрелять. В противном случае материальная часть будет тратиться попусту...»

И все же военное обучение китайцев в Рамгаре проходило неплохо. Американские офицеры начали признавать, что китайцы не только способные, но и великолепные ученики. Перед окончанием курса эти же офицеры утверждали, что китайцы как ученики превосходят американцев. Вначале китайцы не прислали обещанных переводчиков, а потому американцы обучали их личным примером. Китайская способность к подражанию непревзойдена. «Какое счастье, что мы не говорим по-китайски и что у нас нет переводчиков, — сказал Слиней. Мы показываем и они подражают. У них больше, чем у кого бы то ни было, развита способность к подражанию. Учатся они очень быстро». Китайцы обладали огромной любовью к любому виду оружия и чисто дет-

ским любопытством разбирали любое новое оружие с целью узнать, как оно устроено. Эта черта имела и обратную сторону. Каждый вилис передавался китайцам в великолепном состоянии, но они всё же не были удовлетворены. Первым делом они снимали карбюратор, затем остальные части. Наконец, весь автомобиль снова собирался, но уже никогда после этого он нормально не работал.

Остатки 38-й дивизии вышли в район Имфала вскоре после Стилуэлла и находились в хорошем состоянии. Войска перешли через горы Чин по более лёгкой дороге, южнее группы Стилуэлла. Там дожди были слабее. Дивизия, будучи всегда хорошо дисциплинирована, сохранила оружие в хорошем состоянии. Солдаты были сравнительно здоровы и не заражены болезнью «нага», хотя и худы от недоедания.

Остатки 22-й дивизии были застигнуты муссоном с севера от Форт-Херца. Как только было обнаружено их местопребывание, американцы начали самолётами доставлять им продовольствие, но плохая лётная погода и отсутствие достаточного количества самолётов затруднили эту задачу. Несколько окрепнув, китайцы сумели, наконец, переправиться через потоки, вызванные муссоном, и пробиться сквозь джунгли к железнодорожной станции в Ледо. Когда китайские войска прибыли, наконец, в Рамгар, они представляли жалкое зрелище. Люди страдали тропической малярией, лихорадкой и были покрыты язвами «нага». Многие китайцы умерли от этих язв, хотя вообще их смертность была ниже того, что можно было ожидать, если бы белые люди находились в подобных условиях.

В 22-й дивизии дисциплина хромала, а вооружение пришло в негодность. Дивизия довела своё небольшое число грузовиков и артиллерию до Майнkvана в долине Хуконга, где их и бросила. Но личное оружие войска принесли с собой. Это оружие настолько заржавело, что пользоваться им было нельзя.

И вот, опираясь на эти силы, Стилуэлл должен был строить свои надежды, вновь наладить наземное сообщение с Китаем. Он знал, что ему не удастся получить американские войска. Он предполагал, что англичане не будут воевать, а Хо Ин-цин после переброски 13 тысяч китайцев неожиданно прекратил поставку войск для

обучения. Не было прямого отказа. Просто новые контингенты китайских солдат не появлялись до 1944 года.

Обучение шло удачно. Слиней очень хвалил своих китайских артиллеристов и его мнение поддерживали Мак Кейб и другие офицеры, принимавшие участие в первой бирманской кампании. На эту новую точку зрения встали и многие из тех, кто ранее таил злобу против китайцев и был весьма пессимистически настроен по поводу их обучения. С увеличением веры в китайцев улучшалось и моральное состояние американцев, которые теперь хоть занялись каким-то делом. Как это ни парадоксально, но нехватка вооружения и оборудования способствовала созданию более здоровой атмосферы. Эта нехватка не только не вызывала озлобления против Стидуэлла или китайцев, которые не были в ней повинны, но заставляла американцев работать ещё сильнее, выдумывая различные способы замены недостающих предметов вооружения. Майор Юджин Лейбурн, ранее кадровый сержант-оружейник, и несколько рядовых делали всё, начиная от ремонта оружия и кончая изготовлением мишеней для стрельбы из винтовок.

Китайцы овладели техникой стрельбы из миномёта в невероятно короткий срок. Бывшие пехотинцы научились стрелять из 75-мм горной гаубицы в течение недели. Несколько медленнее они овладели пулемётом Браунинга и пушкой Брена, но скоро и эти трудности были преодолены. Они научились обращаться с полевыми телефонами и радиостанциями и довели американцев почти до сумасшествия своей склонностью без конца болтать по полемому телефону. Они работали от зари до поздней ночи. Их оружие находилось в безупречном состоянии. Для поддержания боевого духа не требовалось никаких особых развлечений и армейских варьетэ. У китайцев был только один явный недостаток: они недостаточно метко стреляли из винтовок.

Эти китайцы уже показали свою храбрость. Теперь они показывали свои способности к обучению. Оставался только один вопрос. Разрешат ли им воевать их политические и военные начальники тогда, когда они получат соответствующее вооружение и будут обучены? Этот вопрос волновал каждого американца. Во-первых, уступит ли Чан Кай-ши эти войска и, во-вторых, пустят ли генералы их в бой?

Отказ китайской армии воевать требует некоторых пояснений. Он был основан на политике Чан Кай-ши. После отступления из Бирмы Стилуэлл выяснил, что китайским войскам, воевавшим против японцев на так называемом китайском восточном фронте, был дан приказ не вступать в бой с врагом. Они отступали, когда противник ещё находился от них на расстоянии 100 миль. Эта политика основывалась на стратегии Чан Кай-ши и Хо Ин-цина, заключавшейся в накоплении людских резервов и вооружения с целью использовать их против коммунистов и других оппозиционных группировок после того, как Америка выиграет войну на Тихом океане. Несмотря на огромные людские резервы Китая, Чан Кай-ши был в той же мере заинтересован в ведении «дешёвой войны», как и Черчилль.

Ни один китайский генерал по собственной воле не впускает войска в бой. В китайской армии не существует системы пополнений или замены; потери в конечном итоге доводят любую войсковую часть до нуля. Соответственно этому изменяется служебное положение, чин и доходы командира. Например, дивизия входит в бой, после боя от неё остаётся бригада. Таким образом, командир дивизии становится командиром бригады и соответственно уменьшается его влияние. Он снова пускает свою бригаду в бой, и из боя выходит лишь полк. Он понижается в должности до командира полка и так далее...

Как правило, китайские генералы получают мизерное жалованье. А поэтому они «зарабатывают» другими путями. Один из источников дохода — удержание жалованья солдат. Гоминдановские войска сравнительно регулярно получали жалованье от Чан Кай-ши, но это жалованье воровали различные генералы. Жажда наживы понуждает каждого генерала сохранять максимальное число войск. Другим источником генеральского дохода является продажа риса, предназначенного личному составу. Отсюда следует: чем больше солдат, тем больше риса, тем выше доходы. Сочетание этого неприкрытого воровства с полным отсутствием организованной системы снабжения привело к недоеданию всей армии. Ввиду отсутствия транспорта китайским войскам иногда приходилось совершать марши на сто и более миль. Во время этих походов многие солдаты умирали голодной смертью и ещё большее число дезертировало.

Дезертирство настолько обычно в китайской армии, что оно принимается как должное. В условиях системы «добровольного и свободного вступления» в китайские войска, это и не удивительно. Китайский крестьянин после того, как его украла из деревни какая-либо шайка бандитов, принадлежащая местному генералу, надевает дешевую хлопчатобумажную военную форму. Последующее обращение с китайским солдатом мало способствует развитию желания оставаться в армии. Как правило, солдатам не платят, кормят лишь эпизодически, а медицинская помощь почти всегда отсутствует. Когда солдат заболевает или когда он ранен, он пытается добраться до своей деревни. Если это ему удаётся, он сохраняет свою жизнь.

Американцы сами производили выплату жалованья китайским солдатам. Это означало, что китайский генерал не получал ничего, кроме своего жалованья, вне зависимости от численности своего соединения. Генерал и его войска получали жалование в индийских рупиях, т. е. в такой валюте, которая не пострадала от девальвации и, следовательно, имела особую прелесть для генеральского бумажника.

До Каирской конференции Стилуэлл передал военному министерству США план освобождения Бирмы. Согласно этому плану, необходимо было нанести удар по Рангуну и вниз по Сальвин одновременно с предполагаемым нападением Макарура на Соломоновы острова. Этот план был отвергнут. После Каирской конференции, на которую Стилуэлл представил исчерпывающий план координированных действий китайских войск в войне на Тихом океане, он вернулся в свой штаб, как мы уже говорили выше, с одним утешением: Объединённый англо-американский штаб приказал союзным силам в Индии принимать все меры к облегчению положения в Китае. Тогда у Стилуэлла появился третий план, который должен был быть приведён в исполнение в январе 1943 года.

Стилуэлл просил Уэйвелла ударить на восток из Имфала через Чиндвин и пытался получить разрешение Чан Кай-ши использовать своих китайцев для нанесения удара в направлении предполагаемой «дороги Стилуэлла» через долину Хуконга на Мьиткына. Он указывал, что у японцев в Бирме было только 4 дивизии. У англичан к этому времени было в Индии 16 дивизий. А у него

ещё было в Индии 2 китайские дивизии. Итого 18 против четырёх!

Уэйвелл утверждал, что на самом деле 16 дивизий у него нет и что его силы недостаточны. Командование индийскими войсками, с одной стороны, неумеренно восторгалось индийскими войсками, а с другой — утверждало, что эти войска настолько ненадёжны, что их нельзя пускать в бой против японцев при отсутствии пятикратного перевеса сил. Оно заявляло, что не может рассчитывать на обещание Чан Кай-ши и что китайские войска ещё менее надёжны, чем индийские. Кроме того, Уэйвелл и вице-король¹ указывали на то, что было бы чрезвычайно рискованным предпринимать большую операцию, учитывая брожение среди индийского населения, вызванное кампанией неповиновения.

Однако после длительных переговоров было решено осуществить этот план со следующими изменениями. Англичане должны произвести незначительное наступление с отвлекающими целями на Аракан, вдоль полуострова Майю, имея основной задачей захват Акьяба, и направить Уингейта в северные районы Центральной Бирмы. Захват Акьяба мотивировался необходимостью создания баз для истребительной авиации с целью поддержки будущего комбинированного удара по Рангуну.

Стилуэлл не по собственному желанию избрал путь Ледо — Шингбвианг — долина Хуконга — Мьиткына для сооружения дороги и боевых действий. Уэйвелл всегда направлял Стилуэлла в эту «крысиную нору», как её называл генерал. Стилуэлл хотел вести дорогу на восток от Имфала, в основном, в том направлении, по которому он вышел из Бирмы. Уже существовала мощёная дорога от железнодорожного узла Манипур до Имфала, а рельеф местности оттуда до пункта соединения с Бирманской дорогой, хотя и пересечённый и местами покрытый джунглями, был зеркально гладок по сравнению с тем рельефом, с которым Стилуэлли предстояло встретиться на севере. Стилуэлли было заявлено, что он не может строить дорогу из Имфала, так как Манипурская дорога должна быть оставлена для снабжения английских войск. Конечно, казалось немыслимым дать Стилуэлли

---

¹ Вице-король Индии до 1943 г. — лорд Линллитгоу. — Прим. ред.

возможность использовать область Имфала для начала наступления с базы, в которой стояли английские части.

Для получения согласия от англичан и китайцев на проведение незначительной наступательной операции в январе 1943 года Стилуэллу пришлось пустить в ход особую тактику.

«К чертям! — сказал он однажды. — Я просто мальчик на посылках. То я еду в Чунцин и тяну за рукав Чан Кай-ши и объясняю, что ему следует подготовиться к продвижению войск по Сальвину, так как англичане собираются войти в Бирму с юга. Я говорю ему, что китайцы «потеряют престиж», если англичане будут наступать одни. Затем я вылетаю в Индию, хватаю за рукав Уэйвелла и сообщаю ему, что Чан Кай-ши собирается продвинуться по реке Сальвин, и говорю, что ему тоже следует начать действия, и что англичанам будет трудно проводить свою политику, если китайцы осмелятся воевать там, где британцы испугались».

Уэйвелл занимал промежуточное положение. Хотя теоретически он был подчинён Объединённому англо-американскому штабу, тем не менее американцы были убеждены, что он и последующие британские командующие в Юго-Восточной Азии получали приказания непосредственно от Черчилля. А смысл этих приказаний был таков: сиди на месте и доказывай, что никаких наступательных операций нельзя предпринимать из-за недостатка ресурсов и из-за индийской проблемы. Основная линия поведения Уэйвелла сводилась к тому, чтобы принимать директивы Объединённого англо-американского штаба, но всегда оказываться в таком положении, когда их осуществление является невозможным. В то же время усиливающееся недовольство общественного мнения, в особенности в Америке, и престиж англичан в глазах туземного населения Азии, требовали, чтобы англичане выказали силу.

Стилуэлл непрерывно досаждал Уэйвеллу своими частными заявлениями репортёрам, что зимняя кампания была не только допустима, но и практически осуществима. Стилуэлл намеренно ставил себя в положение единственного военачальника в Азии, который хотел воевать. Стилуэлл давал понять, что у него связаны руки. Это

ставило его в исключительное положение в распрях между союзниками по вопросу о том, как истреблять японцев в Бирме.

Стилуэлл, быть может, и обладал рядом особенностей, которые мешали ему выдвинуться на первые роли, но ни один из офицеров армии Соединённых Штатов Америки не смог бы играть выпавшей на его долю роли лучше, чем он. Он притворялся наивным солдатом, незнакомым со всеми тонкостями политики, который просто хочет уничтожить японцев и помочь китайцам. Он разыгрывал эту роль во всех подробностях, начиная от своей древней походной шляпы, в которой он прошёл всю кампанию, и кончая старыми солдатскими сапогами. Он играл эту роль и своим простым, бесцеремонным демократическим отношением к солдатам и корреспондентам. Эта роль выражалась в его постоянных отказах посещать приёмы и соблюдать декорум, что являлось обязательным для высокопоставленного генерала. Он перехватывал эффектные выходы у своих английских соперников, со всей тонкостью великолепного актёра.

С течением времени эта игра становилась настолько резкой, что даже самые страстные англофобы иногда жалели англичан, которые прилагали столь отчаянные усилия к тому, чтобы не воевать и в то же время восстановить своё положение на Востоке. Стилуэлл стыдил и стегал англичан до тех пор, пока они, будучи поставлены в невыносимое положение, не отругали его «дураком и военным тупицей». «Хорошо, пусть я тупица в вопросах логистики,— отвечал Стилуэлл,— но всё же мне удастся заставить их воевать».

Наконец Уэйвелл согласился предпринять наступление на Акьяб и освободить Уингейта, а Чан Кай-ши разрешил своим войскам выйти в долину Хуконга. 22-я дивизия пришла слишком поздно и была ещё в плохом состоянии. Но при наличии в Бирме лишь четырёх японских дивизий 38-я дивизия, вероятно, могла бы очистить от противника трассу дороги.

Тем временем силы Соединённых Штатов на этом театре операций медленно, но верно росли. В августе 1942 года численность лётного состава, частей аэродромного обслуживания и наземных войск превысила 8 тысяч. Это может показаться весьма мизерной цифрой в эпоху тотальной войны, но она была колоссальной для данного

театра операций, для которого всё шло в последнюю очередь и который, как сказал Стилуэлл, находился «последним в шеренге».

Холодный и дотошный Биссель принял командование 10-й воздушной армией. Он вывел это соединение из состояния хаоса и медленно, но верно начал вырабатывать в нём боевые качества. Биссель заслужил нелюбовь подчинённых, привыкших к панибратским командирам, как Ченнолт и Бреретон. Во-первых, Биссель не обладал личным обаянием, чтобы стать руководителем людей, воспитанных в традициях Ченнолта; во-вторых, он сменил Бреретона и считался ставленником Стилуэлла, а последнего лётчики считали ничего не смыслящим в авиации. Враждебность к Бисселю была особенно острой в Китае, где Ченнолт командовал китайскими стратегическими воздушными силами, входившими в состав 10-й воздушной армии.

Китайские власти требовали всё большего количества самолётов для усиления китайских стратегических воздушных сил и китайского военно-воздушного флота. Для группы Ченнолта поступало некоторое количество самолётов, но для китайских воздушных сил их поступало очень мало. Мадам Чан Кай-ши, которая считала себя «крёстной матерью» китайских воздушных сил, была уверена, что именно Биссель несёт ответственность за недостаточное количество самолётов, получаемых Китаем. В Вашингтон полетели жалобы, которые всё усиливались до тех пор, пока Биссель не был освобождён от должности, о чем речь впереди. Он стал первой американской жертвой китайской политики.

Между Бисселем и Ченнолтом не существовало хороших отношений. Ченнолт был обуреваем идеей, что японскую армию можно сдерживать в Китае одними воздушными силами. Он настаивал на воздушном флоте, состоящем из истребителей и средних бомбардировщиков, предназначенном в первую очередь для уничтожения японских воздушных сил в Китае. Более того, Ченнолт требовал, чтобы все грузы, перевозимые через «Горб», отдавались его авиационным частям, вне зависимости от обязательств Соединённых Штатов в отношении обучения и снабжения китайской армии.

Ченнолт и китайцы стремились к созданию передовых воздушных баз для использования их против японцев.

А Стилуэлл и Биссель говорили о том, что такие базы нельзя создавать до тех пор, пока китайская армия не станет достаточно сильной, чтобы их удержать. Эта точка зрения получила поддержку военного министерства США.

Военное министерство было несогласно с Ченнолтом по вопросу об использовании средних бомбардировщиков, оно направляло на внутренние китайские базы тяжёлые бомбардировщики для операций против японского судоходства в Китайском море, а позже и против японских островов. Это соответствовало американской стратегии — блокаде японских островов как с воздуха, так и с моря.

Ченнолт играл на руку китайцам, поддерживая их требование на большее количество истребителей и бомбардировщиков. Опыт уже показал, что китайцы не умеют пользоваться своей авиацией, а потому военное министерство США не видело причин тратить свои самолёты попусту. В то время авиации нехватало. Военное министерство США распределяло продукцию самолётостроительных заводов Соединённых Штатов только между теми странами, которые могли их использовать.

В Китае началось осуществление плана Стилуэлла — обучить 30 дивизий. Вблизи Куньмина были организованы пехотные и артиллерийские училища. В училища набирались офицеры и солдаты из китайских дивизий. Эти кадры обучались пользованию американским вооружением, и затем их снова направляли в свои части, чтобы они там проводили подготовку к использованию вооружения, как только оно начнёт поступать. Стилуэлл был не слишком оптимистично настроен по поводу этого метода. «Если бы в нашем распоряжении было ещё десять лет, — говорил он, — то я бы был уверен, что такая программа оправдывает себя. Но в существующих условиях нам приходится делать то, что мы успеем».

План требовал вооружения 30 китайских дивизий в короткий срок. Выпускаемые из училищ офицеры должны были заниматься обучением китайских солдат, и в этом заключалось первое затруднение. Этим офицерам приходилось проделывать огромный путь, чтобы попасть в училище. Иногда это требовало 30 дней. Это обозначало 60 дней пути плюс 30 дней пребывания в училище, т. е. 90 дней вне части. Китайские генералы считали, что определённый процент этих офицеров де-

зertiрует и никогда не вернётся в свою часть. Неудивительно, что качество отобранных офицеров было таково, что их отсутствие в части проходило незамеченным.

К рождеству 1942 года дела несколько улучшились. В Ассаме небольшая группа американских инженеров подготавливалась к постройке «дороги Стилуэлла». В помощь строительству англичане выделили необходимое количество вагонов на Ассам-Бенгальской железной дороге и барж на реке Брамапутра. Японцы продвинулись лишь до горного селения Тагап, так что противник находился от строителей в 75 милях. 38-я дивизия была почти готова отправиться в Ледо. День отправки был назначен на 15 февраля. Английская 14-я дивизия перебрасывалась на базы, подготавливаясь к наступлению на Акьяб.

Эти приготовления были далеки от идеала. Но всё же это был какой-то сдвиг. Американцам не нравилось наступление на Аракан из-за его сомнительного стратегического и тактического значения. Но они понимали, что англичане численно значительно превосходили вражеские силы на полуострове и обладали несравненно лучшими коммуникациями. Победа казалась несомненной. На этом этапе победа имела бы огромное значение для преодоления пораженческой психологии войск и гражданского населения Индии. Существовало ещё убеждение, что англичане не могут победить японцев, но одновременно они не могут больше допускать поражений.

Считалось, что 38-я дивизия готова на 90 процентов и что китайцы не встретят серьёзного сопротивления. Японцы имели в северных джунглях лишь небольшое боевое охранение, предназначенное для приостановки китайского наступления до подхода подкреплений. Перед Стилуэллом стояла ограниченная задача, поскольку у него были необстреленные войска, а до периода дождей оставалось лишь 8—10 недель.

В то же время 10-я воздушная армия выросла в Индии до таких размеров, что с успехом могла состязаться с японской авиацией. Она могла уже начать наступательные, а не чисто оборонительные операции. Английский воздушный флот был усилен до такого состояния, что и он мог вполне бороться на полуострове Майю. В соответствии с военными прогнозами, союзники не должны были проиграть эту операцию, даже если

они ничего не выигрывали. Однако военные пророки Китайско-Бирманско-Индийского театра и на этот раз не покрыли себя славой.

Англичане медленно и осторожно продвигались к Читтагонгу, перегруппировывались там и подготавливались к наступлению. В течение января они ограничивались действиями патрулей. Англичане мало обращали внимания на долину реки Калапанцин, находящуюся слева от них, по ту сторону гор полуострова Майю.

Китайцы в январе продвинулись к Ледо и использовали старую дорогу из Ледо в Шингбвианг, которая предназначалась как трасса для «дороги Стилуэлла». Вначале можно было строить лишь радужные планы, пока англичане вдруг не попали в беду. Силы японцев не превышали полка, а англичане располагали дивизией. И всё же англичане не могли продвинуться ни на шаг. Донесения о потерях свидетельствовали о том, что английские и индийские войска истреблялись в небольших стычках. Американские военные обозреватели отмечали повторение тех же ошибок, которые были сделаны в Малайе и в Бирме. Неожиданно японцы, находившиеся в долине реки Калапанцин, перешли через горный хребет Майю и ударили англичанам в тыл. Англичане, попав в ловушку, повернули обратно и неорганизованно пробивались в Читтагонг. У них оставалась лишь небольшая часть того, с чем они начали своё наступление. Несмотря на то, что в Индии находилось ещё 15 дивизий, англичане не имели больше никакого желания наступать.

В Ледо всё ещё находилась готовая к удару 38-я дивизия, но, с китайской точки зрения — «выполнение любого обещания зависит от продолжения существующих благоприятных условий». Чан Кай-ши без всякого предупреждения приказал Стилуэлли прекратить наступательные действия из Ледо.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Для политики Соединённых Штатов в Азии 1943 год был решающим. Этот год плохо начался: англичане потерпели неудачу в Аракане, а Чан Кай-ши неожиданно изменил своё решение наступать в Северной Бирме. Стало очевидно, что силы Уингейта во время его героического продвижения в джунглях расчленились противником; то, чего они достигли, можно было осуществить ценой минимальных усилий авиации. Конец года совпал с началом постройки «дороги Стилуэлла», а сам Стилуэлл, отстранившись от англичан, не желающих наступать, начал самостоятельно наступление вдоль долины Хуконга.

В 1943 году президент Рузвельт, премьер-министр Черчилль и Объединённый англо-американский штаб обсуждали проблемы Юго-Восточной Азии: на январской конференции в Касабланке, на майской конференции трёх в Вашингтоне, на августовской конференции четырёх в Квебеке и на ноябрьской конференции в Каире. На последней конференции присутствовал Чан Кай-ши.

На каждом совещании участники резко расходились по вопросу о помощи Китаю и каждый раз американская точка зрения о восстановлении наземных коммуникаций из Индии в Китай (через Северную Бирму) побеждала. Американцы чуть было не потерпели в Каире поражение, когда англичане перехватили секретную американскую радиограмму из Дели, адресованную Стилуэллу, в которой подвергались критике действия китайцев в долине Хуконга.

В 1943 году попытки англичан избавиться от Стилуэлла потерпели поражение, а Стилуэллу удалось добиться отзыва Уэйвелла. Тогда же адмирал лорд Луэ

Маунтбэттен прибыл на смену Уэйвеллу в качестве тактического командующего, а генерал сэр Клод Окинлек сменил Уэйвелла на посту главнокомандующего войсками в Индии. Уэйвелл сменил лорда Линлитгоу в должности вице-короля. Главным яблоком раздора явились препятствия, чинимые генералом сэром Джорджем Джиффардом, командующим 11-й армейской группой. В 1943 году была подготовлена небольшая группа американских войск, которая позже стала известна под названием «разбойники Мерилла».

В то время, когда английские и индийские войска готовились к наступлению на полуострове Майю, Объединённый англо-американский штаб заседал в Касабланке с Рузвельтом и Черчиллем. Эта конференция была созвана главным образом для обсуждения кампании в Северной Африке и будущих военных действий в Европе. Но на ней также рассматривались вопросы войны на Тихом океане и Востоке. Хотя Макартур всё ещё использовал около шести австралийских дивизий, Соединённые Штаты¹ стремились к установлению на Тихом океане такой стратегии, при которой все операции против японцев велись бы исключительно американским флотом и армией. Для американцев было чрезвычайно важно, чтобы в Китае и Бирме было связано возможно большее число японских войск. Такая стратегия требовала оказания помощи Китаю и наступательных действий в Бирме.

Против этого англичане выставили свои обычные аргументы: помощь Китаю — лишь пустая трата времени, так как китайская армия может стать боевой силой только через несколько лет; на Чан Кай-ши в политическом отношении нельзя положиться. Поэтому предназначенное китайской армии снабжение по лендлизу, воздушные силы и обслуживающий персонал могли быть более рационально использованы англичанами в Юго-Восточной Азии, и, следовательно, всё это надлежало направить туда. Одновременно англичане жаловались на нехватку средств и говорили о невозможности проведения большой наступательной операции в Бирме.

Рузвельт настаивал на том, чтобы все ресурсы, которые можно было отвлечь от более важных кампаний, передать Китаю. Военное министерство США также хотело, чтобы Китай продолжал войну. Хотя оно и отдавало себе отчёт в невозможности оказания Китаю боль-

шой материальной помощи, но было уверено, что сам факт стремления Соединённых Штатов притти на помощь Китаю должен оказать Чан Кай-ши достаточную моральную поддержку для того, чтобы победить коллаборационистскую клику как в его кабинете, так и вне его, которая стремилась к сепаратному миру с Японией.

Военному министерству США было хорошо известно, что со времени шанхайских операций китайская армия не вступала ни в какие серьёзные бои, несмотря на то, что частые коммюнике Холлингтона Тонга утверждали обратное. Вместе с тем военное министерство США понимало, что капитуляция гоминдановского правительства позволит Японии отозвать сотни тысяч своих солдат, которые используются в качестве полицейской силы и для управления в оккупированных областях. Капитуляция Китая даст убежище японскому правительству, когда оно вынуждено будет бежать с японских островов. Подобная капитуляция вызовет потерю баз для американского воздушного флота в Китае, если только не удастся перебросить по воздуху американские войска для удержания Китая. Так как не было никакой возможности послать должное количество американских войск в Китай, то потеря этих баз означала бы потерю единственных баз, с которых впоследствии можно поддерживать операцию против Филиппин, совершать нападения на японские коммуникации и частные атаки на вражеские промышленные предприятия на побережье Китая, в Маньчжурии, на Формозе и даже на самих японских островах.

Военное министерство США было уверено, что все эти преимущества можно получить, оказывая материальную помощь китайской армии, причём эта помощь была бесконечно мала по сравнению с помощью другим театрам операций. Американцы прекрасно понимали, что символическая помощь вызовет публичное осуждение американцев китайцами и ещё более усложнит задачу Стилуэллу. Но считалось, что незначительная помощь всё же лучше, чем полное отсутствие таковой, и поэтому, несмотря на возражения со стороны англичан, Объединённый англо-американский штаб настаивал на необходимости восстановления наземных коммуникаций с Китаем и заявил, что количество грузов, перевозимых через «Горб», будет увеличено

Военное министерство США хорошо понимало трудности, стоявшие перед Стилуэллом. Это подтверждается нижеследующей цитатой из Двухгодичного отчёта генерала Джорджа Маршалла за период с 1 июля 1943 года до 30 июня 1945 года:

«Эта миссия... , выполняемая генералом Стилуэллом в Азии, была одной из самых трудных во время войны. Он снабжался хуже всех. Война в Европе и кампания на Тихом океане, которые были наиболее важны для окончательной победы, истощали наши ресурсы... Стилуэлл получал лишь то, что оставалось, а этого было очень мало...».

Отмена китайского наступления вдоль «дороги Стилуэлла» и провал англичан на полуострове Майю осложняли положение. Поэтому Уэйвелл и Стилуэлл были вызваны в Вашингтон на конференцию трёх для пересмотра общей стратегии в Азии. На эту конференцию были также вызваны Ченнолт и бригадный генерал Уильям Олд, который, будучи начальником штаба, представлял 10-ю воздушную армию Бисселя. Полковник Франк Мерилл — в то время начальник оперативного отдела штаба Китайско-Бирманско-Индийского театра операций — прибыл вместе со Стилуэллом. Уэйвелла сопровождали командующие воздушными и наземными войсками. Все они высказывали свои точки зрения перед Объединённым англо-американским штабом.

Англичане единодушно заявляли, что войска, находящиеся в Индии, не обладают достаточными ресурсами и подготовкой для начала бирманской кампании, и советовали не предпринимать никаких действий до получения необходимых ресурсов для проведения комбинированных операций на юге. Снабжение войск было ненадёжным из-за «индийской проблемы». Англичане заявляли, что постройка «дороги Стилуэлла» невозможна по многим причинам: из-за огромного горного массива между Ледо и Шингбвиангом; из-за джунглей; из-за сильной малярии среди туземного населения; из-за дождей в период муссонов; из-за отсутствия щебня в долине Хуконга и т. п.

Стилуэлл и Олд выступали в защиту постройки дороги: она должна была служить для перевозки тяжёлого оборудования в Китай, которое нерентабельно перевозить самолётами. Они просили, чтобы увеличивающееся количество имущества, перевозимого через «Горб», передава-

лось главным образом Стилуэллу, который ведал учебными и линейными китайскими войсками, обучал китайские кадры и намеревался вооружить дивизии в Юньнани. Стилуэлл с возмущением отверг соображения о невозможности предпринять наземное наступление с целью освобождения Северной Бирмы и заявил, что совместная атака в январе прошлого года обеспечила бы глубокое проникновение в Северную Бирму до периода дождей. Он указал на численное превосходство союзных войск над японскими и заявил, что японский солдат отнюдь не является «сверхчеловеком» и что союзники, при условии действительного желания использовать свои войска и воевать, могут выгнать японцев из джунглей.

В то время как англичане были едины по вопросам стратегии, среди американцев имелись разногласия. Ченнолт имел свою точку зрения. Он не протестовал против постройки дороги или проведения кампании в Северной Бирме, но возражал против предложения Стилуэлла и Олда об использовании грузов, перевозимых через «Горб». Ченнолт требовал почти весь тоннаж, перевозимый через «Горб», для поддержки и расширения его стратегических военно-воздушных сил в Китае. Он настаивал на постройке передовых авиабаз, исходя из теоретического предположения, что он сможет использовать их для поддержки операций на Филиппинах и что его истребители и средние бомбардировщики уничтожат японские воздушные силы в Китае. Он просил большее число самолётов для китайского воздушного флота. Ченнолт заявлял, что всё это будет значительно более эффективно, чем любая помощь китайской армии.

Стилуэлл и Олд утверждали, что передовых аэродромов не следует сооружать до тех пор, пока китайская армия не станет достаточно сильной, чтобы удержать их при японском наступлении. Стилуэлл подчёркивал, что японцы продвинутся вперёд и захватят эти аэродромы, как только они станут им помехой, или когда высадка на Филиппинах будет неизбежной. Он говорил, что китайцы не смогут оказать достаточного сопротивления, даже если они этого захотят. Но если эти войска правильно обучить и дать им вооружение, то он уверен, что Чан Кай-ши разрешит им оборонять аэродромы.

Объединённый англо-американский штаб решил, что в первую очередь следует усилить транспортную авиа-

цию и довести количество перевозимых через «Горб» грузов до 10 000 тонн в месяц. По указанию президента Рузвельта ⁹/₁₀ грузов предназначались Ченнолту. Стилуэллу и Уэйвеллу был дан приказ: энергично начать подготовку к кампании по освобождению Бирмы в октябре, после окончания периода муссонов. Китайскому воздушному флоту было отказано в дополнительных самолётах. Президент приказал начать сооружение передовых аэродромов для Ченнолта.

Англичане продолжали закулисные интриги для отзыва своего старого «врага» Стилуэлла. А Стилуэлл просил, чтобы Уэйвелл был заменён кем-либо, кто хотел бы воевать и не был так заражён идеей поражения. Возникло ещё одно подземное политическое течение, которое прорвалось впоследствии. По существовавшему в военном министерстве США положению, командующие должны каждые 6 месяцев писать характеристики на своих подчинённых генералов. Это правило во время войны обычно не соблюдается. Если эти характеристики являются целиком положительными, то их не доводят до сведения лиц, на которых они составлены. Если же в характеристиках отмечаются отрицательные моменты, то соответствующий генерал знакомится с характеристикой и расписывается в этом.

Биссель собирался написать неблагоприятную характеристику на своего подчинённого Ченнолта и поставил генерал-майора Томаса Хирна, начальника штаба Стилуэлла в Чунцине, в известность о том, что характеристика вскоре придёт. Он указал, что Ченнолту ставится на вид нежелание координировать действия и отказ подчиняться приказаниям. Затем Биссель спросил начальника штаба, следует ли ему в существующих условиях посылать характеристику или лучше положить её на некоторое время под сукно. Хирн посоветовал Бисселю направить характеристику по соответствующим инстанциям в военное министерство США. Эта характеристика явилась для Ченнолта и китайцев поводом к столкновению с Бисселем.

Ченнолт, этот крайний индивидуалист, пытался вытравить из-под начала Бисселя. Он вёл свою игру, преднамеренно сея вражду между Бисселем и Стилуэллом — с одной стороны, и китайцами — с другой. Ченнолт, будучи старым приятелем и компаньоном Т. В. Суна и по-

веренным мадам Чан Кай-ши, сваливал на Стилуэлла и Бисселя все неудачи своих попыток получить для Китая большое количество самолетов.

Мадам Чан Кай-ши и Ченнолт повели совместную интригу. Т. В. Суну, находившемуся в Вашингтоне, было дано указание — отправиться к Рузвельту и настаивать на отзыве Бисселя, а также просить об организации в Китае отдельной американской воздушной армии. Требования Суна были удовлетворены, и Биссель вскоре был отозван, несмотря на яростный протест со стороны Стилуэлла. Китайские воздушные силы составили 14-ю воздушную армию, которой командовал Ченнолт, а генерал Давидсон впоследствии принял 10-ю воздушную армию. Кроме того, Ченнолт был назначен начальником авиационного штаба Чан Кай-ши, что поставило его на равную ногу со Стилуэллом в вопросах воздушных операций в Китае.

По возвращении из Вашингтона Стилуэлл осмотрел свою дорогу, строительство которой было начато на рождестве 1942 года. Он обнаружил, что строительство дороги под руководством незадачливого бригадного генерала подвигается крайне медленно, и тут же приказал Уилеру, начальнику службы снабжения, освободить его от занимаемой должности. Когда это было сделано, строительство дороги было передано полковнику Люису Пика, который впоследствии стал генерал-майором. Пик проделал невероятную работу, чуть не погубив себя и своих людей. Он провёл эту дорогу через горы и через джунгли в период засухи и муссонов. Дорога Стилуэлла была вначале официально известна под названием «дороги Ледо», но рабочие всегда называли её «вершиной Пика».

Возвращение Стилуэлла из Вашингтона совпало с периодом муссонов. В течение этого времени 38-я дивизия вела боевые действия в джунглях, обеспечивая прикрытие строителей дороги. В Рамгаре продолжалось обучение 22-й дивизии. После приказания о поддержке Стилуэлла, которое было дано Объединённым англо-американским штабом, он снова получил разрешение от Чан Кай-ши начать наступление своими китайскими войсками на Бирму в октябре. После длительных переговоров и проволочек он получил также разрешение на переброску войск через «Горб» в Рамгар.

Генерал Хо Ин-цин упорно сопротивлялся всем попыткам перебросить китайские войска в Индию. Одновременно с этим англичане также упорно настаивали на оставлении китайцев в Китае. Английская точка зрения была вполне понятна, а китайская не совсем ясна. Казалось, что сопротивление Хо Ин-цина и Чан Кай-ши основывалось на двух причинах: первая — опасение потери авторитета Хо Ин-цина, который, будучи начальником штаба и военным министром, не сумел создать что-либо похожее на современную армию в отношении техники. Его можно было оправдать в вопросе отсутствия вооружения, но он никак не мог объяснить свои неудачи в области подготовки войск и командиров. Тактическое обучение китайских войск под началом Стилуэлла вызывало законный вопрос со стороны китайских офицеров: почему Хо Ин-цин не сумел сделать что-либо подобное? Второй причиной был страх, что большая, хорошо обученная и вооружённая китайская армия после войны нарушит соотношение сил китайской внутренней политики.

Несмотря на это объединённое противодействие, Стилуэлла удалось перебросить достаточное число войск в Индию, чтобы сформировать ещё одну дивизию, в которой нехватало лишь одного пехотного полка. Эта неполная дивизия, которой был присвоен номер 30-й, была направлена в Бирму в начале 1944 года, где она хотя и не действовала активно против японцев, но оказала значительную помощь самим фактом своего присутствия.

Главный штаб Стилуэлла переместился из Чунцина в Дели. К тому времени Стилуэлл обладал четырьмя отдельными штабами. Его начальник штаба руководил группой, находившейся в Чунцине, — штабом, который являлся лишь связующим звеном с китайцами, хотя и носил название первого эшелона штаба театра операций. Так называемый тыловой штаб, расквартированный в Дели, находился под началом бригадного генерала Фериса и вёл работу по планированию, так как Индия служила базой для всех предполагаемых операций и было необходимо, чтобы и штаб Стилуэлла, ведавший вопросами планирования, снабжения и дислокации, находился ближе к английскому штабу.

В Дели необходимо было бороться за увеличение перевозок по Ассам-Бенгальской железной дороге и по реке Брахмапутра, по которой на баржах шли основные грузы

для дороги. Битва за «Горб» и за операцию в Северной Бирме велась также в Дели. Бригадный генерал Франк Дори, который был назначен заместителем начальника штаба, наблюдал за военными училищами в Юньнани и за администрацией в районе Куньмина. Он являлся сторожевым псом, охраняющим интересы Стилуэлла против Ченнолта, а также отвечал за организацию и обучение в военных училищах. Последний по счёту штаб находился в Ледо под руководством Ботнера.

Стилуэлл никогда не отличался как администратор. Между различными его штабами отсутствовала правильная связь, что вызывало неполадки и споры. Генерал имел тенденцию отдавать важные приказы непосредственно подчинённым командирам во время поездок в войска, не сообщая об этом штабу. Это приводило к тому, что оперативные работники его штаба временами не были в курсе обстановки, и создавало такое положение, при котором различные штабы могли работать в противоположных направлениях. Стилуэлл ненавидел всякую писанину. Очевидно, ему необходимо было иметь хорошего заместителя, который мог бы принять на себя весь комплекс административных обязанностей.

В период между конференцией четырех держав в Квебеке и конференцией в Каире генерал-майор Дэн Султан был освобожден от командования корпусом и направлен к Стилуэллу в качестве его заместителя. Султан занимал самое высокое положение среди всех генерал-майоров армии Соединённых Штатов. Одновременно с этим он был самым простым генералом. Он был видным военным инженером, в прошлом — одним из лучших игроков футбольной команды в Уэст-Пойнте и был известен резким обращением. Внезапно он удивил всех своей искусной «бархатной дипломатией» с англичанами. В конечном итоге он принял на себя всё управление и обладал исключительной способностью добиваться от англичан всего того, что было необходимо Стилуэллу, и в то же время оставался наиболее любимым ими американским генералом.

В августе в Квебеке состоялась конференция четырёх держав. На ней обрисовалась новая структура командования союзников в Юго-Восточной Азии, которая, казалось, уже обеспечивала начало активных действий. Если до сих пор Стилуэлл командовал силами Соеди-

нённых Штатов, но был подчинен во всех своих операциях индийскому командованию, то теперь это положение было уничтожено. На смену Индийскому командованию пришло новое Юго-восточно-азиатское командование, ответственное за воздушные, наземные и морские операции. Индийскому командованию были оставлены административные функции: оно должно было заниматься обучением и снабжением английских и индийских войск, передаваемых Юго-восточно-азиатскому командованию. Китайско-Бирманско-Индийский театр операций слился с Юго-восточно-азиатским командованием и Стилуэлл был назначен заместителем верховного союзного главнокомандующего, в добавление к своим обязанностям командующего войсками Соединённых Штатов в Китае, Бирме и Индии, начальника штаба при Чан Кай-ши, командующего китайскими экспедиционными силами (известными теперь как Китайская армия в Индии), управляющего по делам лендлиза и так далее. Лорд Луи Маунтбэттен был назначен верховным союзным главнокомандующим.

Это было приятной вестью для всех офицеров Китайско-Бирманско-Индийского театра операций, за исключением тех американцев, которые не понимали, что назначение Стилуэлла верховным союзным главнокомандующим в самом сердце Британской империи являлось нереальным и невозможным.

Маунтбэттен был полной противоположностью Уэйвеллу. Он был молод и честолюбив. Он руководил управлением комбинированными операциями в Англии, разработал и провёл десант в Дьеппе. Так как Маунтбэттен был двоюродным братом короля Георга и, как рассказывали, любимцем Черчилля, то его положение являлось достаточно прочным для преодоления всех препятствий, чинимых индийским командованием и вице-королём. Считалось, что он сумеет очаровать американцев и надеялись, что ему удастся найти общий язык с Чан Кай-ши и его супругой, выступления которых всегда являлись угрозой англичанам.

Популярность Маунтбэттена возросла, когда стало известно, что он уговорил генерала Маршалла направить на театр Юго-Восточной Азии около пятидесяти девушек из Женского вспомогательного корпуса. Ещё большую популярность среди американцев Маунтбэттен заслужил тем, что ему удалось взять неприступную крепость воси-

ного министерства США и получить от него американскую пехоту для использования её на Китайско-Бирманско-Индийском театре операций. Маршалл пообещал набрать полк американских пехотинцев из юго-западной части Тихого океана и островов Карибского моря. Эта часть была позже известна под условным наименованием «Галахад».

Уингейт вышел из джунглей как раз во время, чтобы возвратиться в Англию для личного доклада Черчиллю, и был приглашён в Квебек. Хотя его диверсионные отряды погибли от болезней и от вражеских пуль, но драматический рассказ о походе — на фоне китайского отказа продвинуться из Ледо и английского топтания на месте в Акьябе — оказался в Англии достаточным для того, чтобы приглушить критику бездействия англичан в Индии, и послужил хорошим ответом американской критике. К тому же Уингейт сумел воздействовать на воображение Черчилля и дал ему конёк, оседлав который, этот политикан смог начать кампанию по убеждению скептически настроенного мира, что англичане дрались, как черти, проливая при этом очень мало крови. Для недоверчивых военных кругов США было выдвинуто объяснение, что неудачная попытка Уингейта добиться каких-либо тактических результатов была обусловлена отсутствием сил вторжения, которые должны были нанести одновременный удар. Английские апологеты действий диверсионных отрядов утверждали, что назначение этих частей заключается в поддержке сил вторжения. Мало кто из английских или американских военных авторитетов мог признать, что отряды Уингейта добились каких-либо военных успехов после многих недель пребывания в джунглях. Вполне понятно, когда такую точку зрения поддерживало английское командование в Индии, враждебно настроенное по отношению к затее Уингейта; но это уже приобретало другой смысл, когда её разделяли также американцы, которые вообще поддерживали Уингейта, потому что он являлся единственным англичанином, желавшим воевать.

О военном значении диверсионных отрядов не стоит и говорить. Но повествование об отряде, который, как американские краснокожие, пробирался по тылам врага и мог рассчитывать только на местные ресурсы и помощь с воздуха, произвело огромное впечатление. Чер-

чилль предложил создать пять бригад, которые должны были в предстоящих операциях действовать под командованием Уингейта. Тогда Уингейт и Маунтбэттен предложили военному министерству США придать этим бригадам американский полк и перебросить все эти войска в Центральную Бирму на американских планерах (американские воздушные «коммандос» полковника Филиппа Кочрэна).

Маршалл написал Стилуэллу о Маунтбэттене и сообщил, что этот очаровательный офицер явится в Юго-Восточной Азии «свежим ветерком». Позже, через бригадного генерала Томаса Тимбермана, генерал Маршалл направил Стилуэллу строгий приказ примириться с англичанами, так как Черчилль, возражая на американские обвинения в отказе сотрудничать в предстоящей высадке в Нормандии, использовал в качестве аргумента поведение Стилуэлла. В высших кругах командования было хорошо известно, что Черчилль делает всё возможное для оттяжки создания второго фронта. Объединённый штаб США был слишком заинтересован в получении максимальных ресурсов от англичан для второго фронта и слишком многое стояло на карте,— нельзя было этим рисковать, затеяв распри в Индии.

Стилуэлл очень хотел жить в мире с англичанами, забыть все ссоры и споры, происшедшие в период пребывания Уэйвелла, и продолжать войну. Однако приказы Объединённого штаба США не были изменены и на Стилуэлле всё ещё лежала ответственность за использование всех имеющихся в его распоряжении ресурсов для продолжения войны с японцами и для открытия наземного сообщения с Китаем. Следовательно, согласие могло быть достигнуто лишь по возникновении у англичан желания воевать. Казалось, что теперь, после назначения Маунтбэттена, всё могло уладиться.

Однако при более тщательном рассмотрении оказалось, что дела обстояли не так уж хорошо. Хотя Объединённый англо-американский штаб осуществлял общее руководство распределением сил, находившихся под командованием Маунтбэттена, и мог проводить общую стратегическую линию, но он не мог заставить Маунтбэттена открыть активные действия против японцев. К тому же Объединённый англо-американский штаб не имел полномочий решать организационные вопросы управления вой-

сками в Юго-Восточной Азии. Вновь появились некоторые старые лица. Генерал сэр Джордж Джиффард, один из высших генералов британской армии, продолжал командовать 11-й армейской группой и служил буфером между Маунтбэттенем и всеми наземными войсками, находившимися к югу от Гималаев. Хотя теоретически он был подчинён Маунтбэттену, Джиффарду были даны полномочия непосредственно связываться с военным министерством в Лондоне, т. е. с Черчиллем, что ставило его в такое положение, когда он мог обсуждать и оспаривать тактические планы и стратегические положения, предложенные Маунтбэттенем, который являлся его начальником. Многие считали, что в английском военном министерстве голос Джиффарда имел большее значение, чем голос Маунтбэттена.

Затем существовал главный маршал авиации сэр Ричард Пейрс. Пейрс был у Маунтбэттена командующим воздушными силами и, казалось, был подчинён ему, но он также имел непосредственную связь с английским министерством авиации. Он также был старым знакомым, человеком, которого всегда будут помнить за то, что под его началом британский воздушный флот не добился никаких успехов.

Триумвират подчинённых английских командующих заключал адмирал Джеймс Соммервилл, главнокомандующий Восточным флотом. Как и остальные, он имел право непосредственно сноситься с адмиралтейством в Лондоне.

Маунтбэттен был верховным союзным главнокомандующим и имел подчинёнными своих соотечественников, но они были из старой служебной иерархии и неполностью ему подчинялись. Он был командующим и в то же время не являлся командующим.

Штаб Маунтбэттена должен был быть построен по типу штаба Эйзенхауэра. Американцы и англичане были объединены. Стидуэлл являлся заместителем командующего, генерал-лейтенант сэр Генри Паунол — начальником штаба и американский генерал-майор Альберт Ведемейер — заместителем начальника штаба по оперативным вопросам. Генерал Уилер был освобождён от должности начальника службы снабжения, повышен в звании до генерал-лейтенанта и назначен начальником организационного управления. Принцип штаба Эйзенхауэра

был в силе до начальника штаба, но все начальники управлений были англичанами. То, что теоретически должно было быть союзным штабом, являлось, по существу, английским штабом с американскими офицерами связи.

В этой организации «главным американцем» был Ведемейер. Стилуэлл, из-за огромного количества других обязанностей и благодаря своей природной ненависти к штабной работе, был лишь номинально заместителем главнокомандующего. В обязанности Уилера входило лишь распределение ресурсов, и он не имел никакого отношения непосредственно к операциям и к стратегии.

Ведемейер, высокий, рано поседевший, красивый генерал, весьма импозантно прибыл из Вашингтона. Он прилетел на специальном самолёте с особо отобранным штатом. Самолёт произвёл сенсацию, так как это был первый четырёхмоторный Дуглас С-54 «Скаймастер», который увидели в Дели. По приказанию Маршалла Ведемейер должен был лишь «получать инструкции от адмирала Маунтбэттена». Благодаря такому приказу он мог противостоять точке зрения Стилуэлла в случае, если между Стилуэллом и Маунтбэттенем возникнут какие-либо разногласия по любому вопросу. Разногласия в будущем между адмиралом и американским генералом были неизбежны ввиду различных мнений по вопросу управления воздушными силами, занятыми перевозкой товаров через «Горб», и другими частями, находящимися под исключительным контролем Стилуэлла. Кроме того, разногласия могли возникнуть из-за отношения Стилуэлла к китайцам, лендлиза и других факторов, по поводу которых различные руководители всегда могут находиться в разногласии, вне зависимости от личных взаимоотношений.

С приездом Маунтбэттена и Ведемейера между союзниками на Китайско-Бирманско-Индийском театре операций наступил короткий период мира и доброй воли. Стилуэлл приехал из Чунцина и нашёл, что адмирал вполне соответствует его вкусу. Маунтбэттен, со своей стороны, немедленно воспыал симпатией к Стилуэллу. Оказалось, что у них много общего, несмотря на внешнее различие. Было проведено несколько совещаний, на которых обсуждались различные вопросы, включая вопросы об официальных коммюнике. Раньше Стилуэлл издавал своё

собственное коммюнике из Индии, после согласования его с Уэйвеллом, который являлся старшим начальником. Маунтбэттен хотел, чтобы в Юго-Восточной Азии выпускалось объединённое коммюнике. Стиллуэлл согласился с этим и пригласил к адмиралу своих старших пресс-атташе.

Генерал находился в исключительно хорошем настроении. После совещания один из офицеров, находившихся в зале, слышал разговор Стиллуэлла с Ведемейером. «Помоему, он хороший парень. Мне кажется, что он справедлив, и намеревается что-то сделать», — сказал Стиллуэлл. «Да, он действительно хороший человек», — ответил Ведемейер.

«Да, — продолжал Стиллуэлл. — Мы будем его всячески поддерживать». Затем в типичной для себя манере генерал добавил: «Но вы следите за ним, Ведемейер!»

В Квебеке англичане пытались перехитрить американцев, дав согласие помогать Китаю, но предложив, чтобы Маунтбэттен контролировал транспортную авиационную линию через «Горб». Они вполне логично указали, что при таком контроле адмирал может оказывать давление на китайцев, побуждая их восвать путём регулировки потока лендлиза. Это была прекрасная уловка, благодаря которой удобно забывался вопрос, что англичан также надо побуждать к действиям. Однако это предложение было отвергнуто, и весь контроль по перевозкам через «Горб» был оставлен в руках Стиллуэлла.

Пока что «Горб» стал самой важной заботой Стиллуэлла. Объединённый англо-американский штаб указал на необходимость увеличения количества транспортных самолётов, с тем чтобы довести ежемесячные перевозки через «Горб» до 10 000 тонн. Для ускорения решения этой задачи первые два типа новых транспортных самолётов, только что сошедших со сборочного конвейера, были отправлены на Китайско-Бирманско-Индийский театр операций. Как все новые, мало испытанные машины, эти самолёты имели массу недоделок. На крыльях и фюзеляжах некоторых самолётов отсутствовал целый ряд заклёпок и в общем самолёты не были опробованы. Бывало, что самолёты направлялись непосредственно с заводов — без боевых испытаний или испытаний в условиях таких высот, какие им приходилось преодолевать при перелёте через «Горб». Недостаточная сеть мастер-

ских профилактического ремонта расширялась медленно, по сравнению с количеством прибывающих самолётов, а механики этих мастерских привыкли к самолётам типа С-47. Эти два типа новых транспортных самолётов, которые стали известны под названием «летающих гробов», рассыпали свои алюминиевые кости на Гималайском хребте, где эти обломки смешивались с костями тех, кто пытался летать на этих самолётах. Позднее эти типы самолётов стали великолепными, надёжными рабочими лошадьми.

Страх перед «летающими гробами», в сочетании с уже существующим плохим моральным состоянием, создавал такое положение, при котором американские лётчики придумывали любые оправдания, чтобы отказаться от полёта. Тоннаж, перевозимый через «Горб», сократился до минимума. Плохое моральное состояние объяснялось многими причинами. Во-первых, пилоты крайне неохотно перевозили грузы, предназначенные китайцам. Пилоты прекрасно знали о бездействии китайской армии на восточном фронте и были уверены, что оборудование, поставляемое по лендлизу, которое они перевозят с риском для жизни, шло в частное владение военных властителей и спекулянтов. Неудивительно поэтому, что лётчики отказывались перевозить вооружение или боеприпасы, если на небе появлялось хоть одно облачко.

В этом отказе не было трусости. Лётчики доказывали свою храбрость в тех случаях, когда 14-я воздушная армия нуждалась в бензине или вооружении. Тогда лётчики воздушной грузовой линии дрались за честь лететь в Куньмин при любой погоде. Они знали, что 14-я армия кое-что делает.

С точки зрения транспортных лётчиков, поток грузов через «Горб» являлся чисто политическим жестом, выдумкой американских политиканов, и не имел никакого военного значения. Эти лётчики не искали смерти и считали, что есть смысл рисковать жизнью только в том случае, если им придётся поддерживать силы, действительно пытающиеся выиграть войну. Но они отказывались умирать ради обогащения китайских коммерсантов или ради поддержки политических стремлений американских политиканов и Стилуэлла.

Кроме страха перед новыми типами самолётов и враждебного отношения к китайцам, на лётчиков ока-

зывали ужасающее воздействие погода, условия существования и отсутствие смены. В районе Ассама в течение 6—7 месяцев в году осадки достигают 140 дюймов и стоит ужасная жара. Кроме того, свирепствует постоянная малярия, сочетающаяся с другими тропическими заболеваниями, вызывающими наросты дикого мяса, грибковые болезни и гниение кожи. Штормы во время муссонов исключительно затрудняют полёты в течение этих месяцев, а зима почти не приносит облегчения из-за обледенения при полёте над Гималаями.

Офицеры и солдаты жили в жалких хибарках, часто окружённых океанами грязи. В течение многих недель лётчикам нечего было делать и они играли в покер на астрономические ставки. Как правило, еда была очень плохой и столовая в пункте перегрузки Поло Граунд в районе Шабуа была настолько грязной, что являлась постоянным источником дизентерии.

В то время несчастные случаи в транспортной авиации были особенно часты, и лётчики были крайне озабочены отсутствием замены. Они читали списки погибших и видели, что им придётся продолжать полеты, пока они все не погибнут. Они должны были оставаться там на всё время войны, без всякой надежды на смену.

Критическое положение воздушно-транспортной линии угрожало всей миссии Соединённых Штатов в Индии. Этим особенно был озабочен штаб Стилуэлла в Дели, так как это обстоятельство и недостаточная эффективность службы снабжения действовали на руку англичанам, которые могли использовать эти недочёты в качестве аргумента для прекращения помощи Китаю. В конце концов командующий воздушной транспортной линией был отозван и на его место был назначен бригадный генерал Эрл Хог, который ранее являлся деятелем гражданского воздушного флота и поборником воздушных транспортных линий во время войны. Хог оставался в этой должности достаточно долго, сумел реорганизовать воздушную транспортную линию и создать такую систему замены, что лётчики возвращались в Соединённые Штаты после определённого количества полётов. Хог был в дальнейшем сменён бригадным генералом Томом Хардином. Количество перевозимого груза впоследствии достигло 78 тысяч тонн в месяц.

Однако летчики транспортной авиации ненавидели Хардина и обвиняли его в гибели многих тысяч их товарищей, так как они считали, что он намеренно пренебрегает человеческими жизнями, увеличивая тоннаж за счёт полётов как в дневное, так и в ночное время.

Конференция в Квебеке установила следующие цифры помощи Китаю: 20 000 тонн груза в месяц должны были перевозиться через «Горб», 65 000 тонн по «дороге Стилуэлла», а 54 000 тонн нефтяных продуктов по нефтепроводам из Калькутты в Ассам, а затем — по «дороге Стилуэлла» в Куньмин. Считая по 7000 тонн на пароход (включая сюда и нефтяные продукты, большинство которых отправлялось не из Соединённых Штатов), это количество груза в 139 000 тонн вызывало потребность в 20 транспортах типа «Виктори» в месяц, что составляло лишь небольшую часть общего тоннажа, отправляемого из Америки. Эти цифры указывают на незначительность американских поставок, которые считались необходимыми для удержания Китая в войне, обеспечения авиабаз и операций 14-й воздушной армии. Для сравнения можно указать, что в Англию в течение каждого месяца, предшествовавшего высадке в Нормандии, отправлялось из Америки 1 900 000 тонн груза.

Для постройки дороги и трубопровода из Ледо необходимо было очистить трассу от японцев. Задолго до того, как началось строительство дороги, японцам было хорошо известно о предполагаемой постройке. Японское радио сообщало о постройке дороги Стилуэлла и приветствовало этот план.

«Американцы, — говорили японцы, — строительством дороги достигнут двух целей. Во-первых, они научат англичан, как надо строить дороги, т. е. тому, чего англичане никогда не умели, и во-вторых, дорога будет окончена как раз ко времени нашего вторжения в Индию».

Сами японцы построили дорогу (которой можно было пользоваться только в сухую погоду), идущую из Могаунга на север до Шингбвианга, а американцы должны были построить дорогу из Ледо в Шингбвианг, а затем идти дальше по японской дороге, укрепляя её, передвигая трассу на более высокий уровень и делая всё необходимое для того, чтобы ею можно было пользоваться в любую погоду.

Стилуэлл готовился к изгнанию японцев с трассы будущей дороги. Для этого он имел в своём распоряжении подготовленные 38-ю и 22-ю дивизии, в то время как 30-я дивизия и «разбойники Мерилла» ещё проходили обучение. Прибывшие «разбойники» начали подготовку совместно с новой группой Уингейта в пункте, расположенном в 150 милях от Бомбея. Всем солдатам при вербовке были обещаны отпуска по прибытии в Индию. Никто не знал, кто дал это и другие обещания, которые явились причиной чуть ли не бунта «разбойников», о котором речь ниже. Однако каждый «разбойник» твёрдо помнил, что ему был обещан отпуск в Индии. Когда отпуска не последовало, они стали по-солдатски добывать обещанное. Их обучали проникать и действовать в тылу врага. «Разбойники» усвоили странную привычку «проникать» в собственный тыл, в Бомбей, и более 300 солдат, из общего количества в 3 000, находились в самовольных отлучках.

Стилуэлл очень нуждался в этих людях. После того как он в течение многих месяцев просил дать ему некоторое количество пехотинцев, для него было исключительно обидно, что эта часть была передана англичанам. Стилуэлл начал действовать. Он обращался в Вашингтон и к Маунтбэттену, настаивая на том, что эти «разбойники» должны быть переданы в его распоряжение. Окончательная передача части «Галахад» Стилуэллу была ускорена только после участия в манёврах против одной из бригад Уингейта. «Разбойники» не только захватили в плен штаб бригады, но быстро уговорили большое число английских войск сдаться «в плен», аргументируя лучшим качеством американских продуктов питания,

Стилуэлл освободил бывшего командира полка от должности и передал полк Мериллу, своему начальнику оперативного отдела, с приказанием собрать и подготовить его к бою в наикратчайший срок.

Стилуэлл хотел, чтобы «разбойники» послужили в качестве средства для активизации китайцев. Он прекрасно понимал, как трудно создать наступательную силу из группы китайцев, которая за всю войну не провела ни одной наступательной операции. Он считал, что американский полк может быть использован для удара по флангу японцев, заставляя их отступить перед китайцами.

План захвата Северной Бирмы был известен под названием «Капитал». По плану требовалось, чтобы войска Стилуэлла, начав наступление из Ледо на Шингбвианг, продвигались с целью захвата Могаунга. Это являлось их первой задачей, а захват Мьиткьина — последней и главной задачей. Стилуэлл попросил Маунтбэттена дать ему письменный приказ захватить Мьиткьина. Хотя Объединённый англо-американский штаб приказал Маунтбэттену привести в исполнение план «Капитал», англичане попрежнему были весьма пассивны. Они говорили, что план невозможно выполнить, так как нехватало ресурсов. По своей инициативе они не хотели дать Стилуэллу такой приказ, зная, что он будет пытаться его выполнить. Однако их отношение резко изменилось, как только он лично попросил о приказе. Они сравнительно охотно дали ему этот приказ, считая, что «старый козёл не сумеет выполнить его даже в течение двух лет». Некоторые англичане тайно надеялись на поражение Стилуэлла, несмотря на то, что такая мысль выглядит предательски в условиях войны, которая ведётся союзными державами плечом к плечу. Они считали, что такое поражение унизит и дискредитирует этого «начальствующего выскочку».

Согласно плану, необходимо было, чтобы войска Стилуэлла наступали из Ледо, а английская 14-я армия наступала из Имфала с конечной целью захвата Мандалая. Отряды Уингейта должны были быть переброшены на американских планерах в северные районы Центральной Бирмы с целью совершения диверсионных актов и нарушения японских коммуникаций, снабжающих войска, действующие против Стилуэлла. Кроме того, англичане должны были наступать вдоль полуострова Майю. Последняя операция считалась с военной точки зрения пустяшной, так как находящиеся на Майю японские войска составляли лишь одну четверть численности английских сил. Кроме того, англичане были обуреваемы желанием отомстить за предыдущее унижительное своё поражение на Аракане.

В добавление к наступательным операциям англичан и Стилуэлла, китайцы согласились наступать в начале 1944 года из Юньнани по направлению к Сальвину. Было условлено, что к этому времени Стилуэлл подготовит и вооружит 16 китайских дивизий и что американцы будут

руководить вопросами снабжения и медицинской помощи. Считалось, что эти китайские войска с лёгкостью уничтожат те небольшие силы, которые японцы смогут им противопоставить.

После поражения союзников в январе 1943 года японцы усилили свои войска в Бирме, и к моменту наступления Стилуэлла у них было девять дивизий. Тем временем союзники располагали 16 английскими и индийскими дивизиями, тремя китайскими, американским полком, подчинённым непосредственно Стилуэлли, пятью английскими и индийскими бригадами (численно равными американским полкам) под командованием Уингейта и 16 китайскими дивизиями под командованием маршала Вей Лихуана в Юньнани. Это давало союзникам 35 дивизий, и, кроме того, имелись наспех сколоченные части, равные по силе ещё одной дивизии. Итак, союзники имели 36 дивизий против девяти дивизий врага. Помимо этого, союзники получили контроль над морем и полное господство в воздухе. Считалось, что преимущество японцев, заключающееся в наличии внутренних коммуникационных линий, может быть уничтожено путём одновременного удара в различных направлениях, после чего противник не сможет концентрировать свои силы в какой-либо одной точке. Для беспристрастного обозревателя положение японцев казалось безнадежным.

Маунтбэттен, который, как предполагали, должен был, наконец, покончить с бездеятельностью, заявил: «Уэйвеллу следовало наступать, когда у японцев было только 4 дивизии. Теперь у них уже 9, а у нас нехватает резервов». Стилуэлл ответил: «Если мы отложим наступление ещё на год, японцы получат ещё больше подкреплений. Нам надо наступать. Мы сумеем победить». Англичане всё же настаивали на том, что для наступления нехватает резервов. Они снова ссылались на недостаток снабжения и говорили, что Ассам-Бенгальская железная дорога не сможет обеспечить Стилуэлла и 14-ю армию. Эта железная дорога имела три колесы различной ширины на пути из Калькутты в Ледо и мало мостов, что вызывало необходимость в водном транспорте по реке Брампутра. Англичане также говорили, что нельзя полагаться на туземный гряд в Калькуттском порту, а Калькутта должна была на 90 процентов обеспечить снабжение предполагаемых операций.

Японская авиация производила беспокоящие налёты на порт, используя в каждом налёте по три бомбардировщика. Эти налёты почти не нанесли никакого ущерба, но вызвали бегство из города 500 000 до смерти напуганных индийцев. Англичане заставили индийцев вернуться, моря их голодом, предоставив им выбирать между голодной смертью внутри страны и возможной смертью от бомбардировок в городе. Англичане не хотели заставить кули работать в доках путём увеличения их заработной платы. Они считали, что такая политика «опрокинет экономику страны».

Американцы просто решали обе эти проблемы. Они говорили: «Передайте нам Ассам-Бенгальскую железную дорогу и мы будем её обслуживать своими собственными железнодорожными батальонами; мы также поставим свои батальоны в Калькутте для разгрузки американских и китайских товаров».

Предложение взять в своё управление железную дорогу являлось отступлением Стилуэлла от своей политики. В 1942 году англичане предлагали передать американским железнодорожным батальонам Ассам-Бенгальскую линию, но Стилуэлл, исполняя приказания, получаемые из Вашингтона, о сохранении американских людских резервов, заявил, что обслуживать коммуникации должны англичане. Состоялись совещания между англичанами и американцами для изыскания способов увеличения грузоподъёмности дороги. Эти совещания и последующие изменения гражданского управления дорогой не дали желательных результатов и тоннаж, предназначенный для перевозки через «Горб», не отвечал установленным цифрам, что, естественно, автоматически сказывалось на успехе военных операций Стилуэлла, так как он зависел от той же линии коммуникаций.

Поэтому Стилуэлл согласился просить Вашингтон выделить американский обслуживающий железнодорожный персонал для увеличения потока грузов, перевозимых через «Горб» и предназначенных его войскам. Но также важно было вырвать из рук англичан само управление дорогой. При английском управлении все грузы, предназначенные для Стилуэлла, могли быть в любой момент задержаны или отправлены по другим каналам ради спасения английских войск в Имфале или у Аракана. Стилуэлл по-прежнему находился «последним в шеренге».

Хотя англичане постоянно отказывались перевести дорогу на военное положение, Совет вице-короля Индии в ноябре 1943 года одобрил решение о передаче дороги в ведение армии США. Соединённым Штатам были направлены требования на 4 000 железнодорожных служащих. Одновременно англичане обратились к американцам с просьбой направить батальоны портовых рабочих для разгрузки в Калькутте американских товаров.

На конференции в Каире Маунтбэттен и Черчилль настаивали на выделении достаточного количества средств для обеспечения десантной операции по освобождению от японцев Андаманских островов в Бенгальском заливе. Военное значение этой операции заключалось в основном в создании базы для последующей поддержки десантной операции в Рангуне. Наиболее пессимистические сведения разведки определяли численность японского гарнизона на Андаманских островах в 5 000 человек, отрезанных от снабжения и подкреплений благодаря господству в Бенгальском заливе британского Восточного флота. Поэтому считалось, что такая операция обеспечит лёгкую победу, поднимет престиж Англии на востоке и покажет западному миру, что англичане всё же что-то делали в Азии.

Объединённый англо-американский штаб согласился пересмотреть распределение ресурсов, предназначенных для десантных операций, и одобрил эту операцию, но с условием, что она не должна мешать осуществлению плана «Капитал». Маунтбэттен получил приказание представить на рассмотрение детально разработанный план этой операции с указанием необходимых ресурсов. Сотрудники Маунтбэттена добросовестно разрабатывали план освобождения Андаманских островов и, кроме всего прочего, просили о присылке военных и десантных судов в количестве, достаточном для высадки 52 тысяч солдат. «Они принимают все меры, чтобы Луи Маунтбэттен без всякого риска выиграл свою первую операцию», — со смехом заметил Стилуэлл.

Десантный флот, предназначенный Маунтбэттену, был впоследствии передан для операции в Анцио, так что англичане не сумели провести свою десантную операцию до 1945 года, когда они высадились в Акьябе и обнаружили, что город занят одним единственным английским лётчиком, который накануне совершил там вынужденную

посадку на связном самолёте. Незначительное число японцев бежало. Позднее англичане высадились в Рангуне и выяснили, что город удерживается другим английским лётчиком, который совершил там вынужденную посадку на бомбардировщике типа «Москито». Это послужило темой для американской остроты: «Англичане заняли Акьяб при помощи L-5, Рангун посредством «Москито» и займут Сингапур с В-24».

Патрули 38-й дивизии продвинулись до Тагапа — наивысшей точки, через которую должна была пройти «дорога Стилуэлла», по пути в Шингбвианг. Стилуэлл решил начать наступление 26 октября 1943 года, имея задачей очистить трассу дороги. Англичане всячески пытались отложить наступление Стилуэлла, считая, что этим они смогут оправдать свою собственную медлительность.

Разрабатывая план этой операции, англичане установили такую систему командования, благодаря которой они могли наложить крепкую узду на Стилуэлла. Хотя Стилуэлл являлся заместителем верховного союзного главнокомандующего и был первым лицом после Маунтбэттена, одновременно — будучи командующим Китайской армией в Индии — он был поставлен в подчинение командующего 14-й армией Слива. Слим был подчинён 11-й армейской группе Джиффарда, а над Джиффардом были Стилуэлл и Маунтбэттен. Однако Стилуэлл не желал исполнять должность заместителя верховного союзного главнокомандующего, поскольку это было связано с постоянным пребыванием в штабе лорда Луи Маунтбэттена.

Очевидной причиной этого нежелания являлось то обстоятельство, что Стилуэлл опасался отказа китайцев вступить в бой, если он лично не сможет их к этому принудить. Стилуэлл был единственным иностранцем, которому было поручено непосредственное командование китайскими соединениями. К тому же выяснилось, что он был единственным высокопоставленным генералом, который умел переносить спартанские условия существования и то физическое и умственное напряжение, которыми сопровождалось командование китайцами в джунглях Северной Бирмы.

Обычно в военной практике не принято, чтобы старший по чину генерал был подчинён младшему. Стилуэлл

не только был выше Слима в чине, но он также был выше его в служебном положении. Стилуэлл хорошо относился к Слиму во время бирманской кампании 1942 года и считал его боевым генералом, которого держат шоры Джиффарда и английской политики. Итак, когда порядок был установлен, Стилуэлл подошёл к Слиму, отдал ему честь и спросил: «Сэр, как командующий 14-й армией не имеете ли вы для меня приказаний?» С такой же серьёзностью Слим ответил: «Нет, сэр, а вы, будучи заместителем верховного союзного главнокомандующего, не хотите ли вы мне приказать что-либо?». «Никогда в жизни!» — ответил Стилуэлл, и оба генерала с улыбками разошлись.

Согласно письменным свидетельствам, Слим никогда не давал Стилуэллу никаких приказаний. Он предоставил ему полную свободу действий и в такой же степени радовался его успехам, в какой его коллеги были ими недовольны. Вначале Джиффард и Маунтбэттен издавали приказы. В этих приказах Стилуэллу было велено отложить своё наступление. Выдвигались самые различные причины, пока, наконец, Маунтбэттен не отправил Стилуэллу сообщение, в котором говорилось: «Отложите ваше наступление, потому что мы не можем вас снабжать». Стилуэлл ответил: «Я сам буду отвечать за своё снабжение. Я наступаю». В этом ответе между строк было сказано, что Стилуэлл будет наступать, что бы ни случилось и вне зависимости от решения англичан. Будет хорошо, если они захотят прийти к нему на помощь со своими двумя армейскими корпусами в Имфале; если же нет, Стилуэлл всё равно будет наступать.

Стилуэлл понимал всю серьёзность положения. Зная о нежелании англичан воевать в Бирме, японцы могли подкрепить свою 18-ю дивизию войсками, стоящими перед фронтом англичан.

Однако, Стилуэлл, начиная эту операцию, был абсолютно уверен в победе и надеялся, хотя для этого не было почти никаких оснований, что его пример будет настолько хорош, что устыдит англичан и заставит их выступить. Он обладал достаточной уверенностью в китайцах и в самом себе и, кроме того, целеустремлённостью, которая помогала ему добиваться выполнения директив своего правительства и Объединённого англо-американского штаба, несмотря на все препятствия, какие ему чинили.

Стилуэлл присутствовал в ноябре на Каирской конференции. Из-за этого ему пришлось покинуть свой фронт во время критического первоначального периода китайского наступления. Несмотря на то, что в Каире присутствовал генералиссимус Чан Кай-ши, Черчилль снова выступил против этого «бесполезного» наземного наступления и против постройки дороги. Он выставлял всё те же старые аргументы о невозможности проведения этой операции и о том, что было бы значительно лучше произвести высадку с моря на Андаманские острова, затем на Рангун, а затем продвигаться к северу через Бирму. Этот последний аргумент выдвигался без всякого основания, так как Черчилль прекрасно знал о недостаточности десантного флота для проведения такой операции до окончания войны в Европе.

Как и всегда, весь спор вертелся вокруг вопроса о том, «что будут делать китайцы?» Стилуэлл утверждал, что они будут воевать и воевать хорошо. А англичане утверждали, что китайцы воевать не будут. В качестве примера они ссылались на свои собственные индийские войска, которые в большинстве случаев оказывались ненадёжными, несмотря на многие годы их обучения европейцами.

38-я дивизия начала наступление из Тагапа 26 октября. Всё было в порядке, пока в начале ноября китайцы под командованием генерала Сун Ли-жена не встретились с первым сильным сопротивлением в долине Хуконга. Тогда они начали воевать так, как обычно воюют китайские войска. Они рассеялись маленькими группами, остановились, окопались и стали истошно требовать помощи. Ботнер, который находился среди китайцев, пытался уговорить Сун Ли-жена собрать свои войска и начать обход врага с фланга, но это не привело ни к каким результатам. Ботнер радиовал об этом Ферису в Дели и просил его уведомить Стилуэлла. По ошибке эта радиограмма после расшифровки была передана не Стилуэллу, а Ведемейеру. Ведемейер показал её англичанам. Черчилль немедленно представил эту радиограмму Объединённому англо-американскому штабу. «Вот видите, — с насмешкой сказал он, — даже начальник штаба Стилуэлла говорит, что они никуда не годятся и не могут воевать».

Несмотря на это обстоятельство, американцы настаивали на своём, и план «Капитал» получил одобрение для

дальнейшего развития. В качестве уступки англичанам было решено предоставить им десантный флот для десантной операции на Андаманские острова, не затрагивая, однако, ресурсов, предназначенных для плана «Капитал».

Кроме того, и Стилуэлл и Маунтбэттен имели частные совещания с Рузвельтом по поводу Китая. После конференции в Квебеке Маунтбэттен имел беседу с президентом, который заявил адмиралу, что тот должен рассматривать себя как полуангличанина и полуамериканца, так как он работает как на президента, так и на премьер-министра. Рузвельт подчеркнул Маунтбэттену своё желание сделать всё возможное для китайцев, так как они являются замечательным народом, который в течение многих лет оказывал доблестное сопротивление японцам. В Каире Маунтбэттен спросил Рузвельта, не считает ли президент, что настало время пересмотреть американскую политику по отношению к Китаю. Маунтбэттен заявил, что положение в китайской армии и в китайском правительстве отличается от того, что было сообщено президенту в Квебеке. Адмирал заявил, что китайская армия является сбродом, а китайское правительство — средневековым оппортунистическим реакционным институтом и делает всё возможное для сохранения своих сил и средств, предназначая их для расправы с коммунистами после войны. Президент, как позднее сообщил Маунтбэттен, ответил ему, что всё это является лишь дополнительной причиной оказания помощи китайцам. Другими словами, американская поддержка Китаю должна была спасти китайцев от самих себя и настолько укрепить их дух, чтобы они могли обрести уверенность в себе, которая необходима для конкретной помощи в войне.

Примерно в то же время Стилуэлл и Джон Девис, его политический советник, имели 45-минутную беседу с Рузвельтом. Они сказали ему о Китае буквально то же самое, что и Маунтбэттен, и просили специальных указаний. Стилуэлл хотел знать, в какой мере он может рассчитывать на поддержку президента в оказании давления на Чан Кай-ши, и просил разрешения использовать товары лендлиза в качестве средства давления. Девис указал, что чрезмерная безвозмездная щедрость по отношению к Китаю скорее ослабляет, чем усиливает американское положение в Китае, так как китайцы получают то,

что они просят, требуют ещё большего и ничего не дают взамен. В конце 45-минутной беседы они получили от Рузвельта следующий ответ. Рузвельт развёл руками и сказал со своей чарующей улыбкой: «Я хочу, чтобы вы оба чувствовали себя моими личными представителями». И это было всё. Благодаря напористости Стилуэлла и его настойчивому утверждению, что китайцы будут воевать, как только он вернётся и сам за этим присмотрит, план «Капитал» был оставлен без изменения. С этого момента репутация Стилуэлла как пророка или военного дурака зависела от того, чего он сможет добиться от китайцев.

Стилуэлл вместе с Чан Кай-ши отправился в Чунцин, где у них состоялся серьёзный разговор. Чан Кай-ши предоставил Стилуэллу полную свободу действий в вопросах, связанных с операциями в Северной Бирме. 21 декабря Стилуэлл прибыл в Северную Бирму и начал десятимесячную кампанию.

В О З В Р А Щ Е Н И Е

Мало кто был уверен, что китайские войска под командованием Стилуэлла смогут продвинуться куда-либо, кроме как назад. Китайцы сидели сложа руки и зывали о помощи так же, как и до того, как получили американскую военную подготовку и снаряжение. Широко использовались обычные оправдания бездеятельности в сочетании с типичными китайскими фальсификациями тактической обстановки.

Но всё же теперь дела обстояли иначе. Во-первых, авторитет Стилуэлла как командира был совершенно бесспорен. И Стилуэлл дал это почувствовать Чан Кай-ши. Во-вторых, группы американских офицеров находились во всех полках и в отдельных случаях даже в батальонах.

Эти группы обладали собственными радиостанциями и ежедневно посылали в штаб-квартиру Стилуэлла кодированные донесения, основанные на собственных наблюдениях. Американские офицеры связи имели мощное средство воздействия на китайских командиров, так как все заявки на снабжение, адресованные Стилуэллу, проходили через их руки. Эти офицеры были уполномочены налагать запрещение на китайские реквизиции, что давало им возможность оказывать на китайских командиров сильное влияние.

Хотя эти группы связи были созданы для осуществления в первую очередь снабженческих и консультативных функций, они представляли основную ценность как источники достоверной информации о действиях китайцев и положении японцев. Часто между американскими и китайскими сообщениями имелись значительные расхождения. Американские офицеры и солдаты — глаза и уши Стилуэлла, — зачастую разгадывали истинные намерения китайских командиров. Иначе говоря, американцы являлись

полицейскими. Полицейские, как правило, не пользуются популярностью, но офицеры связи должны были поддерживать хорошие отношения с китайцами и вызывать к себе уважение, несмотря на характер своих задач и трудности с языком.

Стилуэлл организовал свой штаб в сырой хижине в Шингбвианге. Дорога не была доведена ещё до «Шинга», как было для краткости обозначено это дьявольски трудное для произношения место, и поэтому средства транспорта отсутствовали. Стилуэлл решил лично выяснить, почему китайцам не удаётся наступление, и для этого пошёл пешком по грязным тропам в джунгли, чтобы добраться к мелким подразделениям. Несколько дней он потратил на эту задачу, и прибыл в Шингбвианг 21 декабря.

Внешний вид полевой штаб-квартиры Стилуэлла значительно отличался от нормальных учреждений подобного рода, которыми располагают генерал-лейтенанты в полевых условиях.

Стилуэлл питался за общим офицерским столом. Он никогда много не говорил, но умел слушать других. Когда обсуждались вопросы, интересовавшие его, он вмешивался в разговор. Благодаря этому Стилуэлл не был оторван от событий и быта своих офицеров, что часто бывает с высокопоставленными генералами, отделёнными от подчинённых ортодоксальной организацией штабной службы. Обычно начальник штаба входит в курс всех мелочей и докладывает командиру только общую картину. Подобное положение часто позволяет начальнику штаба скрыть известные недостатки от командира. Со Стилуэллом проделать подобную вещь было невозможно. Он мог появиться в любом месте, и он знал обо всём происходившем в его войсках больше, чем любой штабной офицер, вынужденный проводить большую часть времени в штабе.

Несомненно, что Маунтбэттен — верховный союзный главнокомандующий и Стилуэлл — его заместитель испытывали друг к другу взаимное уважение. Но эти дружеские отношения не могли затушевать старые расхождения в политике, которые всегда разъединяли англичан и американцев. Штаб Маунтбэттена начал разрабатывать изменения в стратегии для этого театра операций, которые — в случае их одобрения — исключили бы операцию

«Капитал». Новый план носил условное название «Аксиома», и основной упор был сделан на десантные операции на Суматре, Яве и Малайе.

Стилуэлл присутствовал на нескольких заседаниях штаба, на которых обсуждался этот план, и выступал против него. Он отметил, что этот план представляет собой отход от директивы Объединённого англо-американского штаба, и что вновь предложенная англичанами стратегия планирует уход от японцев, а не наступление на них. Англичане знали, что Соединённые Штаты смогут изолировать японцев на Малайском полуострове и в Индонезии ко времени, когда англичане соберут достаточно сил и вооружения по лендлизу для проведения операций «Аксиомы». «Аксиома» представляла собой олицетворение планов, с помощью которых англичане смогли бы вести «дешевую войну» и вместе с тем создать у туземцев впечатление силы и мощи Британской империи, что способствовало бы её воссозданию.

Стилуэлл находился там для того, чтобы заставить англичан сражаться за Бирму, принимать участие в оказании помощи Китаю и выполнять приказы Объединённого англо-американского штаба. С другой стороны, Ведемейер, заместитель начальника штаба по оперативным вопросам, должен был обеспечивать выполнение инструкций Маунтбэттена. На одном из заседаний штаба Стилуэлл с яростью обрушился на план «Аксиома». Он возражал против этого плана по следующим соображениям: Объединённый англо-американский штаб требовал наступательных операций в Бирме; хотя приготовления для осуществления этих директив были далеки от завершения, вся энергия Юго-восточно-азиатского командования уходила на отмену ранее отданных приказов, а отнюдь не на их выполнение. Стилуэлл требовал лишь выполнения плана Объединённого англо-американского штаба.

Ведемейер, который ранее был начальником планового и стратегического отдела военного министерства, взял слово и начал своё выступление в защиту плана «Аксиома» замечанием, что Стилуэлл отвечает лишь за небольшой участок и поэтому «общая картина» может быть ему неясна. Ведемейер сказал: «... те из нас, которые занимались стратегией в масштабе земного шара, понимают...». Он пытался обойти этот спорный вопрос, из-

лагая обстоятельства работы Объединённого англо-американского штаба и утверждая, что если бы план «Аксиома» был представлен в Объединённый штаб в то время, то там сочли бы его заслуживающим внимания.

Никто не мог точно передать, что сказал Стилуэлл в ответ на утверждение Ведемейера, но известно лишь, что Стилуэлл поднялся со своего места в такой ярости, что потерял власть над собой. Говорят, что он резко оборвал Ведемейера и вышел, хлопнув дверью. Он уехал из Дели и больше не посещал заседаний штаба Юго-восточно-азиатского командования до тех пор, пока, много позднее, план «Аксиома» не был отставлен и войска Стилуэлла заняли Мьиткына.

Так закончился англо-американский медовый месяц.

Англичане использовали Ведемейера для выпячивания своих требований, и в дальнейшем он был вынужден это признать. В 1944 году Маунтбэттен пригласил его на заседание, и американский генерал согласился на нём присутствовать лишь в том случае, если англичане не будут его рассматривать как своего адвоката.

Кампания в Северной Бирме протекала не слишком хорошо. Китайцы только-только начали становиться на ноги, но у них ещё отсутствовала вера в собственные силы. Кроме того, боевые действия задерживались из-за грязи и преждевременных дождей. Стилуэлл рвал и метал. В эти дни с ним трудно было общаться. Ко всем дилеммам добавились ещё категорические приказания генерала Маршалла не обострять отношений с англичанами.

В 1943 году, в тяжёлые дни разочарований, группа советников Стилуэлла настаивала на развёртывании широкой кампании в прессе, рассчитанной на то, чтобы американское общественное мнение выступило с поддержкой плана Стилуэлла и добилось посылки большего количества войск и материальной части. Помимо этого, они требовали проведения закулисной игры в военном министерстве США, чтобы оказать давление на американских военных руководителей и заставить их передать Стилуэллу часть ресурсов, предназначенных Эйзенхауэру и Макартуру. Эти советники говорили, что Макартур время от времени использовал прессу как средство давления на Объединённый штаб и что Макартур и Эйзенхауэр имели временно прикомандированные к военному министерству

большие группы своих офицеров с целью вести закулисную игру в пользу своих генералов.

Ответ Стилуэлла был краток: «Я не буду оказывать никакого давления на Джорджа Маршалла.»

Можно сказать, что Стилуэлл являл собой странное противоречие, будучи одновременно неразумным и вместе с тем хитрым политиком. На протяжении почти четырёх лет он побеждал англичан в политической борьбе при определении стратегии на дальневосточном театре операций и нажил при этом массу врагов. Он провёл блестящую игру с англичанами, но не озаботился создать для себя поддержку влиятельных людей в Америке, хотя создать такую поддержку для него было крайне просто. Президент имел привычку часто посылать личных представителей в Китай для получения информации или же активизации деятельности Чан Кай-ши. Но невозможно понять происходящее в Китае, не прожив там длительное время и не наблюдая тщательно за всеми событиями. Поэтому американские наблюдатели в большинстве случаев немедленно влюблялись в китайских политиканов благодаря тщательно разработанным и мастерски проведённым приёмам мадам Чан Кай-ши. Она являлась истинным гением в этих делах. Верхом её искусства был приём Уиндела Уилки, в котором участвовал почти весь Чунцин. Уилки был потрясён до такой степени, что потерял всякий интерес к заявлениям Стилуэлла. Стилуэлл никогда, повидимому, не мог принять на себя политические обязанности, налагаемые на него двойственной ролью военного руководителя и дипломата. Уилки вернулся в США, испытывая⁹ безразличное, а быть может и враждебное отношение к Стилуэлли.

То же самое произошло и с доктором Кэрри, Дональдом Нельсоном и Патом Хэрли. Несколько приёмов с коктейлями и дружеские похлопывания по плечу могли бы превратить этих людей в поборников дела Стилуэлла. Не пришлось бы даже вести длинные разговоры,— достаточно было просто с ними встретиться. Стилуэлл, как человек, был настолько обаятелен, что когда он хотел добиться своего, ему нужно было просто оставаться самим собой. Только однажды он решился принести себя в жертву ради лица, занимавшего важный дипломатический пост, и то его пришлось тянуть на этот приём за ухо. Стилуэлл трижды приезжал в Дели после прибытия туда

посла Филиппса в качестве личного представителя Рузвельта, но ни разу не нанёс ему визита. В конце концов Девис буквально притащил его к Филиппсу. Эти два человека, оба янки из восточных штатов, прекрасно провели час в откровенном разговоре, и Филиппс вернулся в Соединённые Штаты единственным сторонником Стилуэлла среди многих гражданских лиц, направленных Рузвельтом на Восток.

* * *

22-я дивизия вступила в бой в январе и, подобно 38-й дивизии, сражалась неуверенно. Для того чтобы выработать у китайцев веру в свои силы, Стилуэлл лично командовал поочерёдно всеми батальонами дивизии. Когда он обнаруживал взвод японцев в джунглях, он посылал две китайские роты против взвода. Против японской роты он направлял два батальона. Китайцы постепенно привыкли к мысли, что они могут побеждать своего извечного врага, но Стилуэлл не был уверен в китайских генералах. Высказывая мнение о генералах китайской армии, он сказал: «Благодаря политическим интригам и отсутствию высших военных школ в Китае верховное командование в большинстве своём состоит из офицеров, чьи знания и опыт не соответствуют занимаемым постам».

Дорога была доведена до Шингбвианга и поэтому китайский штаб и штаб Стилуэлла получили возможность пользоваться грузовиками, виллисами и другими средствами передвижения. Худший участок дороги был позади. Существовала также дорога, построенная японцами, рассчитанная на сухую погоду. Задача заключалась в том, чтобы выбить японцев и поднять уровень дороги во избежание муссонных паводков. Но главное было — продвигаться по дороге, которую так предупредительно построили японцы, и улучшать её по мере продвижения. Хотя по календарю был сухой сезон, шли сильные дожди, которые превратили дорогу в Шингбвианг на незамощённом участке от «Ворот дьявола» в трясину. Одному офицеру пришлось проехать на виллисе 107 миль от Ледо до Шингбвианга, на что он затратил более 30 часов непрерывной езды по дороге, настолько ужасной, что даже вездеходный виллис поминутно застревал. Дорога была в таком состоянии, что о транспортах для снабжения

боевых частей не могло быть и речи. Провезённые транспортом грузы шли на удовлетворение нужд самих снабжающих органов и строителей дороги в тыловых районах.

Поэтому возникла необходимость организовать снабжение по воздуху. В распоряжении имелось лишь ограниченное число самолётов С-47, принадлежащих транспортным и воздушно-десантным частям, но лётчики хорошо выполняли свой долг, и зависевшие от них наземные войска никогда не испытывали нужды в основных видах снабжения. Отношение этих пилотов к своей работе было совершенно отлично от позиции пилотов, ранее обслуживавших авиатранспортную линию, которые, по существу, отказались доставлять самолётами грузы в Китай для китайцев.

Стилуэлл являлся заместителем главнокомандующего, но, будучи командующим китайскими войсками, он оперативно подчинялся Слим и штабу 14-й армии.

«Я буду сражаться даже под началом капрала,— говорил Стилуэлл, лишь бы он давал мне возможность действительно сражаться». Но генерал хотел выйти из подчинения генерала Джиффарда, командовавшего 11-й армейской группой. В лице сэра Джорджа Джиффарда Стилуэлл видел олицетворение бездействия и рассматривал его как величайшего противника своим планам и намерениям. Стилуэлл сильно опасался, что генерал Джиффард выкинет какой-нибудь фокус, из-за которого наступление в долине Хуконга не только замедлится, но даже приостановится. Поэтому Стилуэлл пустился на хитрость и уговорил Маунтбэттена согласиться на переход Северного участка фронта в непосредственное подчинение Маунтбэттена, когда китайские войска достигнут Камайнга, около 125 миль к югу от Шингбвианга. Джиффард не слишком ретиво возражал против этого мероприятия, ибо он не рассчитывал на то, что китайцы когда-либо дойдут до Камайнга. Маунтбэттен, к величайшему удовольствию Стилуэлла, охотно согласился на это предложение.

Кроме того, было решено подчинить Стилуэллу пять бригад «чиндитов»¹, которыми командовал Уингейт. Так-

---

¹ Наименование отрядов Уингейта. Чиндиты действовали в качестве диверсионных отрядов. — П р и м. р е д.

тический план Стилуэлла предусматривал движение собственных войск к югу, в направлении на Могаунг и Мьиткыина, в то время, как Уингейт, укрепившись на позиции к югу, должен был перерезать японские коммуникации, снабжающие те части противника, которые находились перед фронтом китайских войск. Уингейт согласился с этим планом, так как он и Стилуэлл были людьми действия и полностью сходились в одном пункте — уничтожить как можно больше японцев.

К февралю 1944 года китайские войска Стилуэлла начали проявлять некоторые признаки боевой деятельности. Батальон 22-й дивизии генерала Ляо атаковал японскую часть у деревни Патци Хка, окружил её и уничтожил (по американскому подсчёту) около 325 солдат и офицеров. Американские офицеры связи всегда тщательно проверяли китайские сообщения о понесённых противником потерях.

5 февраля Стилуэлл, недовольный продвижением одного из китайских полков, взял с собой охрану, своего адъютанта, одного американского офицера, трёх корреспондентов и отправился на командный пункт полка. Стилуэлл переехал на 14 миль от полевого штаба и жил в хижине в Нингам Сакаль. Отсюда надо было проехать на виллисе около 10 миль до реки Таней, а дальше пройти пешком ещё 10 миль по покрытой грязью, то поднимающейся, то опускающейся тропе, чтобы добраться до штаба китайского полковника.

Группа прибыла в Канто, где в джунглях находилось передовое подразделение госпиталя Сигрейва. Медицинский персонал госпиталя состоял из военных врачей, которым помогало несколько добровольцев, несколько американских солдат и бирманские сестры.

Стилуэлл двинулся дальше к полковому командному пункту, находившемуся примерно в 300 ярдах от переднего края, проходившего по джунглям. Генерала приветствовал полковник Ли Хун. Ли Хун, возможно, был лучшим среди китайских командиров полков, но подобно остальным нуждался время от времени в взбучке. Стилуэлл как раз и был тем лицом, которое могло дать ему взбучку, но он это делал самым фактом своего присутствия, а не резкими словами или приказами. В китайских войсках было принято, что командир несёт полную ответственность за безопасность гостей во время их пребывания.

ния на его участке. Таким образом полковник Ли Хун нес ответственность за генерала, и если бы что-нибудь случилось со Стилуэллом, он мог быть предан смертной казни. Поэтому частые посещения Стилуэлла не сопровождались проявлениями энтузиазма со стороны китайских командиров. Стилуэлл, конечно, это знал и пользовался своими визитами в качестве эффективного средства заставить китайцев наступать или занять оборону так, как это было ему нужно.

В данном случае генерал оставался гостем полковника Ли Хуна в течение одного дня и двух ночей, до тех пор, пока китайцы не сломили сопротивления японских частей.

Когда группа Стилуэлла уложила свои рюкзаки и приготовилась к маршу, у штаба Ли Хуна генерал столкнулся с японским пленным, которого только что привели. Пленный был легко ранен и, повидимому, напуган. Он сидел на земле, отвешивая всем присутствующим короткие церемониальные поклоны. Стилуэлл задал пленному несколько вопросов по-японски. Он немного знал японский язык. Затем пленного под охраной отправили в штаб 22-й дивизии. Позднее Стилуэлл спросил генерала Ляо о пленном, и тот ответил ему с грустью: «Очень жаль, но он погиб от потери крови». Китайцы считали излишним содержать пленных. Пленных ведь надо было кормить.

Во время пребывания Стилуэлла в гостях у полковника Ли Хуна было убито 125 японцев, захвачено 22 винтовки, 2 ручных пулемёта, 1 лёгкий миномет и, наконец, японцы были выбиты из занимаемых ими позиций. Генерал вернулся в свой штаб довольный.

Он и в целом был доволен ходом кампании, но ему нужны были победы. Победы были нужны для прессы, а также по военным и политическим соображениям. Стронники плана «Аксиома» уехали в Вашингтон. Стилуэлл прекрасно знал, что эти люди будут доказывать несостоятельность плана его кампании и будут предвещать неизбежный провал. Ниже в сокращённом виде приведено заявление Стилуэлла, сделанное им представителю военного министерства США, офицеру, который был плохо осведомлен о положении в Азии:

«Англичане всегда утверждали, что они собираются вернуться в Бирму. Это совпадало с нашими планами

и мы пытались работать вместе с ними. На всех совещаниях и во всех планах мы соглашались с тем, что находимся здесь для восстановления коммуникаций с Китаем. Во всех этих планах «крысиная нора», в которой мы сейчас сражаемся, отводилась в качестве района операций китайцам, потому что англичане, естественно, не хотели взять себе самую плохую местность для ведения военных действий. Мы находимся в самом конце железнодорожной линии, которая позволяет англичанам держать в своих руках подвижной состав и обеспечивать всем необходимым свои собственные операции. У них завидное положение.

В октябре прошлого года 38-я дивизия получила приказ передислоцироваться и захватить эту местность. Китайцы начали с того, что рассредоточили свои подразделения по всей долине, дождались, пока их окружат, застряли на месте и окопались. После нескольких неудачных вылазок они запросили подкреплений и помощи с воздуха. Когда я находился в Каире, мне была прислана радиограмма, что положение китайцев неважное. Я поспешил в Чунцин и приехал прямо сюда. Положение оказалось ужасным. Например, один китайский батальон закопался в землю и сидел в бездействии около Таро в течение трёх месяцев.

Наконец, нам удалось выбить японцев из района Йюпбанга, но неудача батальона у Таро позволила японцам подбросить подкрепление. На реке Танэй у нас было девять небольших стычек и один серьёзный бой. События развивались медленно. 114-й пехотный полк хорошо сражался у Йюпбанга. 113-й полк очистил от японцев Танэй к востоку от реки Тарунг. 112-й полк находился в резерве. Из-за тяжёлых потерь я решил ввести в действие 22-ю дивизию.

Если бы англичане решились перейти в наступление, а в моём распоряжении имелась бы одна американская дивизия, я гарантирую, что дорога в Китай была бы открыта во время этого сезона засухи.

Наше командование построено по странному принципу. Маунтбэттен является верховным главнокомандующим. Я его первый заместитель. Джиффард командует наземными войсками, а Слим командует 14-й армией. Линия подчинения должна идти от верховного главнокомандующего через меня к Джиффарду и Слиму. Однако в этой

операции я и мои войска подчинены 14-й армии. Но это пустяки. Слим хороший человек. Он меня не беспокоит.

Англичане имеют всего лишь 16 дивизий, в то время как для подавления внутренних беспорядков они содержат 300 тысяч полицейских. Кроме того, 400 тысяч солдат несут гарнизонную службу в Индии. Они могли бы произвести отбор и иметь 400 тысяч хороших солдат в дивизиях.

Мы господствуем на море и в воздухе. Англичане имеют 4 дивизии в Аракане и 4 дивизии в Имфале. Но все эти дивизии, за исключением двух в Аракане, бездействуют. Маунтбэттен утверждает, что у него нехватает людей. Когда он впервые прибыл сюда, то рвался в бой, заявляя, что муссоны не могут ему помешать. Но он оказался бессилён против оказываемого на него давления, и теперь не хочет воевать без серьёзной подготовки. В районе Аракана англичане превосходят численно японцев в три раза, но не продвигаются. Их положение так же плохо, как в прошлом году. Почему они не построят аэродром там, где они теперь находятся? Они смогли бы тогда господствовать над Рангуном, Тоунгу и японскими аэродромами в Центральной Бирме. Вместо этого они бьются головой о японскую стенку, пытаются занять Акьяб, а Слим вынужден просить военное министерство Индии восполнить его потери.

Я полагаю, что англичане не имеют серьёзных намерений наступать на этом театре операций, а я собираюсь продвинуться с имеющейся у меня горсткой войск достаточно далеко, чтобы заставить англичан начать активные операции. Это говорю я, а не Чан Кай-ши, который не имел никакого отношения к этой операции».

С целью захвата Лэйкиена и Йоунгбонга Стилуэлл направил два батальона китайцев для действий на флангах. Китайцам пришлось проникнуть через линию обороны противника и местами прорубать тропы в непроходимых джунглях. Это был весьма важный манёвр, позволявший двум батальонам повернуть на восток и выйти японцам в тыл в Майнкване. Но батальоны потеряли ориентировку и застряли. Для Стилуэлла, который намеревался ввести своих «разбойников» в действие при Майнкване, было очень важно, чтобы операция прошла гладко. Наглядная победа означала ослабление сторонников плана «Аксиома», не говоря уже о том, что сама по себе победа

имела важное военное значение. Возможно, что для Стилуэлла большой интерес представляло нанести удар по «Аксиоме». Победа над сторонниками «Аксиомы» была для него настолько важна, что он даже послал в Вашингтон группу своих штабных офицеров с целью предупредить утверждение этого плана и свести на-нет аргументацию сторонников «Аксиомы».

Пошли ранние дожди, что осложняло выполнение плана Стилуэлла. Ливни в джунглях очень непродолжительны, но настолько интенсивны, что грунтовые дороги превращаются в трясины, по которым движение артиллерии и караванов с боеприпасами совершенно невозможно. Всё это привело Стилуэлла в мрачное состояние духа. Он стал раздражителен и резок.

Развитие событий в непосредственном будущем зависело от «разбойников», которые начали сосредотачиваться в долине Хуконга в последней неделе февраля 1944 года. Предусмотрительное военное министерство США нагрузило «разбойников» всеми видами имущества, созданными военной наукой, в том числе индивидуальными печами Коулера. Снаряжение было хорошее. Но Стилуэлл понимал, что переноска всего этого имущества при передвижении пешком сведёт на-нет основное достоинство «разбойников» — подвижность. Люди не нуждались во всём имуществе, но никак не могли решить, что оставить и что взять с собой.

Мерилл спросил разрешения у Стилуэлла вывести людей из Ледо в район исходных позиций около Нингбиена, на расстоянии 130 миль, по скалистым горам Паткэй через грязь, вызванную дождями. На привалах люди сваливали в кучи лишнее или ненужное снаряжение, где оно впоследствии подбиралось грузовиками. Они были раздражены трудностями, которые были вызваны неумением обращаться с мулами, недостатком людей, отсутствием пополнения и, наконец, изнурительным маршем.

Стилуэлл выехал инспектировать первые два батальона. Он относился с нежностью к «разбойникам». Наконец-то он имел американские части, — пусть только три батальона и несколько вьючных транспортных подразделений, подразделений связи и военной полиции. Только первый батальон имел боевой опыт, приобретённый в сражении в юго-западной части Тихого океана. Но остальные батальоны выглядели не хуже.

«Разбойники» недолюбливали Маунтбэттена. Во время стоянки в Ледо он инспектировал их. Его адъютанты при- были за день до него и сообщили Мериллу, что адмиралу «совершенно необходимо устроить ванну». Ванна не встречается на каждом шагу в джунглях Ассама, но одному из наиболее ловких «разбойников» посчастливилось всё же раздобыть ванну. Лорду Луи Маунтбэттену удалось принять ванну, но не удалось завоевать расположения американских солдат.

Японская 18-я дивизия оборонялась упорно и умело. Во время наступательных действий японские части приходилось буквально выковыривать из любой занимаемой ими позиции. Для того чтобы избежать тяжёлых жертв, совершенно неизбежных при лобовой атаке, генерал, по мере возможности, маневрировал своими войсками. Основная линия обороны проходила вдоль японской дороги Могаунг — Шингбвианг. Стиллуэлл двигал роту или батальон в направлении дороги так, чтобы они могли «запустить зубы в японцев», а остальные китайские подразделения совершали фланговый обход и окружали противника. Таким образом китайцы в результате каждого маневра оказывались в тылу обороняющегося противника. Это была умелая тактика, эффективность которой была бы достаточна для деморализации любого противника, но японцы были слишком упрямы и фанатичны.

Стиллуэлл действовал по отношению к японцам так, как японцы действовали по отношению к англичанам в 1942 году. Во время кампании 1942 года англичане постоянно сталкивались с таким положением, когда части противника, действующие на флангах, систематически заходили им в тыл, вынуждая их пробиваться через засады на дорогу, ведущую в тыл, чтобы избежать уничтожения. Оборонительные операции при применении подобной тактики обходятся очень дорого, и в этом японцы, наконец, убедились на собственном опыте. Война на истощение начала сказываться на японцах, и командование противника было вынуждено перебросить 55-ю дивизию на поддержку 18-й. Это было совершенно новым ощущением для 18-й дивизии, которая была англичан в Сингапуре и по всей Бирме в 1942 году. Постоянно действуя в тылах, части Стиллуэлла мешали японцам эвакуировать раненых. Китайцы получали поддержку с воздуха — настолько

эффективную, насколько вообще авиация может быть действенна при операциях в джунглях, где цели практически невидимы.

Стилуэлл продолжал наносить японцам удары со всех сторон, чтобы не дать им прийти в себя. Он всё время держал их в состоянии напряжения. Японцы не могли поверить, что китайские войска могут сражаться таким образом. Все усилия были направлены на захват Майнквана, самого большого населённого пункта в долине Хуконга. Захват Майнквана был важен не только с политической точки зрения, но имел также первостепенное военное значение потому, что генерал намеревался поймать в западню большую часть 18-й дивизии. Для этого он хотел использовать всё, что имелось в его распоряжении. 22-я дивизия должна была двигаться по дороге прямо на противника и окружить его правый фланг. «Разбойники» получали своё боевое крещение, совершая широкий охват левого фланга, чтобы нанести удар на север и на юг от Валоубума, несколько южнее Майнквана. 38-я дивизия имела своей задачей нанести удар по флангу и тылу противника. Для полной гарантии успеха Стилуэлл передвинул в зону боевых действий китайский танковый корпус, дав ему задачу обойти левый фланг японцев.

Этот танковый корпус был единственным китайским соединением под непосредственным американским командованием. Полковник Ротвелл Браун, который организовал корпус и обучал танкистов, сохранил права командира в боевой обстановке, а не стал офицером связи подобно американцам при других китайских боевых частях. Было решено использовать танки до того, как корпус будет подготовлен целиком. Китайские танкисты в основном были крестьянами и кули из провинции Юньнань. Они никогда не имели дела с моторами и прошли только трёхмесячное обучение. К этому следует добавить трудности, создаваемые джунглями. Для того чтобы танки могли обойти фланг, требовалось прорубить в джунглях дорогу протяжением около 10 миль; только после этого начиналась открытая местность, где танки можно было пустить в бой. Китайские стрелки с пулемётами были посажены на большой бульдозер, и американский водитель начал прокладывать дорогу, охватывающую японский фланг. На каждом шагу на бульдозер могли наскочить

японские патрули. Следом шли танки; только некоторые из них имели американских водителей. Многие считали, что при этих условиях танки будут быстро уничтожены.

«Разбойники», освободившись во время длительного перехода от всего ненужного снаряжения и обученные действовать быстро, отправились в путь. Это произошло 24 февраля 1944 года. Их отношение к поставленной задаче было с предельной ясностью выражено в фразе, зачёркнутой цензором в солдатском письме: «На спине у меня ранец, винтовка смазана и заряжена. Я вступаю в область смерти, но мне не страшен никакой сукин сын».

25 февраля 1944 года капрал Вернер Кац из Нью-Йорка, ветеран Интернациональной бригады в Испании и участник сражения при Гвадалканаре, стал первым американским пехотинцем, убившим японского солдата на азиатском континенте во время второй мировой войны. Кац был разведчиком. Он столкнулся с японским пехотинцем на повороте тропы и противник допустил ошибку, попытавшись заманить нью-йоркца в засаду. Кац прошёл его очередь из автомата. Пули противника поцарапали американцу нос и щёку.

«Разбойники» находились от своей цели на расстоянии нескольких дней пути.

24 февраля — в день, когда Мерилл вышел в поход со своими людьми, Стидуэлл обрисовал положение военным корреспондентам. Хотя генерал выручил китайские батальоны, затерявшиеся в джунглях, он не мог быть уверен в положении в районе Лэйкиена и Йоунгбэйнга, но считал, что «мы опоздали на два дня» в попытке поймать в ловушку два японских батальона в этом секторе. Генерал сказал:

«После того как там будет все окончено, мы начнём двигаться на Майнкван по основной дороге и тропам. Мы продвинемся, насколько это будет возможно, уничтожая боевое охранение и преодолевая сопротивление в предполье. Танки форсировали реку, это облегчает положение. Не знаю, сможем ли мы использовать их в этой стране, но я надеюсь...»

Китайцы сейчас находятся в 10 милях от Майнквана (генерал не упомянул о действиях «разбойников», продвижение которых держалось в секрете). Наши самолётные истребители действуют в районе Майнквана и Могаунга, нанося удары по мостам и другим целям, для нарушения

движения японцев. Авиационная поддержка в джунглях сравнительно мало эффективна, потому что лётчики ничего не видят. Но военно-воздушные силы, однако, вынудили японцев совершать всё передвижение войск только ночью, а это уже нам на-руку. Не отзываются плохо об авиации. Ей приходится туго. Лётчики видят только верхушки деревьев.

К ним собирается приехать Луи Маунтбэттен, ему необходима ванна. Я бы хотел совершить с ним лёгкую прогулку по джунглям, но боюсь, что он откажется от неё в пользу Уингейта. . .»

Стилуэлл двигался на Майнкван с тем, чтобы там дать своё первое решающее сражение, а в это время англичане попрежнему бездействовали в Имфале. Части Уингейта должны были быть доставлены в Бирму американскими планёрами полковника Филиппа Кочрэна. Однако в Аракане с англичанами случилась неприятность. Значительные силы японцев зашли в тыл английской 7-й дивизии, проделав тот же манёвр, что и год назад. Казалось, что 7-я дивизия обречена на гибель, но на этот раз дело обстояло иначе. На пресс-конференции, состоявшейся 3 марта, Стилуэлл сказал: «Вчера я видел Слива. Слим заявил, что 7-я дивизия приготовилась к круговой обороне, и командиры знали, что делать и куда идти. Японцы прорывались к командному пункту четыре раза и четыре раза были отбиты. Англичане насчитали 1 100 убитых японцев. Слим считает, что японцы начали атаку, имея от 8 000 до 8 500 солдат, и утверждает, что англичане убили до 4 000. Слим настоящий парень, он теперь намсревается наступать на Аракан. Планеры взлетят согласно плану, и если всё будет успешно, быть может удастся предотвратить подход японских подкреплений. Это только к лучшему. Я заявил Слиму, что ожидаю от Уингейта боевых действий. Время битвы с теньями прошло. . .»

По вопросу своих планов, генерал сказал: «Три танковые роты выступили в семь часов утра. Всего там шестьдесят танков. Их задача — выйти на артиллерийские позиции противника».

Далее он сообщил о движении различных полков, которые все, за исключением одной китайской части, вполне справились со своими задачами. Он добавил в своей характерной манере: «...64-я дивизия окопалась позади нас, ничего не делала и доносила о фиктивных япон-

ских контратаках. . .» Стилуэлл заявил, что Мерилл должен окружить Валоубум около полудня и надеется уничтожить там два японских батальона. Японцы ушли из Майнквана за ночь до этого. «Если японцы выбрались,— сказал Стилуэлл,— это был дьявольски умный шаг. Мы продолжаем получать подтверждение того, что японцы осведомлены о наших действиях. У них чертовски хорошая разведка. Японцы умеют её организовать. В целом операция проходит лучше, чем я ожидал. Нельзя в конце концов требовать многого от незрелой, сравнительно мало обученной воинской части, когда она сражается с таким сильным и опытным противником, как японская 18-я дивизия».

Мерилл окружил Валоубум 3 марта, с опозданием на 20 минут. Его первое донесение гласило: «Мы не понесли потерь и уже научили противника уважать нас. . .». В тот же день японцы поймали в засаду зелёных танкистов и неопытную пехоту, сопровождавшую танки, и довольно сильно их потрепали. 22-я дивизия настойчиво продвигалась к Майнквану, танки были перегруппированы и для большей координации подчинены в оперативном отношении Мериллу.

Стилуэлл сказал:

«Танки встретились с рядом затруднений, и мы посмотрим, что они смогут сделать. Браун отказался от попытки пробить себе дорогу сквозь джунгли и начал двигаться по тропам. . . Обучение танкистов было в значительной степени условным и мы слишком рано пустили их в бой. По донесению одного офицера я могу судить, что танкисты действовали храбро, несмотря на все трудности. Но это был их первый боевой опыт, а также и первое сражение батальона пехоты, двигавшейся за ними. . . Пока что всё идёт успешно, но никто не знает, что может произойти завтра. Подумайте только — американцы и китайцы сражаются для того, чтобы отбить у противника часть Британской империи. Не правда ли смешно? . . .»

Китайские патрули проникли в Майнкван 5 марта. Мерилл занял Валоубум, но был выбит оттуда. Солдаты 38-й дивизии подоспели вовремя и сражались плечом к плечу с «разбойниками».

Район был очищен и сражение уже выиграно, когда Маунтбэттен прибыл для осмотра поля боя. Первая фаза освобождения Северной Бирмы закончилась. Пожалуй,

наилучшее изложение хода и смысла событий содержится в следующем докладе, который был составлен штабным офицером по поручению Стиллуэлла и 13 марта направлен Чан Кай-ши.

«По вопросу: Доклад о китайско-американских успехах по возобновлению наземных коммуникаций с Китаем.

Кому: Генералиссимусу Чан Кай-ши.

После разгрома японцев в секторе Майнкван — Валоубум стало ясно, что долина Хуконга вскоре окажется в наших руках. Противник до настоящего времени потерял убитыми 3 500 человек. Очищено от японцев 1 500 кв. миль территории Бирмы, мы прошли 150 миль от Индии — через бирманскую границу.

Таким образом, первая стадия нашей кампании почти выполнена. Мы несколько отстаём от установленного графика, но выполнять график в условиях джунглей не легко.

22-я китайская дивизия наступала фронтально и охватывала западный фланг для нанесения удара с тыла. 38-я китайская дивизия плотной дугой охватила восточный фланг и нанесла удар по флангу и тылу врага. Американский сводный полк совершил марш в восточном направлении и нанёс японцам удар по дороге к северу и югу от Валоубума. Благодаря этим действиям силы противника были разъединены и подход подкреплений от Ямбу Бум был предотвращён.

Китайский танковый корпус также действовал в восточном направлении, где встретил два японских батальона, оттянутых назад для нанесения удара по левому флангу нашей 22-й дивизии, и внёс смятение в ряды противника. Позднее танки вошли в Валоубум.

Наши войска были расположены таким образом, что они систематически истребляли захваченных в ловушку японцев. Только в этом секторе нашими войсками было уничтожено 2 000 японцев. Количество раненых должно соответственно превышать эту цифру.

Вечером 3 марта 3-я танковая рота врезалась в расположение двух японских батальонов. Китайская пехота, впервые участвовавшая в боевых операциях, двигалась, прикрывая танки. Фосфорные снаряды противника подожгли траву и затем наши войска подверглись воздействию сосредоточенного артиллерийского, оружейного и миномётного огня в течение остатка ночи. Несмотря на свою

неопытность и ошибки, неизбежные в первом сражении, наши войска развернулись, искали встречи с врагом, заставляли его вступать в бой и уничтожили 22 солдата противника до наступления рассвета. Наши потери: убито 10 китайцев и 3 американца и ранено 30 китайцев и 9 американцев.

После этой стычки танки продолжали выполнять свою задачу, расстреливая колонны противника и артиллерию и ворвались в Валоубум вечером 8 марта. Помимо вышеупомянутых потерь, мы потеряли 3 американских танка. Других потерь не было. Танки и поддерживавшая их пехота уничтожили около 500 японцев, а также создали панику в расположении противника.

Территория, отбитая у противника, обошлась нам сравнительно дешево. Однако цена американских усилий в тылу была огромна. Следует осознать тот факт, что свыше 50 тысяч американцев заняты на сооружении «дороги Ледо», строящейся для восстановления наземных коммуникаций с Китаем и в то же время являющейся источником снабжения боевых частей. Тысячи американцев заняты обучением китайских войск и обслуживают линию снабжения этих китайцев — протяжением почти 15 тысяч миль. Многие американцы выполняют административные функции в Калькутте, Бомбее и Нью-Дели.

Сражение за долину Хуконга явилось результатом длительной подготовки, долгого и сложного планирования, концентрации наших запасов и материальной части, сосредоточения этих ресурсов в стратегических пунктах, сооружения большой дороги, обучения и иногда отрыва военно-воздушных сил от основных задач для целей снабжения и т. д.

Это было нелёгким делом.

Англичане утверждали, что потери от малярии в секторе Ассам — Северная Бирма будут составлять не менее 35 процентов. Английские войска в секторе Имфал несли до 50 процентов потерь от малярии. Тем не менее наивысшая цифра потерь от малярии среди китайцев в течение любого месяца не превышала 10 процентов.

Всё это планирование и подготовительные работы были необходимы для освобождения от противника трассы «дороги Ледо». Англичане утверждали, что сооружение этой дороги невозможно. Они указывали на горные перевалы высотой в 4 тысячи футов, джунгли, малярию,

муссоны. Несмотря на подобный официальный пессимизм, строительство дороги идёт буквально по пятам за наступающими войсками.

В общей сложности на строительстве «дороги Ледо» занято 80 тысяч человек. Из них 50 тысяч — американцы, остальные — китайские инженеры и индийские кули. Сооружение этой дороги явилось задачей совершенно отличной от строительства шоссе по равнинной и даже по обычной горной местности. Помимо необходимости прокладки каждого вершка дороги в джунглях, сооружение дороги велось так, что она сможет выдерживать неизбежные потоки во время сезона муссонов и не снизит своей грузоподъёмности. В настоящее время это двухпутное шоссе вдвое шире Бирманской дороги. Мы импортировали стальные мостовые конструкции и железные трубы из Соединённых Штатов. Один из наших мостов через реку Тарунг имеет протяжение в 1100 футов.

Отряды, работающие по сооружению этой дороги, проложили уже около 180 миль пути через джунгли. Из этого количества совершенно готово 113 миль дороги: наивысшим достижением была прокладка 44 миль дороги в течение 57 дней. Авторемонтные бригады работали хорошо, настолько хорошо, что тракторы работают в течение 2 тысяч часов с минимальными поломками.

Дорога с незаконченными участками перевозит около 20 тысяч тонн грузов в месяц. После окончания работ по ней можно будет перевозить ежемесячно в Китай 60 тысяч тонн груза.

Так как дорога ещё не закончена, китайские боевые части пришлось снабжать по воздуху. Две полные китайские дивизии получали таким образом практически всё продовольствие и боеприпасы. Рис сбрасывается в упаковке, а боеприпасы на парашютах, на прогалины в джунглях. Продукты и боеприпасы подбираются под наблюдением американцев и передаются по назначению в китайские части.

Из районов разгрузки продовольствие и боеприпасы доставляются передовым частям грузовиками, виллисами, на лошадях и мулах, а также солдатами китайского рабочего корпуса. Китайская армия не испытывала перебоев в снабжении.

Лётчики и экипажи самолётов — американцы. Многие из них погибли, потому что зачастую им приходилось при абсолютно нелётной погоде летать к своей цели, чтобы доставить китайским войскам всё требуемое в нужное время. В будущем, после сооружения дороги, эти самолёты удастся использовать для других целей.

Китайцы снабжены всеми видами транспортных средств современной американской армии. Они имеют американские грузовики, разведывательные машины, виллисы и бронемшины. Американцы на таких же машинах доставляют продовольствие и снаряжение боевым частям. Вместе с китайцами работают американцы, помогающие им и ремонтирующие их машины. Там, где автотранспорт непригоден, китайцам были предоставлены вьючные транспорты на лошадях и мулах.

Дж. В. Стилуэлл
Генерал-лейтенант Армии США»

Т Р И У М Ф

6 марта 1944 года Маунтбэттен прилетел в джунгли «Стилуэллу». Генерал отправился его встречать на аэродром в Тайпа-Га. В числе встречающих были старшие офицеры штаба, военные корреспонденты и фоторепортеры. Эти люди, привыкшие к скромным прилётам Стилуэлла, с удивлением смотрели в небо, откуда доносился гул многих моторов. Что это обозначало? Вдруг из-за гор появился самолёт Маунтбэттена (роскошно оборудованная машина, подаренная ему генералом Арнольдом), сопровождаемый шестнадцатью истребителями. Это было новое и непривычное зрелище.

Один из военных корреспондентов подошёл к седому человеку в потрёпанной форме и в китайской фуражке и сказал: «Послушайте, генерал. Вам, пожалуй, тоже пора начать пользоваться эскортом истребителей».

«Я подсчитываю количество авиационного бензина,— ответил смеясь Стилуэлл.— Эскорт Маунтбэттена расходует такое количество бензина, которого хватило бы на неделю для моей кампании».

Лорд Луи Маунтбэттен вышел из самолёта и дружески пожал руку Стилуэллу. Адмирал был великолепен. Он был одет в тропическую морскую форму и на груди у него было три ряда орденских ленточек. Козырёк фуражки блистал золотом.

Стилуэлл посадил Маунтбэттена на переднее сиденье своего виллиса, а сам, как белка, прошмыгнул на заднее. Капрал Виндам Брод, шофёр Стилуэлла, повёз их в штаб Северного сектора в Тайпа. Хотя личный штаб Стилуэлла находился примерно на 25 миль впереди, его главный штаб располагался в окрестностях аэропорта. Стилуэлл приказал всем построиться, так как считал, что

лорд Маунтбэттен захочет произнести речь. Адмирал любил произносить речи. Везде, где он ни появлялся, солдат выстраивали — и Маунтбэттен произносил речь. Стилуэлл повёл Маунтбэттена на вершину холма, над окопом и представил его собравшимся там рядовым, офицерам и сёстрам из подразделения Сигрейва. Сигрейв категорически запретил своим девушкам надеть брюки и солдатские ботинки, и поэтому они были красочно одеты в длинные юбки и белые блузки. Английский адмирал сказал несколько приятных коротких общих фраз. Он как бы извинился за то, что на Китайско-Бирманско-Индийском театре операций не будет вестись настоящей войны до победы над Германией. Это было старо, и собравшиеся уже много раз слышали те же самые слова в передачах БиБиСи и Всеиндийского радио. Маунтбэттен торопился, и впечатление было такое, что он опасался, как бы кто-нибудь не задал ему вопрос: почему его войска находятся в Имфале, а не продвигаются через горы Чин к Чиндвину? Упомянув о войсках Уингейта, адмирал заявил, что скоро англичане помогут китайцам и американцам очистить Северную Бирму. Он сказал, что после победы над Германией британский и американский флоты будут направлены против Японии и война скоро закончится.

После речи Маунтбэттена Стилуэлл повёз его в свою одинокую передовую штаб-квартиру — маленькую бамбуковую хижину с земляным полом и грузовым парашютом вместо крыши. В хижине имелась походная постель, несколько ящиков и маленький складной стол. Американские связисты обеспечили генерала и штаб 22-й дивизии электрическим светом.

Дожди окончились, и дорога была покрыта слоем белой пыли толщиной в 3 дюйма. Стилуэлл и адмирал выглядели так, как будто надели маски, когда, наконец, они подъехали к месту, где находилась хижина генерала. Ординарец Стилуэлла китаец Батеркап лез из кожи, чтобы угодить высокопоставленным лицам. Адъютант Юнг запретил кому бы то ни было пользоваться личной уборной Стилуэлла на всё время пребывания адмирала. Стилуэлл находился слишком далеко в джунглях, и достать для адмирала настоящую ванну не удалось. В наличии имелась лишь складная парусиновая ванна, в которой мылся гигантский полковник Карльтон Смитс, весьма враждебно

отнесшийся к намёкам, что он мог бы одолжить Маунтбэттену свою излюбленную ванну.

В этот же вечер военные корреспонденты просили устроить пресс-конференцию. Маунтбэттену, как и всем английским командующим, было запрещено устраивать такие конференции без предварительного одобрения текста речи Военным Кабинетом. Военные корреспонденты, которые во время работы со Стилуэллом привыкли к частным, неофициальным разговорам и серьёзным совещаниям, настаивали на том, чтобы Маунтбэттен согласился хотя бы на непротоколируемую встречу. Стилуэлл уговаривал адмирала сделать это. Маунтбэттен жаловался, что с точки зрения прессы всего мира Стилуэлл являлся единственным лицом, который воевал в Юго-Восточной Азии. Адмирал сказал, что это ставит его в неудобное положение и ему это неприятно. Стилуэллу стало жаль адмирала, к которому он испытывал личное расположение, и он решил ему как-нибудь помочь. Стилуэлл считал, что личное обаяние лорда Маунтбэттена расположит к нему корреспондентов даже при самом незначительном неофициальном разговоре. Все военные корреспонденты, за исключением одного индийца, были американцы, и все они во многом не одобряли лорда Луи Маунтбэттена.

С большой неохотой Маунтбэттен согласился, наконец, на неофициальную беседу. Военные корреспонденты сгрудились в хижине Стилуэлла. Сам хозяин поместился на заднем плане, а Маунтбэттен сидел на единственном стуле в центре. Он подробно объяснил, что Черчилль запретил устраивать такие конференции и что он надеется, что ни одно его слово не появится в печати. Он чувствовал себя крайне неловко. Маунтбэттен сразу же допустил ошибку, присущую всем английским официальным лицам, — он уклонился от истины. Очень многого можно добиться от журналистов, если говорить им правду, даже если эта правда неприятна. Подобное положение было особенно справедливо в отношении военных корреспондентов, находившихся при Стилуэлле. Эти корреспонденты понимали военное положение почти так же хорошо, как и сами командующие. Обмануть их было трудно.

Конференция началась в достаточно дружественных тонах, и военные корреспонденты промолчали при из-

ложении официальной английской точки зрения, много-словно объяснявшей бездеятельность английских войск. Оправдываясь, Маунтбэттен долго говорил о различии «внешних» и «внутренних» линий коммуникаций и жаловался на отсутствие ресурсов. Затем Франк Морес, военный корреспондент индийского «Таймс», поставил в упор вопрос об уровне офицерских кадров англичан в Аракане. Плохое командование, неумелая тактика и недостаточная подготовка вызвали большие потери в индийских войсках. Эта тема была необычайно важной для индийского корреспондента. Маунтбэттен, вместо того, чтобы сказать правду или ответить, что он не в курсе дела, пытался двусмысленными ответами обойти осложнения, вызываемые этими вопросами. И по каждому пункту Морес, который провёл много времени на Аракане и хорошо знал истинное положение дел, с ядовитой вежливостью возражал адмиралу. В конце концов Маунтбэттен был настолько смущён, что поднял руки и попросил Мореса вести пресс-конференцию, сказав: «Вы больше меня знаете об Аракане». Морес действительно знал больше, так как он провёл там много времени в качестве военного корреспондента. Чтобы вызволить лорда Маунтбэттена из неприятного положения, Стилуэлл прервал конференцию.

Вопросы прессы и отношений с общественностью навязли в зубах Стилуэлла и Маунтбэттена. Англичане надеялись, что присутствие Маунтбэттена уменьшит популярность Стилуэлла, но генерал утопил адмирала. Маунтбэттен был особенно обеспокоен по поводу одной статьи, которая появилась в «Тайм» 14 февраля 1944 года. В этой статье, между прочим, говорилось: «в первый раз были высказаны вслух намёки по поводу тренировок в Юго-Восточной Азии. Адмирал лорд Луи Маунтбэттен расходится во взглядах со Стилуэллом...» Статья цитировала замечание Стилуэлла, которое он будто бы сделал по адресу его (Стилуэлла) критиков на заседании штаба Маунтбэттена. Лорд Маунтбэттен искренне хотел установить в своём штабе согласие. Он считал, что такого рода статьи плохо сказываются на сотрудничестве и моральном духе. Подобные намёки были также неприятны и Стилуэллу, так как приказание генерала Маршалла гласило: «Сработайтесь». Кроме того, он признал, что приписываемые ему замечания почти дословно соответствуют его вы-

ступлению на весьма секретном штабном совещании. Он был очень обеспокоен выяснением источника этих сведений. То же самое беспокойство испытывал и Маршалл. Члены группы Стилуэлла в Вашингтоне, боровшиеся против плана «Аксиома», вызывались по очереди и допрашивались одним из генералов Оперативного управления штаба Маршалла. Однако источник сведений не был установлен.

Маунтбэттен заявил Стилуэлли, что он очень хочет объединить и привести к согласию своих подчинённых. Он указал на газету «Раундап» как на один из факторов, мешающих этому объединению. По словам Маунтбэттена, эта газета ни словом не обмолвилась об англичанах, воюющих в Аракане. Это было действительно так, но молчание было ответом англичанам на то, что в течение многих недель они отказывались упоминать об успехах китайского продвижения на Шингбвианг. Англичане не хотели сообщать о китайских военных действиях в Бирме до тех пор, пока они сами не примут в них участия. Генерал-майор Кауторн, начальник разведки штаба индийского командования, заявил: «японцы не знают о том, что китайцы находятся в этом районе, а потому эти сведения следует от них скрывать». Эта ссылка на неосведомлённость японцев казалась странной, так как японцы ежедневно вступали в небольшие стычки с китайцами.

Стилуэлл сказал Маунтбэттену, что попытки англичан приписать себе все успехи китайцев и американцев возмущают каждого американца, находящегося на этом театре.

В качестве примера он показал адмиралу газетную вырезку, которая содержала в себе сообщение, переданное БиБиСи; эту передачу слышало большинство американцев, находившихся в джунглях. В вырезке цитировалась речь, произнесённая в Палате Общин мистром Гербертом Моррисоном:

«Я хочу также обратить ваше внимание на великолепную работу, которую проделали чайные плантаторы в Ассаме, превратив ведущую из Ассама в Бирму горную тропу в первоклассную дорогу, по которой теперь могут двигаться в три ряда автомашины и без которой наша армия в Северной Бирме находилась бы в серьёзной опасности. . .»

Говорят, что генерал Пик, услышав это сообщение, вышал из своего виллиса. Плантаторы делали всё возможное для того, чтобы не допустить американцев в Ассам, так как присутствие американцев требовало баз, которые могли повредить чайным плантациям. Стилуэлл согласился указать редактору «Раундап» на необходимость более правильно освещать ход Араканской кампании, а Маунтбэттен признал, что речь Моррисона была «крайне неудачной» и обещал просить Лондон не допускать подобных вещей в будущем.

Маунтбэттен сообщил Стилуэллу, что он намеревается издавать еженедельный иллюстрированный союзный журнал. «Раундап» являлся официальной газетой американских войск, а «Юго-восточно-азиатский театр» — ежедневная газета, выходившая на четырёх страницах и издаваемая способным Франком Оуэном, который ранее был самым молодым редактором на Флитстрит, являлась английским противодействием «Раундапу». Адмирал хотел, чтобы новый иллюстрированный журнал распространялся среди английских и американских войск. Журнал должен был охватывать все стороны боевой деятельности и редактироваться англичанами и американцами для достижения согласия и духа доброй воли между английскими и американскими войсками.

Хотя Китайско-Бирманско-Индийский театр операций очень нуждался в журналистах, Стилуэлл немедленно приказал своему пресс-атташе выделить персонал, необходимый для издания этого журнала. Пресс-атташе, опасаясь, что этот журнал будет следовать традиционной английской политике в освещении операций в Юго-Восточной Азии, предложил Стилуэллу настаивать на англо-американском контроле над редактором до того, как в состав редакции будут введены американцы. Но Стилуэлл возразил: «Маунтбэттен просит помощи, и мы дадим ему эту помощь, без всяких ограничительных условий».

Затем оба командующих приступили к обсуждению ежедневных коммюнике Юго-восточно-азиатского командования. Маунтбэттен, прибыв на Китайско-Бирманско-Индийский театр операций, настаивал на изжитии существующей здесь практики издания отдельных коммюнике. Он сказал, что все официальные сообщения наземных войск, морских сил и воздушного флота должны быть

объединены в коммюнике, издаваемом его штабом. Стилуэлл согласился. Это было чрезвычайно важным для Юго-восточно-азиатского командования, которое неоднократно сражалось с противником только на страницах газет и по радио. Стилуэлл никогда бы не совершил такого радикального отступления от своей первоначальной политики, если бы он не был до некоторой степени введён в заблуждение, надеясь, что с прибытием Маунтбэттена Юго-восточно-азиатское командование изменит свою тактику.

Стилуэлл понял свою ошибку, слушая ежевечерние передачи БиБиСи, которое цитировало коммюнике Юго-восточно-азиатского командования. В них много говорилось об Аракане, но китайцы всегда упоминались на третьем месте.

Существовал метод, благодаря которому можно было обойти создавшееся положение, так как при составлении соглашения о выпуске коммюнике один из пресс-атташе Стилуэлла выкинул следующий трюк. Он настоял, во-первых, на том, что материал для китайско-американского раздела коммюнике должен составляться в штабе Северного сектора и помещаться без редактирования. Во-вторых, штаб Северного сектора мог издавать дополнительное сообщение за подписью Стилуэлла, которое должно опубликовываться одновременно штабом Маунтбэттена, штабом Северного сектора и китайским военным обозревателем в Чунцине. Необходимость этого он объяснил тем, что Стилуэлл был связан соглашением с китайским министерством информации, согласно которому он должен был давать сведения о китайских операциях в Бирме для передачи по радио китайскому народу, а министерство хотело пользоваться только материалом, присылаемым Стилуэллом. Это делалось для того, чтобы все сообщения о действиях китайских войск строились на фактическом материале, а не на вымыслах, что до сих пор было обычным явлением для китайских военных сообщений.

Никто не позаботился сообщить англичанам, что американские корреспонденты могли получать сообщения непосредственно из Чунцина, избегая таким образом английской цензуры, которая в конечном счёте могла контролировать сообщения Стилуэлла, передаваемые лишь из Индии или из Бирмы.

Англичане быстро позабыли своё обязательство полностью использовать в коммюнике материал Северного сектора. Маршал авиации сэр Филипп Жубер де-ла-Ферте, заместитель начальника штаба Маунтбэттена по гражданским вопросам и информации, получал другие приказания и исполнял их. Будучи в прошлом главным маршалом авиации и командующим береговой обороной Англии, Жубер имел личные секретные указания Черчилля по вопросам пропаганды и прессы. Эти указания требовали создавать впечатление, что Англия воюет на Востоке изо всех сил.

Жубер руководил всей прессой и службой информации; свидетельством того, насколько далеко он зашёл в попытке завоевать уважение к англичанам за счёт американцев, являются факты, установленные американским «Бюро стратегической информации». Это бюро следило за всей английской пропагандой на местном языке. Начиная с июня, когда союзные войска высадились в Нормандии, и до октября в передачах Юго-восточно-азиатского командования для Французского Индокитая и Таи ни разу не упоминалось о том, что американцы также высадились в Европе. Согласно сообщениям, десантные войска были английскими, имперскими и «союзными».

Благодаря плану «Аксиома» медовый месяц окончился, во всяком случае для Стилуэлла, и поэтому генерал не останавливал своих пресс-атташе, когда они принимали меры против тактики Жубера. Для усиления позиции своей группы в Вашингтоне, действовавшей против плана «Аксиома», Стилуэлли было необходимо, чтобы его победы приобретали широкую известность. Это было устроено следующим образом. Материал для коммюнике и сообщений продолжал посылаться штабу Маунтбэттена, но сообщения заранее передавались военным корреспондентам. Кроме того, лучшие возможности радиосвязи из Чунцина создавали положение, при котором сообщения корреспондентов попадали в Америку и Англию раньше, чем коммюнике штаба Маунтбэттена, издаваемое в Дели. В Америке редакторы, давно страдавшие от английских коммюнике, просто использовали корреспондентские сообщения в качестве официальных коммюнике.

Министерство информации из Лондона категорически приказало Маунтбэттену исправить «ложное впечатле-

ние» о том, что Стилуэлл вёл здесь все боевые операции. Хотя у Маунтбэттена в отделе печати были способные журналисты, Стилуэлл располагал несколькими репортёрами, которым была известна старая газетная истина: кто первый успел передать сведения, тот первый увидит их в газете.

Когда Маунтбэттен пожаловался на то, что Стилуэлл получает львиную долю популярности, Стилуэлл возразил ему, что Жубер в своих коммюнике создаёт популярность Англии, используя при этом успехи китайцев и американцев. На эти обвинения лорд Маунтбэттен весьма странно ответил:

«Да, это верно, что мы стараемся вас принизить, но мы это делаем потому, что вы всё время побеждаете. Если мы будем всё время говорить о ваших победах, то все коммюнике будут весьма монотонными и скучными. И поэтому мы иногда о вас не упоминаем».

Другими словами, Стилуэллу следовало потерпеть поражение для того, чтобы монотонность была нарушена, и тогда он мог бы попасть в официальные коммюнике.

Адмирал согласился с тем, что его штаб поступал неправильно, редактируя и изменяя сообщения Стилуэлла, и сказал, что это противоречило соглашению. Но, по его заявлению, он не отдавал себе отчёта в том, что английские официальные сообщения часто преследуют цель нажить таким путем капитал на успехах китайцев и американцев; он был уверен, что маршал авиации Жубер действовал подобным образом, не зная, какую реакцию вызывает его печать и пропаганда. Маунтбэттен сказал, что ему хочется согласовать все эти вопросы, и потому он направит в Бирму господина Чарльза Ида, чтобы разработать все детали с пресс-атташе Стилуэлла.

Деятельность Чарльза Ида является хорошим показателем того, насколько английское военное министерство было заинтересовано в вопросах информации гражданского населения Юго-Восточной Азии. Англичане не только направили в качестве главы отдела, ведавшего этими вопросами, маршала авиации, который по чину равняется американскому генерал-лейтенанту, но ещё послали туда лично выбранного Черчиллем Чарльза Ида.

Ид являлся редактором «Лондон Сандей Диспатч» — одной из газет, на страницах которой Черчилль и консер-

ваторы всегда оказывались правы. Для того чтобы усилить полномочия Ида, ему были даны дипломатическое звание личного представителя премьер-министра и чин генерал-майора. В английской армии, где властвуют церемонии и традиции, эти чины играют большую роль не только на банкетах и приёмах. Сочетание Ида и Жубера представляло собой мощную фалангу, противопоставленную американскому отделу информации, который в штабе Юго-восточно-азиатского командования возглавлялся подполковником резерва, а на Китайско-Бирманско-Индийском театре операций кадровым полковником. С точки зрения англичан, неудобство заключалось в том, что американцы не проявляли должного уважения к чинам. Американцы придерживались той точки зрения, что они являлись представителями правительства Соединённых Штатов и чины иностранцев для них не играли никакой роли. Англичане не хотели этого понять.

7 марта в шесть часов утра Стилуэлл и Ляо повезли Маунтбэттена осмотреть поле боя у Майнквана. Ляо был преисполнен китайской гордости. Он произносил риторические сентенции на ломаном английском языке, которых никто не мог понять. Он повёл Маунтбэттена к грудам гниющих трупов, указывая на них как маленький Чингис-хан.

Высокий голос Ляо временами срывался до визга, когда он показывал на карте, как его войска, нанеся ложный удар в одном месте, пробивались в другом месте, контратаковали в третьем и, наконец, победили врага посредством тактики — безупречной по выполнению и новой по существу.

Лорд Маунтбэттен из-за ужасного зловония едва удерживался от рвоты. Стилуэлл стоял позади, дрожа от беззвучного смеха. Маунтбэттен шопотом сказал одному американскому офицеру, что он предпочитает чистую палубу военного корабля зловонию поля боя. Осмотрев место битвы, Маунтбэттен направился обратно в хижину Стилуэлла.

Появившаяся в «Тайм» статья вызвала в мировой печати и радио большую шумиху. Вопрос о трениях в штабе Юго-восточно-азиатского командования разбирался везде и повсюду, и каждый незадачливый мудрец имел на этот счёт своё собственное мнение. Не понимая существа вопроса, говорили о личных разногласиях, за-

бывая о самом важном факторе — о национальных разногласиях. Всё это очень не нравилось Стилуэллу. Он знал, что газетная шумиха не понравится генералу Маршаллу, который был слишком занят планами наступления и не мог заниматься подобными пустяками. Стилуэлл находился в чрезвычайно неприятном положении. Как он мог продолжать работать в согласии и одновременно выполнять порученное ему задание? Мог ли он сидеть в бездействии в то время, когда штаб Маунтбэттена днём и ночью противодействовал всему тому, что Стилуэлл должен был выполнять?

Американские планеристы полковника Филиппа Кочрэна начали переправлять четыре бригады Уингейта в треугольник Могаунг—Ката—Бамо. Пятая бригада пересекла «дорогу Стилуэлла» и обеспечивала войска Стилуэлла с запада. Переброска на планерах была дерзко задумана и хорошо выполнена. Большое количество войск было переброшено через линию фронта на планерах. Они должны были приземлиться на открытых участках в джунглях, названных «Бродвей», «Пикадилли» и «Чоуринги». Вся операция была известна под условным названием «Операция Сёрздей».

Первыми приземлились американские сапёры, которые должны были превратить открытые лужайки в аэродромы, находящиеся в тылу врага, дожидаясь прибытия главных сил, а затем отойти. Все надеялись, что англичане и индийцы попадут туда раньше японцев. Напряжение было очень велико, так как полёт происходил над горами высотой в 7 тысяч футов и посадка производилась в глубине джунглей; единственным освещением была луна. Операция была настолько опасной, что корреспонденты, которые всегда отличались храбростью, решили на этот раз писать очерки, не выходя из штаба. Только подполковник Джеймс Уорнер Бела, руководитель американской секции отдела гражданской информации штаба Юго-восточно-азиатского командования, полетел с планеристами.

Из-за препятствий, появившихся в последнюю минуту на двух пунктах посадки, все планеры приземлились на «Бродвей». В первую ночь несколько планеров разбилось при посадке. Но войска всё прибывали и развёртывались, выполняя задачу охвата противника, стоящего перед войсками Стилуэлла. Здесь отрядам, предна-

значенным для действия по тылам, представлялись возможности проявить себя. Они обладали достаточной мощью и действовали согласованно с крупными силами.

К середине марта «разбойники» и китайцы выгнали японцев из долины Хуконга. В районе Джамбу Бум велись довольно серьёзные бои; здесь было дефиле, через которое проходила дорога от Хуконга в долину Могаунга, где находился Камаинг; взятие Стилуэллом этого пункта дало бы ему возможность выйти из подчинения 14-й армии и 11-й армейской группы. Во время своего визита Маунтбэттен поднял вопрос о старом соглашении по поводу структуры командования после захвата Камаинга и предложил сохранить существующее положение. Стилуэлл наотрез отказался, настаивая на выполнении соглашения. Маунтбэттену пришлось согласиться.

Снова начались ранние дожди, которые превращали немощённые участки дороги в бездонные лужи. Джунгли превратились в болото, и военные действия, ранее требовавшие лишь нескольких часов, тянулись днями. Приходилось разгружать мулов и вытаскивать их из грязи. «Разбойники» Мерилла готовились к новым операциям на флангах.

Китайцы медленно продвигались по дороге. Китайские генералы, гордясь своими победами, выказывали намерение почтить на лаврах. Стилуэлл заставлял их продолжать войну, играя на их самолюбии. Если генерал Сун выказывал эту тенденцию, то его имя внезапно исчезало из официальных коммюнике и Ляо оказывался единственным китайским генералом, воюющим в джунглях. Тогда Сун ускорял темп своих войск, и та же участь постигала Ляо. Такой метод оказался чрезвычайно действенным в отношении китайских генералов. Военные фото-корреспонденты делали великолепные портреты этих двух генералов. Стилуэлл дарил им эти портреты, когда находил, что для этого настало время. Китайские генералы получали подобные портреты и восторгались ими.

Чрезвычайно интересно было наблюдать за Стилуэллом во время его личной психологической войны со своими китайскими генералами и офицерами. Он льстил им своим вниманием и унижал их отсутствием его. Он заставлял их воевать, отказываясь уйти из опасной зоны до того, как они её покинут, продвинувшись вперед. Он

показывал, что они не могут ему врать, так как он лично осматривал расположение войск, и заставлял своих офицеров связи проделывать то же самое.

Благодаря действиям «разбойников», китайцы двигались быстрее. «Разбойники» совершали успешные форсированные фланговые марши, появляясь неожиданно в тылу противника, отрезая подкрепления и ухудшая положение японцев, стоящих против китайцев. Японским войскам приходилось при отходе пробиваться через засады «разбойников» на дорогах, неся при этом большие потери.

Во время сезона дождей Стилуэлл получил сведения из Вашингтона о том, что план «Аксиома» потерпел такое же поражение, как японцы в долине Хуконга. Решение Стилуэлла направить тайно от Маунтбэттена свою собственную миссию для того, чтобы предотвратить утверждение плана «Аксиома», вызвало официальный протест со стороны адмирала. Стилуэлл принёс формальные извинения своему английскому командующему. Генерал мог позволить себе роскошь извинения, он выиграл ещё одну важную политическую победу.

* *
*

В это же время Чарльз Ид в своём помятом сером костюме и шлеме выглядел весьма неуместно в сердце джунглей. 19 марта пресс-атташе Стилуэлла встретил его на аэродроме в Майнкване. Перед отъездом на аэродром пресс-атташе спросил Стилуэлла, не будет ли каких-либо инструкций. Генерал ответил, что особых инструкций не будет:

— Скажите ему правду. Будьте откровенны.

Ид представлял собой новый тип англичанина. Он говорил без околичностей, без лирических отступлений о «высоком духовном уровне согласия» между союзниками. В самом начале он прямо заявил, что Англия на Дальнем Востоке прижата к стене, что её престиж упал и что его задача заключается в том, чтобы по возможности исправить это положение, воздействуя на общественное мнение. Он считал себя недостаточно компетентным, чтобы утверждать, что это положение может быть выправлено путём одержания нескольких военных побед. По его словам, он и Жубер должны были созда-

вать общественное мнение с целью исправить плохое положение, в которое попали англичане, и в этом заключались указания, полученные им непосредственно от премьер-министра Черчилля. Ид заявил, что вопросы отношений с гражданским населением и методы пропаганды были определены непосредственно Черчиллем и что он (Ид) и Жубер могли действовать, не сносясь с Маунтбэттенем, если они считали это нужным.

Пресс-атташе Стилуэлла понимал, что англичане должны делать всё возможное для восстановления своего престижа в колониальной империи, которой они собирались владеть и после войны. Но в интересах сотрудничества и ради того, чтобы избежать саботажа со стороны американцев, англичане должны найти такую линию поведения, которая обеспечивала бы им восстановление престижа, не затрагивая при этом интересов американцев. Пресс-атташе указал на тот факт, что после возвращения Маунтбэттена из Бирмы в Дели Жубер поместил краткое сообщение, в котором указывалось, что адмирал находится в джунглях, наблюдая за проведением плана, который был разработан им совместно со Стилуэллом. Для газетного читателя это означает, что Маунтбэттен разработал план операций в Северной Бирме совместно со Стилуэллом. На самом же деле этот план был разработан значительно раньше, чем на Китайско-Бирманско-Индийском театре операций впервые услышали о лорде Луи Маунтбэттене. Естественно, что такое сообщение возмутило американцев, которые и так были раздражены бездейтельностью англичан. Пресс-атташе Стилуэлла заявил, что американцам оставалось лишь платить той же монетой.

Другим пунктом разногласий были неуместные публичные дебаты по поводу того, кто разработал план авиадесантной операции, проведённой Кочрэном. Жубер, не упоминая ни словом об американцах, издал пространный хвалебный отчёт о том, как Маунтбэттен разработал все детали этой операции. В предыдущих коммюнике Маунтбэттен сообщил о том, что авиадесантные войска 14-й армии совершили высадку. В течение 24 часов мир был уверен, что вся эта операция проведена целиком английскими силами.

Когда Жубер заявил о том, что Маунтбэттен явился вдохновителем американских планеристов Кочрэна, под-

полковник Сент Клер Маккелвей и покойный майор Брюс Пинтер, пресс-атташе американских воздушных сил, не смогли этого стерпеть. Они поместили заметку о том, что вся операция была разработана штабом Арнольда в Вашингтоне. В последующие дни вся пресса мира помещала официальные противоречащие друг другу заявления о том, кто являлся автором этого плана. На третий день Жубер издал официальное коммюнике, в котором говорилось, что этот план был разработан Маунтбэттеном и Арнольдом, но тот человек, который действительно предложил этот план, был забыт обеими сторонами. Это был Уингейт. Разработка тактических планов являлась плодом объединённых усилий Уингейта и Кочрэна. Эти храбрые, воинственные офицеры были оскорблены, когда увидели, что их отважная операция опозлена дешёвым спором вокруг того, кто разработал эту операцию, адмирал или генерал, которые на самом деле лишь утвердительно кивали головами.

Представитель Стилуэлла, совещаясь с Идом, указал на ряд фактов. Он заявил, что американцы во время всех операций были настроены против англичан, потому что последние отказывались воевать и добросовестно проводить в жизнь директивы, исходящие от Объединённого англо-американского штаба. Он сказал, что это положение можно исправить лишь военными действиями, а не пропагандой.

Американцы особенно протестовали против намерения англичан вмешаться в операцию, проводимую Стилуэллом, которая являлась единственно важной операцией в Юго-Восточной Азии. Англичане и без того заявляли, что лишь благодаря солдатам Уингейта стало возможным наступление Стилуэлла. Это было особенно неприятно американцам, так как даже самый неопытный в военных вопросах человек понимал, что ещё не настало время для того, чтобы ощущать результаты операций Уингейта. Однако пресс-атташе Стилуэлла заявил, что желание англичан восстановить свой престиж на Востоке вполне понятно и американцы, официально не связанные с британской колониальной проблемой, не будут мешать их усилиям, если только это не будет сказываться на интересах Соединённых Штатов и Китая.

Обе стороны умолчали о том, что англичане ни одним фактом не могли подкрепить перед миром свою версию,

будто они эффективно ведут боевые действия в Юго-Восточной Азии, не присваивая при этом достижений китайцев и американцев. Самый талантливый военный корреспондент в мире не сумел бы доказать, что англичане воюют, в то время, когда четыре дивизии неподвижно стояли у Имфала, а четыре другие топтались около Аракана. Существует только один путь убедить мир в том, что выигрываешь войну: надо вылезть из окопов и выиграть её. Самые модные способы пропаганды могут быть сведены на-нет одним старомодным взглядом на карту.

Пресс-атташе Стилуэлла прекрасно понимал, что англичане никогда не перестанут стараться убеждать мир, будто войска Уингейта и «диверсия» у Аракана сделали возможной кампанию Стилуэлла. Это был единственный товар, которым располагали англичане, но этот товар нельзя было продать с выгодой в качестве «независимых» военных операций. Американцы почти не надеялись приостановить существующую английскую пропаганду. Однако, учитывая неповоротливость английских деятелей прессы, американцы считали, что им удастся продолжать свою политику опубликовывания официальных заметок и очерков военных корреспондентов раньше появления официальных коммюнике Юго-восточно-азиатского командования. Настало время оказывать на англичан всяческое давление путём общественного мнения. Для этого наилучшим способом было сравнение их негодной организации с системой Стилуэлла.

Чарльз Ид заявил, что все заметки и очерки военных корреспондентов могут опубликовываться лишь после выхода официальных коммюнике. Он понимал суть происходящего, но никак не мог понять неизбежные лабиринты штаба Маунтбэттена, по которым продвигалось предложение, прежде чем превратиться в приказ. Англичане и американцы могли вести дебаты лично и по радио неделями, прежде чем решение Маунтбэттена принимало форму приказа. Поэтому пресс-атташе Стилуэлла согласился на предложение Ида направить личного представителя Стилуэлла в Канди (Цейлон), куда должен был переехать штаб Маунтбэттена. Переезд штаба, расквартирование его на новом месте, бесконечные споры и дебаты на иерархической лестнице штаба Маунтбэттена — всё это должно было вызвать задержку окончательного при-

каза Маунтбэттена, запрещающего Стилуэлла опубликовывать очерки военных корреспондентов ранее официальных коммюнике. Присутствие личного представителя Стилуэлла могло не только отсрочить появление этого приказа; такой представитель мог также защищать интересы Стилуэлла при заключении какого-либо соглашения; в то же время он мог всячески сдерживать Жубера.

В качестве своего личного представителя Стилуэлл решил направить в Канди того самого пресс-атташе, который вёл переговоры с Идом. На этого офицера была возложена чрезвычайно щекотливая задача. Он должен был мешать англичанам в их попытках возвеличить себя за счёт китайцев и американцев, но делать это так тонко, чтобы Стилуэлла никогда не могли обвинить в нежелании «сотрудничать». Эта задача требовала таких тактических методов, которые, будучи раскрытыми, не могли бы вызвать серьезных официальных осложнений.

Ведемейер всё ещё находился в Вашингтоне с группой офицеров штаба Стилуэлла, когда представитель Стилуэлла прибыл в Дели. Он, Маккелвей и бригадный генерал Рей Медокс, руководитель американских оперативных работников в штабе Юго-восточно-азиатского командования, начали разрабатывать план политической кампании. Хотя Медокс заявил, что он почти ничего не знает по этому вопросу, он лучше всех защищал американские интересы в штабе Маунтбэттена. Его точка зрения не вызывала сомнений. Он много раз говорил: «Я получаю жалование от правительства Соединённых Штатов и стою на страже американских интересов. Об этом я заявлял верховному главнокомандующему (Маунтбэттену) и всем остальным». Маккелвей, бывший редактор газеты «Нью-Йоркер», являлся ловким политиком, которого почти никогда нельзя было поймать врасплох. Представитель Стилуэлла — автор данной книги — был самым младшим членом этого трио.

Считая, что наступление является наилучшей обороной, Медокс предложил штабу Маунтбэттена разграничить вопросы прессы, вопросы пропаганды и вопросы гражданских дел, на том основании, что американцы могли принимать участие в составлении сведений о военных действиях, но не могли в силу политики Соединённых Штатов принимать какое-либо участие в вопросах пропаганды.

которая здесь в конечном счёте была основана на философии колониального режима. Изъятие вопросов прессы из юрисдикции Жубера явилось бы большой победой Медокса, Маккелвея и автора. Такая победа означала бы устранение одного из двух умных людей в английской организации. Кроме того, Медокс был абсолютно искренен, опасаясь последствий, которые могут возникнуть, если американцы будут связаны с английской пропагандой в Азии.

Эти три американца устроили совещание с Жубером и Идом. Совещание длилось около часа в разговорах об «общих высоких интересах». Американцы наступали, а англичане отступали, избегали удара и парировали. Американцы настаивали на своём, что,— по словам Маккейвела,— «было не так плохо, так как спор шёл между кадровым офицером, писателем-юмористом и бывшим полицейским репортёром, с одной стороны, и двумя личными представителями премьер-министра — с другой».

Совещание было прервано сообщением Жубера о том, что он намеревается поехать в Лондон для встречи с Ведмейером и обсудить с ним все вопросы. Хотя американцы боялись результатов этого совещания, так как Ведмейер, незнакомый с проблемой, мог быть обманут ловким Жубером, они всё же были довольны тем, что соглашение о запрете опубликования специальных сообщений до появления официальных коммюнике было отложено. Это соглашение, в любом случае, было бы обращено против Стилуэлла и американских воздушных сил, которыми тогда командовал генерал-майор Стратемейер. Стратемейер также возглавлял Восточное авиационное командование, объединявшее 10-ую воздушную армию и части Британского воздушного флота.

В то время как политики вели свои переговоры в комфортабельных условиях прохладного Дели, люди на поле боя переживали тяжёлый период. «Разбойники» Мерилла, не имея артиллерии, попали в беду в джунглях, к востоку от Шадузупа. Мерилл, страдавший серьёзной сердечной болезнью, отказывался эвакуироваться. Он лежал на своём командном пункте и руководил операциями до тех пор, пока Стилуэлл не приказал ему уехать. Находясь в тяжёлом состоянии, он был направлен 30 марта в 20-й госпиталь в Ледо. Командование принял полковник Чарльз Хантер.

Уингейт совершил свой последний полёт ночью 24 марта. Он объездил свои передовые позиции и направлялся в Индию в американском самолёте В-25, который потерпел катастрофу во время грозы. Самолёт врезался в гору, и находившиеся в нём Уингейт, экипаж и два английских военных корреспондента погибли. На его пост был назначен генерал-майор Лентэн.

Американцы тяжело перенесли смерть Уингейта, который завоевал уважение своей целеустремлённостью и настойчивостью в утверждении, что английские и индийские войска могут победить японцев в джунглях. Официально англичане также скорбили о его смерти, но в действительности английская старая гвардия была довольна, что избавилась от офицера, который благодаря своей оригинальности всегда служил источником неприятностей.

Японское наступление, начавшееся 17 марта 1944 года в провинции Манипур с целью изгнать англичан из Имфала и перерезать Ассам-Бенгальскую железную дорогу, являющуюся линией коммуникаций Стилуэлла, было значительно более важным событием, чем смена одного командующего и смерть другого. Без этой железной дороги войска Стилуэлла были бы обречены на голодную смерть.

Японцы форсировали реку Чиндвин у Хомалина и у Таунгдута, находящегося на расстоянии тридцати миль к югу. Они следовали по дорогам, которыми в 1942 году пользовался Стилуэлл во время своего отступления. Англичане не хотели использовать эти дороги в своём наступлении на барьер реки Чиндвин, так как считали, что «по этим тропам» они не смогут снабжаться. Однако японцы привели по «этим тропам» в Имфал не только пехоту, но также танки. Они пересекли индийскую границу и 22 марта атаковали англичан. В это время третья колонна японцев начала продвигаться вверх по долине Кабау. 17-я дивизия, та самая, которая была сильно потрепана в Бирме в 1942 году, неожиданно оказалась отрезанной. Эта дивизия несла гарнизонную службу в Тиддимае, в 164 милях к югу от Имфала.

Японские войска двигались с невероятной быстротой: они обошли Укрул и появились в районе Кохима и вдоль дороги Имфал — Кохима — Димапур. Не только 14-я армия была отрезана от наземного снабжения, но передо-

вые отряды японцев дошли до пункта, находящегося в 30 милях от Ассам-Бенгальской железной дороги. Положение было безвыходным. Неудача англичан могла привести к тому, что все возможные наступления союзников в Юго-Восточной Азии на ближайшее будущее станут неосуществимыми. Без железной дороги Стилуэлл не только не мог наступать, но ему оставался сомнительный выбор: пробиваться со своими китайцами через японские войска, которые могли заставить его отступить в Ассам, или пытаться отступить через неизведанные тропы и джунгли Гималаев в Китай.

Англичане, которые своим постоянным отказом наступать сами создали такое положение, очутились перед опасностью уничтожения четырёх дивизий, несущих гарнизонную службу в Имфале и на дороге, ведущей в Тиддим. Потеря этих дивизий явилась бы таким ударом, от которого англичане никогда не смогли бы оправиться.

Из своей хижины в джунглях Стилуэлл с возрастающим волнением следил за ходом событий. Всё, что ему удалось сделать за долгие месяцы тяжёлых переговоров и трудных военных действий, было обречено на уничтожение. Но несмотря ни на что, он продолжал свою кампанию. Китайские войска и «разбойники» Мерилла продолжали воевать, а бригады Лентэня разворачивались вдоль железной дороги Мандалай — Могаунг. Задача Лентэня заключалась в недопущении подвоза японцами грузов и подкреплений по этой дороге. Военные качества Лентэня были ещё неизвестны, но Стилуэлл не имел радужных надежд. Зная прошлые боевые действия англичан, он опасался того, что они будут разгромлены в Манипуре. Американцы не ставили и ломаного гроша за успех англичан. Тревога Стилуэлла дошла до того, что он предложил Слиму 38-ю китайскую дивизию.

Японцы вошли в Индию. При всех понесённых ими на других фронтах поражениях, такая победа давала великолепную пищу для пропаганды. Эта пропаганда сеяла панику в Индии, так как англичане продолжали издавать туманные и часто лживые коммюнике, что ещё больше подрывало доверие народа. 8 апреля Жубер заявил: «Ясно, что планы врага опрокинуты... За исключением нападения на крупные города и захвата дорог, всё японское наступление не имеет никакого значения». Пытаясь успокоить местное население, англичане, как всегда, за-

являли следующее: «Мы всё время этого ожидали и сумеем справиться»... Такая пропаганда лишь убеждала слушателей в самом худшем.

Англичанам необходимо было что-то предпринять. Уйти и оставить Ассам-Бенгальскую линию коммуникаций и Стиллуэлла на произвол судьбы? Но это вызвало бы такой взрыв общественного негодования во всём мире, что старое прозвище «коварный Альбион» показалось бы комплиментом. Отойти в долину Имфала и пытаться удержаться там, означало бы потерю четырёх дивизий. Хотя эти дивизии в основном состояли из индийцев, они представляли собой четверть всех военных сил в Индии. Ни один английский главнокомандующий не смог бы удержаться после такого поражения. Итак, англичанам необходимо было что-то предпринять и предпринять срочно.

Стиллуэлл и Стратемейер согласились передать большую часть американских военно-транспортных самолётов для поддержки 14-й армии. Эти американские транспортные самолёты, совместно с британским воздушным флотом, должны были немедленно переправить две дивизии из Аракана в Имфал. Они перевозили людей, мулов и артиллерию, оставляя лишь грузовики и тракторы. В то же время англичане продвинули 33-й корпус через всю Индию на выручку маленького потрёпанного гарнизона в Кохиме. Слим, памятуя о том, что может случиться с защитником, когда войска его рассредоточены, приказал 17-й дивизии вернуться в Имфал. Выполняя это приказание, 17-я дивизия понесла потери, примерно равные потерям 1942 года. Поэтому Слим направил ей в помощь 23-ю дивизию. Обе дивизии вернулись в Имфал, сильно потрёпанные.

С развитием японского наступления в центр внимания попала Кохима. Эту, в прошлом красивую, деревню, расположенную на высотах между Имфалом и Димапуром, защищало лишь 3 500 английских и индийских солдат, в то время как японская дивизия перерезала все пути отхода по дороге Имфал — Димапур. Слим, который мастерски провёл подготовку и осуществление своего плана защиты района Имфал — Кохима, не предвидел этого обстоятельства. Он не ожидал сильной атаки Кохимы. Захват японцами данного населённого пункта обозначал вероятную гибель всех защитников этого района.

Японцы начали напряжённую осаду Кохимы. Маунт-бэттен прилетел в Имфал и имел длительное совещание со Слимом. Но эта кампания отличалась от кампании 1942 года. Эту кампанию должны были выиграть англичане, и — в первый раз за всё время военной карьеры Слима в Юго-Восточной Азии — ему была предоставлена полная свобода. Помня о роли гражданского населения Бирмы в 1942 году, Слим эвакуировал более 50 тысяч гражданских лиц сразу, как только начались события. Это означало, что количество ртов уменьшилось на 50 тысяч, и на эту же цифру уменьшилось количество тех, которые могли мешать в военных операциях, а возможно даже участвовать в действиях «пятой колонны».

Слим собрал свои силы у Кохимы и на равнине Имфал. Он не направлял небольших подразделений для борьбы с отдельными группами врага. Слим приказал своим трём тысячам солдат Кохимы держаться до последнего человека и не дать японцам захватить Кохиму — плацдарм для вторжения в Индию — до подхода 5-й и 7-й дивизий, переброшенных из Аракана. Эти дивизии пробивали себе дорогу из Имфала. Дивизии должны были удержаться до подхода 33-го корпуса, который перебрасывался через Индию по железной дороге. В течение сорока дней английские и индийские войска выдерживали осаду, после чего прибыл 33-й корпус и соединился в Имфале с 4-м корпусом.

В течение всей осады американские воздушные силы привозили абсолютно всё, включая даже питьевую воду, осаждённым войскам в Имфале и в Кохиме. Лётчики вели самолёты сквозь самые тяжёлые муссоны. В некоторых районах возле Кохимы уровень осадков достигал 300 дюймов в год. Однако американские лётчики не прекращали снабжать англичан и даже не ворчали по этому поводу. Англичане, наконец, начали воевать. Они послали пехотную бригаду с заданием, напоминающим действия «разбойников» Мерилла, чтобы отрезать крупную базу снабжения врага в Укруле. Англичане произвели мощный артиллерийский налёт на крупную японскую часть в Бишнапуре, по дороге в Тиддим. Благодаря налётам истребителей и бомбардировщиков японцы гибли при отступлении, превратив всю дорогу в путь смерти. Японцы, лишённые снабжения, терпели поражение повсюду. Они

гибли от английского и индийского оружия, но ещё больше гибли от муссонов.

Японцы рассчитывали на молниеносный удар, который приведёт их в Ассам до того, как англичане успеют что-либо предпринять. Это был блестящий стратегический план, который мог быть осуществлён, если бы они его начали недели на две раньше. В этом случае погода не играла бы на-руку англичанам. Начались дожди; японцы были отрезаны от снабжения раньше, чем они достигли Ассама. У них не было самолётов, и они не могли снабжаться по воздуху. А американские и английские лётчики умудрялись перевозить грузы своим войскам в любую погоду. Хотя войска Слима дрались хорошо, тем не менее лишь муссоны явились решающим фактором.

Согласно официальным английским сообщениям, последний японский солдат был изгнан из Индии 25 августа. Маунтбэттен утверждал, что погибло 40 тысяч японцев. Несмотря на всю величину этой цифры, она нам кажется вполне вероятной. Японцы рискнули на эту операцию, так как они не могли остановить наступление Стилуэлла к югу — через долину Хуконга и Могаунга. Они решили напасть на англичан для того, чтобы зайти Стилуэлла в тыл в Ассаме. Таким образом, Стилуэлл осуществил, хотя и окольным путём, свою первоочередную задачу: он заставил англичан воевать. Благодаря своему наступлению, он вынудил японцев напасть на англичан, которые спокойно сидели к западу от реки Чиндвин. А англичане, в свою очередь, были вынуждены воевать, так как в противном случае они бы погибли.

В течение тех месяцев, пока Слим вёл бои в княжестве Манипур, китайские войска Стилуэлла продолжали двигаться на юг. «Разбойники» Мерилла продолжали свои обходные манёвры в помощь китайцам. Но дожди начали замедлять темп операций. Мерилл вернулся из госпиталя, убедив Стилуэлла, что хорошо себя чувствует.

Темп продвижения Стилуэлла несколько отставал от первоначального графика. Осуществление полученного им приказа захватить Мьиткьина казалось невероятным большинству американцев. Он ещё не захватил Могаунг, так что представлялось маловероятным, чтобы он успел добраться до Мьиткьина раньше, чем начнётся сезон муссонов. Но Стилуэлл должен был добраться до Мьиткьина!

Этот пункт являлся ключом всей кампании. Он имел большое стратегическое значение в качестве базы для грузовых воздушных перевозок. Захват Мьиткьина означал, что лётчики воздушной грузовой линии смогут покончить с чрезвычайно рискованной и опасной северной дорогой через «Горб» и начнут летать через более низкие горы из Мьиткьина. Бензин можно было бы перевозить в Куньмин по воздуху из Мьиткьина, куда доходили трубопроводы. Кроме того, захват этого города означал также организацию базы для истребителей, которые смогли бы впервые прикрывать весь путь через «Горб».

Стилуэлл и Мерилл разработали план объединения «разбойников» Мерилла с китайскими пехотными полками и с китайской артиллерией в три боевые группы. Эти группы должны были пройти к востоку от Шадузупа, пересечь 6000-футовый перевал Нора Хикет и попасть в Ритпонг, находящийся к северу от Мьиткьина. Этот план был очень рискован, так как дожди уже начались и период муссонов был на носу.

Подъём был слишком крут. Однако Мерилл и Стилуэлл решили попытаться. И 27 апреля Мерилл сообщил об этом своему штабу, находящемуся в сердце джунглей. В тот день прилетел Стилуэлл. Он часто летал в тыл врага для беседы с Мериллом, или же Мерилл летал в Шадузуп для переговоров со Стилуэллом. Разработанный тактический план требовал, чтобы две группы ударили по Мьиткьина, а третья прикрывала передвижение и отвлекала внимание. План требовал, чтобы ещё одна китайская дивизия была переброшена через «Горб» в Ассам, а затем отправлена на планёрах в район Мьиткьина после того, как соответствующие пункты будут захвачены боевыми группами. Стилуэллу удалось уговорить китайцев передать ему ещё одну дивизию.

Первая боевая группа «разбойников» Мерилла, известная под названием «отряд К», выступила 28 апреля под командой полковника Генри Кинисона-младшего. Из журнала боевых действий «разбойников» Мерилла, который последовательно вели майор Джон Джонс и капитан Кленси Топ, и из бесед с оставшимися в живых участниками похода можно уяснить, что произошло с этими отрядами.

Шёл дождь и тропы были в плохом состоянии. Люди устали — на них сказывалось влияние многих недель

боёв и сокращённого пайка. К 1 мая, ко второй годовщине отступления Стилуэлла из Бирмы, отряд Кинисона достиг вершины перевала Нора Хикет. Войска перебрались и перетащили большую часть животных. Проклиная всё на свете, спотыкаясь и падая в глубокую грязь, солдаты несли на своих спинах груз, предназначенный для животных.

Вторая боевая группа, носившая условное название «отряд Х», под командой Хантера, начала подъём в тот же день, когда «отряд К» достиг вершины. Третий боевой «отряд М» не начинал ещё двигаться.

3 мая Стилуэлл прилетел на совещание в штаб Мерилла в Нобум. В этот день «отряд К» успешно атаковал войска противника, окопавшиеся в районе Салоунг — Хкаянг. «Отряд К» продвигался в Ритпонг. Дожди продолжались, и начался падеж животных. Мерилл радировал Стилуэллу, что, как он считает, «отряд Х», несмотря на трудности, достигнет цели точно в назначенный срок. «Отряд М» двигался за остальными и имел несколько небольших стычек с противником. Лёгкие бомбардировщики атаковали Ритпонг.

Снова пошли дожди и стали поступать дурные вести. 9 мая Мерилл прилетел в Шадузун для беседы со Стилуэллом. Генерал спросил Мерилла, где находились его войска. «Я буду лжецом или чародеем, если скажу вам, где они или что с ними сегодня случилось», — ответил Мерилл.

«Отряд Х» обошёл Ритпонг и двигался на юг к Арангу, в направлении Мьиткьина. К вечеру 10 мая он достиг Аранга. 11 мая Мерилл вылетел к Хантеру. Он обнаружил, что американцы начали болеть тифом. «Разбойники» Мерилла попали в местность, кишевшую тифозными клещами; многие умерли, а ещё большее количество людей необходимо было эвакуировать. Кинисон умер от тифа. 12 мая 41 американец был по различным причинам эвакуирован из Аранга и оставалось ещё 79, подлежащих эвакуации. Это было тяжёлым ударом для боевой группы, состоявшей из понесшего потери американского батальона и китайского полка.

13 мая «отряд К» принял бой с японцами, дав тем самым возможность «отряду Х» продвигаться по дороге к Мьиткьина. Погода и дороги улучшались. «Отряду М» было приказано торопиться для соединения с «отря-

дом X». 13 мая Мерилл радировал Стилуэллу: «...Могу отложить дело до полудня завтрашнего дня... если вы считаете, что мы слишком рискуем. По моему мнению... у нас есть шансы на победу и мы должны попытаться».

14 мая Мерилл радировал Стилуэллу сводку о 48-часовом наступлении на Мьиткына. Он приказал «отряду М» остаться в Аранге, так как люди были настолько истощены, что не могли снова напрячь свои силы. Мерилл приказал «отряду К» двигаться вперед для поддержки «отряда X». «Отряд К», выдержавший уже много боёв и имевший значительные потери, был почти обессилен. 16 мая Стилуэлл радировал Мериллу, вспомнив терминологию игры в бейзбол:

«Начинается, пожалуй, последний круг. Счет 0—0. Вы бьёте первый». Мерилл ответил в том же смысле: «Лично и от имени всех благодарю за сообщение. Надеемся занять все места для Вас. Важность последнего круга понимаем. Постараемся при ударе не промазать».

17 мая в 10.30 утра Хантер радировал, что атакует аэродром в Мьиткына. Мерилл немедленно вылетел на самолёте, чтобы следить за наступлением. Один из американских батальонов Хантера имел лишь 10 офицеров и 200 солдат. Как только аэродром был занят, Мерилл немедленно направился в Шадузуп для переговоров со Стилуэллом о переброске китайцев. Хантер радировал, что захватил аэродром в 11.56 и собирает силы на случай возможной контратаки. Вскоре после этого он передал шифрованное сообщение: «Завтрак в кафе». Это обозначало, что аэродром может принять планы.

ДЕНДИ ИЗ КАНДИ

В старой песне поётся о том, что Цейлон — это место, где всё хорошо, кроме человека. Внезапный захват войсками Стилзуэлла аэродрома в Мьиткьина не послужил поводом для всеобщего ликования обитателей Канди, штаб-квартиры Маунтбеттена. Флагами размахивали только американцы.

Американская печать и радио с большим усердием отмечали не совсем лестную для англичан разницу между блестящим продвижением Стилзуэлла и топтанием на месте английских войск в княжестве Манипур. Хотя англичане начали сражаться в районе Имфала и Кохимы, общественное мнение всё же было настроено отрицательно, так как они продолжали придерживаться оборонительной тактики и несли на себе груз ошибок своих предшественников. Стилзуэлл пренебрег опасностью, которая угрожала его тылу, и одним мощным ударом открыл дорогу в Китай. Эти обстоятельства объясняют поведение американцев в Канди, которые испытывали чувство удовлетворения и при каждом удобном случае воспевали победу Стилзуэлла.

Иллюстрацией настроения американцев является следующая пародия на популярную песенку «О, какое чудесное утро». Эта песня, под названием «О, какой чудесный театр», была сочинена двумя военными корреспондентами¹.

О, как прекрасно сражаться за Империю,
 О, как прекрасно освобождать народы,
 Мы приносим свободу народу — не важно когда это будет, —
 Пока же мы все развлекаемся с WRN (женским морским
 вспомогательным корпусом).

¹ Текст песни дается в подстрочном переводе. — Прим. ред.

О, мы воюем в ботанических садах,
В ароматных ботанических садах.
Наши матросы плавают в виски и чае.
Но это не имеет значения — ведь они всегда не у дел.

О, SEAC (Юго-восточно-азиатское командование) — такое бравое
и деятельное.

У него такой бодрый темперамент,
Его окопы простираются от Нью-Йорка до края земли,
Но местом обороны является тыловой эшелон.

О, мы мечтаем о боях в Бирме.
О, как приятно мечтать о Бирме.
Когда Макартур и Нимиц убьют последнего японца,
Мы возьмём Бирму без всякого труда.

Старый милый Сингапур лежит в отдалении,
На безопасном и почтительном расстоянии,
Мы спланировали, как мы его возьмём, но всё это только на карте,
И мы надеемся, что если подождём, он сам упадёт к нам в объятия.

О, мы планируем комбинированные операции.
Как мы лелеем комбинированные операции!
„Димончики“ делают политику, янки воюют с японцем,
Один получает свою Империю, а другой — шаш.

Х о р:

О, что за чудный театр,
О, что за сказочное место.
Мы любим политическую войну,
Мы не сражаемся: мы только спасаем свою репутацию!

С другой стороны, англичане отнюдь не испытывали удовольствия от того положения, в котором они очутились. Юго-восточно-азиатское командование было захвачено врасплох. Ещё 15 мая, за два дня до занятия аэродрома Мьиткьина, разрабатывались планы оказания «помощи» Стилуэллу. Во время заседания у союзного главнокомандующего Уилер прервал обсуждение плана замечанием: «если вы не поторопитесь, то события сегодняшнего дня опередят ваши будущие планы». Уилер знал, конечно, что происходит, но ничего не сказал англичанам. Английский офицер заявил, что не следует брать Мьиткьина, так как «его нельзя удержать».

Сообщение о захвате аэродрома Мьиткьина появилось настолько внезапно, что ни Маунтбэттен, ни Черчилль не успели дать конфиденциальных «указаний» прессе и радио. Это послужило причиной резкой радиogramмы премьер-министра Черчилля, в которой он потребовал от Маунтбэттена объяснений, — почему Лондон не был «предупрежден». Маунтбэттен был очень зол и за-

явил на заседании своего штаба, что Стилуэлл обманул его: «когда я видел его в последний раз в Бирме, он сказал мне, что сначала возьмет Могаунг. А вместо этого он захватывает Мьиткьина, не предупредив меня. Почему я не был поставлен в известность?» Далее верховный главнокомандующий Маунтбэттен предложил издать директиву, впредь запрещающую Стилуэллу наступление на несогласованные заранее пункты, без разрешения Маунтбэттена.

Несомненно, Стилуэлл не хотел, чтобы Юго-восточно-азиатское командование знало заранее о его действиях, хотя он имел приказ о взятии Мьиткьина. Поэтому он не прибегал к газетной рекламе, но правдиво освещал в ежедневных оперативных сводках своё продвижение к Мьиткьина. Эти сводки передавались по радио в Канди и наносились на карту. Вся операция длилась двадцать один день, и Тимберман вместе с Уилером задолго до того, как была достигнута цель наступления, поняли смысл всего происходящего на основании простого изучения оперативных сводок. Понимая так же хорошо, как и сам Стилуэлл, что знание англичанами положения может вызвать по меньшей мере запрещение использовать «разбойников», американские генералы предпочли умолчать о своих догадках и соображениях. Если же Маунтбэттен не понял, к чему идёт дело, то в этом виноват только он сам и его старшие офицеры. Информация от Стилуэлла в штаб Маунтбэттена поступала ежедневно.

Жубер и Маунтбеттен совместно попытались спасти положение. 18 мая Жубер встретился с местными корреспондентами и дал им краткую сводку событий. Стараясь по возможности обойти острые углы, он, насколько было в его силах, сводил на-нет значение победы Стилуэлла. На авансцене появились чиндиты Лентэня. Некоторые из замечаний Жубера, взятые из документа с грифом «секретно», приведены ниже:

«Сегодня утром нами были получены волнующие известия. Я не думаю, что даже наиболее оптимистически настроенные люди надеялись на то, что мы так скоро окажемся в Мьиткьина. Я полагаю, что общее мнение было таково, что мы будем вполне удовлетворены захватом Камайнга. Сейчас можно сказать, что нами достигнута удобная оборонительная позиция, опираясь на которую можно предпринять дальнейшие операции. Следует иметь

в виду то обстоятельство, что в настоящее время нельзя рассчитывать на успех наступления к югу через Бирму. Я полагаю, что нашей главной задачей является защита от японского нападения воздушно-грузовой линии через «Горб»...

Я отзываюсь с высшей похвалой о генерале Стилуэлле, а также о войсках генерала Уингейта, которыми сейчас командует генерал Лентэнь. Эти войска, вне всякого сомнения, создали обстановку, позволяющую генералу Стилуэлле целиком использовать удобный момент. Следует отметить ещё одно обстоятельство: за исключением нескольких подразделений из Восточной Бирмы, 18-я японская дивизия в Северной Бирме не получала, насколько нам известно, никаких подкреплений. . .».

В действительности 18-я дивизия, противостоявшая войскам Стилуэлла, постоянно получала подкрепления, в том числе подкрепления для гарнизона в Мьиткьина, несмотря на то, что одна бригада чиндитов должна была блокировать гарнизон южнее города.

22 мая Жубер сделал ещё одну попытку. Он тайно подготовил для опубликования приказ Маунтбэттена, адресованный Стилуэлле. Подготовка этого документа к печати без ведома американцев являлась нарушением соглашения между пресс-атташе. Приказ гласил:

«Благодаря смелости Вашего руководства, опирающегося на храбрость и выносливость американских и китайских частей, Вы застigli противника врасплох и добились выдающегося успеха захватом аэродрома в Мьиткьина. Переход через перевал Нора Хикет высотой в 6 100 футов является подвигом, который будет запечатлен в военной истории. Прошу Вас передать мои личные поздравления и благодарность всем солдатам и офицерам, в том числе войскам генерала Лентэня, которые в настоящее время находятся под Вашим командованием и нарушали коммуникации врага к югу от Мьиткьина».

К этому приказу были приложены «разъяснения», гласившие, что:

«1. Объявление приказа ещё раз подчёркивает единство Бирманского театра. Успех генерала Стилуэлла стал возможен только благодаря наличию согласованного плана и взаимодействию между английскими и китайско-американскими войсками под командованием генерала Стилуэлла.

2. Действия чиндитов преследовали основную цель — нарушать коммуникации противника в Северной Бирме, по которым снабжались войска, противостоявшие генералу Стилуэллу. Войска генерала Лентэня выполняли поставленную перед ними задачу и тем самым внесли свою долю в успех генерала Стилуэлла. В настоящее время они находятся в его непосредственном подчинении».

Теперь можно подвести некоторый итог операциям чиндитов до и после издания этого приказа. Отдельные отряды вели незначительные беспокоящие действия в тылу противника, не нанося серьёзного ущерба. Находясь в джунглях Бирмы, Стилуэлл сказал Слинью, что ожидает от чиндитов «драки», а не «борьбы с тенями». Под «борьбой с тенями» Стилуэлл имел в виду тактику «ударить и убежать». Стилуэлл рассчитывал, что чиндиты наглухо закроют тылы японцев и тем самым прекратят подход подкреплений, а также отрежут пути отступления. Для этого было необходимо оседлать дороги и тропы и прочно удерживать их в течение значительного времени.

Подобная тактика, естественно, потребовала бы значительных потерь со стороны англичан. Это было известно всем. Стилуэлл отдавал себе отчёт, что без проведения подобной тактики чиндиты явятся для него только обузой. Они не смогут осуществить ничего серьёзного и лишь обременят линию снабжения войск Стилуэлла, так как их надо будет кормить и снабжать боеприпасами.

Насколько известно автору этой книги, первое столкновение между Стилуэллом и Лентэнем произошло в конце мая. Стилуэлл приказал Лентэню прочно оседлать дорогу у Хопина, южнее Могаунга, чтобы перерезать пути отхода японцам, отступающим под давлением китайцев. Лентэнь обратился по радио с жалобой непосредственно к Джиффарду. Так как в то время Стилуэлл всё ещё находился в подчинении 11-й армейской группы, Джиффард приказал Стилуэллу не задерживать чиндитов на дороге позднее 31 мая. Стилуэлл ответил, что он не потерпит подобного вмешательства в тактические планы и просил Джиффарда вывести чиндитов из его подчинения. Поскольку обстановка могла привести к международным осложнениям, Джиффард отменил своё приказание.

Однако чиндиты или не хотели или были бессильны удержать дорогу, и отошли 27 мая.

Примерно в то же время Маунтбэттен получил от своего начальника штаба сэра Генри Паунолла, находившегося в Лондоне, радиogramму, которая гласила:

«Я информировал английских начальников штабов, что войска Лентэня, предназначенные для действия в глyбском тылу, не имеют особой ценности».

После того как чиндиты были выбиты с дороги южнее Могаунга, Стилyэлл приказал одной колонне чиндитов провести разведку боем и атаковать Могаунг. Он отдал такой же приказ и другому отряду чиндитов. Ни один из приказов не был выполнен.

Примерно 4 июня Стилyэлл поставил Маунтбэттена в известность об этих фактах и сообщил, что за радиogramмой последует официальный доклад. Он просил Маунтбэттена немедленно освободить его от командования чиндитами, но обещал «продолжать снабжать их и оказать им всяческое содействие при выходе из зоны боёв».

Маунтбэттен был весьма озадачен происшедшим и просил Стилyэлла отложить принятие решительных мер до того, как Слим расследует всё это дело. Слим произвёл дознание и доложил, что Стилyэлл был полностью прав. Далее Слим доложил, что Стилyэлл оставит у себя чиндитов, так как Лентэнь начал склоняться к выполнению приказов Стилyэлла в будущем.

Во второй половине июля Тимберман был направлен в Чунцин для того, чтобы более настойчиво проводить там линию Стилyэлла. Мерилл занял место Тимбермана в качестве главного офицера связи Стилyэлла в Канди. В это время Стилyэлл вновь доложил о неприятностях с Лентэнем. Всего Стилyэлл перечислил пятнадцать случаев невыполнения приказов и сообщил, что направил следователя в части Лентэня, чтобы взять у всех заинтересованных лиц под присягой показания, которые будут приложены к докладу, направляемому Маунтбэттену и военному министерству США.

Маунтбэттен направил для расследования комиссию в составе Ведемейера и генерал-майора Плейфера — представителя Джиффарда в Канди, который весьма неодобрительно относился к Стилyэллу. Комиссия вернулась и доложила Маунтбэттену, что Стилyэлл во всех своих за-

явлениях был совершенно прав, но комиссия всё же решила не делать никаких выводов.

В это время 36-я английская дивизия прибыла в распоряжение Стилуэлла и генерал был весьма доволен как дивизией, так и её командиром генерал-майором Фестингом. Стилуэлл хотел, чтобы 36-я дивизия как можно скорее сменила чиндитов.

Во время расследования выявилось весьма любопытное обстоятельство. Оказалось, что Джиффард направил в войска Стилуэлла несколько офицеров, которые должны были собрать компрометирующий Стилуэлла материал. Эти офицеры довели до сведения Фестинга, что он будет иметь от Стилуэлла много неприятностей. Фестинг сообщил об этом Плейферу и, как говорят, добавил: «Уберите отсюда своих проклятых ищеек. Мы с генералом Стилуэллом очень хорошо сработались. Если у меня будут какие-либо осложнения, я сам дам об этом знать генералу Джиффарду». 36-я дивизия сменила чиндитов, сражалась, выполняла приказы и с ней не было никаких неприятностей.

В это время произошёл скандал с «разбойниками» Мерилла. После 100 дней почти непрерывных боёв в джунглях они стали вспоминать о данном им каким-то неосторожным офицером обещании, что их будут использовать только для непродолжительных опасных заданий. Из-за неправильно понятых распоряжений выздоравливающие «разбойники» были взяты из госпиталей и их начали готовить к десанту в Мьиткьина. Всё вместе взятое привело почти к полному падению морального состояния «разбойников».

К 23 августа это дело было почти позабыто. Но 23 августа Жуберу напомнила об инциденте с «разбойниками» вырезка из лондонского «Таймс». Он предложил майору Л. Хоуп, исполняющему обязанности английского пресс-атташе, передать в официальную прессу сообщение о том, что «разбойники» имели ряд неудач, но тем не менее они выигрывали сражения. Хоуп позвонил автору настоящей книги и попросил приготовить текст. Автор книги рассматривал это предложение как возобновление старой сплетни, которая может опорочить прекрасную боевую часть. Поэтому 24 августа автор нанёс визит Жуберу и сообщил ему, что если в прессе появится сообщение о «разбойниках», то он даст интервью военным кор-

респондентам, в котором расскажет о неудачах чиндитов. Жуберу было сказано, что предложение составить подобную заметку о «разбойниках» является ещё одной попыткой запятнать честь американцев. Ниже приведены выдержки из меморандума, подготовленного для Стилуэлла немедленно после встречи с Жубером:

«1. Жубер заявил, что если бы он представлял себе подоплёку всего этого дела, то он не сделал бы подобного предложения... Теперь, зная все обстоятельства дела, он отдаёт себе отчёт, что публичное заявление по этому вопросу всколыхнёт лишь всю скандальную историю.

2. Он всегда считал, что «разбойники» Мерилла были единственной частью в этой кампании, которая была правильно использована, и что с военной точки зрения чиндиты не принесли никакой пользы.

3. Мы слишком большое внимание уделили чиндитам в прессе, — отметил он дальше, — но больше мы этого не повторим. Нам было приказано премьер-министром проводить подобную кампанию. Уингейт убедил премьер-министра, что чиндиты представляют собой значительную силу.

4. Мне бы хотелось, — сказал он далее, — уладить все эти дела без взаимных неприятностей.

Я ответил маршалу авиации Жуберу следующее:

Со времени моего приезда сюда я всё время пытался убедить Вас присоединиться к нашей политике и выработать общую линию, при которой вы можете делать то, что считаете нужным по отношению к своим колониям, но не мешать при этом нам.

5. Я признаю, — ответил он, — что нам необходимо считаться с людьми, над которыми мы владычествовали и будем владычествовать вновь. Видите ли, многие из противоречий возникают из-за того, что адмирал Маунтбэттен держит меня в неведении. Я не информирован по целому ряду вопросов».

Назревало много событий, большая часть которых была неприятна англичанам. Стилуэлл и правительство Соединённых Штатов оказывали всё возрастающее давление на Чан Кай-ши, требуя, чтобы было начато наступление вдоль реки Сальвин. Для этой цели в Юньнане имелось 16 китайских дивизий. Эти дивизии получили некоторое количество вооружения по лендлизу и прошли боевую подготовку под руководством офицеров, окончивших военные училища Стилуэлла в Китае.

Генерал Хо Ин-цин официально поставил Маунтбэттена в известность (возможно, именно в этом и проявился злой китайский юмор), что китайцы готовы начать наступление вниз по Сальвину для того, чтобы «спасти ваши войска в Имфале». В этот момент 14-я армия была прижата японцами к Имфалу. Примерно в то же самое время лорд Маунтбэттен получил письмо от мадам Чан Кай-ши, в котором она сообщала, что генералиссимус Чан Кай-ши согласился провести кампанию на Сальвине с целью «спасения ваших войск в Аракане». Эти предложения были чересчур оскорбительны для англичан, так как исходили от представителей армии, которая, по английским определениям, представляла собой «безответственный сброд».

Англичане опасались, что генерал Хо Ин-цин и мадам Чан Кай-ши сделают публичное заявление на эту тему. Английский престиж мог выдержать многое, но подобного он бы не перенёс. Маунтбэттен радировал хитрому генерал-лейтенанту А. Картон де Виарту, личному представителю премьер-министра в Чунцине, о необходимости сообщить Чан Кай-ши, что англичане с большим энтузиазмом относятся к проектируемой Сальвинской операции, но особо и настойчиво подчеркнуть, что она не имеет целью помочь англичанам. Жубер поставил в известность пресс-атташе 14-й армии, что официальной линией печати будет следующее положение: «Японцы понесли в Бирме настолько тяжёлое поражение, что даже китайцы теперь могут принять участие в борьбе».

Единственным утешением в этой мрачной для англичан картине были неудачи Стилуэлла у Мьиткьина. Из-за плохой разведки «разбойники» не знали, что город оборонял лишь один батальон японцев. Поэтому, будучи истощены и понеся большие потери, «разбойники» захватили аэродром и окопались, рассчитывая обороняться до того момента, когда удастся по воздуху перебросить китайские подкрепления для захвата самого города. Китайцы прибыли вовремя, но из-за какой-то необъяснимой ошибки порядок их прибытия был перепутан. Последняя прибыла последней. Чиндиты не смогли приостановить подход японских подкреплений, и когда союзники, наконец, подготовились наступать, то натолкнулись на сопротивление двух хорошо окопавшихся японских полков.

Китайские части, переброшенные из Китая по воздуху, ничем не отличались от прочей китайской армии. Они обладали смелостью, но не имели ни малейшего представления о том, как надо наступать. После первых потерь они окопались и отказались атаковать. Использовать «разбойников» в качестве ударного кулака не представлялось возможным. Поэтому Стилуэлл в отчаянии приказал Пику вооружить и перебросить по воздуху два батальона сапёров из линейных частей; предполагалось, что их личный состав получил первоначальное пехотное обучение, умел пользоваться оружием и знал основы тактики. Но в действительности некоторые сапёры не умели стрелять из винтовок. То же самое относилось к пехотным пополнениям, которые только что прибыли в Индию и срочно перебрасывались в район Мьиткьина. Это были совершенно необстрелянные части. Их сразу послали на передовую; некоторые солдаты, увидев противника, не выдержали и пустились в бегство на глазах у китайцев. Для Стилуэлла это были тяжёлые и мрачные дни.

В то время как генерал Стилуэлл сидел в своей насквозь промокшей палатке в Шадузупе, пытаясь протолкнуть свои войска через реки, разлившиеся от муссонов, чтобы захватить Могаунг и выбить противника из Мьиткьина, штаб Маунтбэттена заседал среди чудес и красот всемирно известного ботанического сада Пэрадения. Маунтбэттену были обещаны дополнительные американские транспортные самолёты для поддержки операции в Бирме. Из-за неясности положения в Манипуре и неудач в Аракане большая часть этих самолётов была передана на другие театры операций.

Генерал Хо Ин-цин сообщил Маунтбэттену по радио, что он не может продвинуть войска маршала Вей Ли-хуана вниз по реке Сальвин и обеспечить их снабжение без помощи одного из авиатранспортных отрядов Маунтбэттена. Обычно распределение этих отрядов между отдельными театрами операций зависело в конечном итоге от Объединённого англо-американского штаба, который, как правило, соглашался с рекомендациями соответствующих главнокомандующих. Маунтбэттен не хотел, чтобы вина за отказ китайцам лежала на нём, и поэтому он сообщил Хо Ин-цину, что разрешение вопроса он передал на усмотрение своего заместителя, т. е. Стилуэлла. Лорд Луи Маунтбэттен никак не

мог рассчитывать на согласие Стилуэлла удовлетворить просьбу китайцев, и поэтому он был потрясен и рассержен, получив «для сведения» копию радиограммы Стилуэлла Объединённому англо-американскому штабу, в которой Стилуэлл без всяких обиняков просил направить отряд в распоряжение китайцев. Это «серьёзное положение» и явилось предметом продолжительных обсуждений на ряде заседаний штаба Маунтбэттена.

Штаб Маунтбэттена обсуждал вопрос о выводе войск Стилуэлла из подчинения 11-й армейской группы, причём Джиффард открыто выступал против этого. Маунтбэттен в конце концов сказал, что необходимо следовать договорённости. Теперь Стилуэлл подчинялся непосредственно адмиралу. Но обстановка была такова, что адмирал стал опасаться Стилуэлла, и поэтому между ним и Стилуэллом потребовался буфер. «В конце концов, — сказал однажды Маунтбэттен в частной беседе, — я ведь только адмирал, которого заставили заниматься войной в джунглях, а об этом я не имею ни малейшего представления. Мне нужен сильный общевойсковой командир в качестве советника». И началось обсуждение вопроса об учреждении должности союзного командующего сухопутными войсками в качестве промежуточной инстанции между Маунтбэттеном и его подчинёнными.

На одном из заседаний своего штаба рассерженный Маунтбэттен заявил, что у широкой публики составилось мнение, будто войска Стилуэлла являются единственными, которые сражаются в Азии. Он заявил далее, что его войска в Манипуре и Аракане не получили никакой известности, если не считать критических замечаний об их неспособности наступать. Адмирал приказал: отныне все сообщения для печати Стилуэлла, Стратемейера, Дэвидсона и Слива отменяются и остаётся только коммюнике его штаба.

Генерал Султан, зная точку зрения Стилуэлла по этому вопросу и опасаясь английской монополии на все сообщения о военных действиях, возразил против предложения адмирала. Результатом его возражений явилось состоявшееся на следующий день совещание между Маунтбэттеном, Султаном, генерал-майором Г. Е. Вильдман-Лашингтоном, помощником начальника штаба Маунтбэттена, и автором этой книги. После длительной дискуссии было достигнуто компромиссное решение: сообщения

для печати сохранились, но они сводились в одно коммюнике штаб-квартиры Маунтбэттена.

Американцам удалось достичь соглашения, по которому они имели право направлять отдельное сообщение Стилуэлла в Чунцин, чтобы оно там опубликовывалось военным обозревателем. Это, конечно, автоматически наносило поражение адмиралу, который стремился задержать опубликование сообщений для печати до выпуска своего коммюнике. Он, повидимому, представлял себе опасность, которая таилась в этом соглашении, и вначале не давал согласия на чунцинский вариант. Но ему было указано, что без этого соглашения китайцы будут фабриковать свои собственные сообщения о подчинённых Стилуэлли китайских войсках и что эти сообщения могут оказаться для него, лорда Маунтбэттена, совершенно неожиданными. «Представим себе,— говорили американцы,— что китайский военный обозреватель начнёт сообщать, будто китайские войска, действующие вокруг Могаунга, начали операции по спасению англичан путём оттягивания японских сил от Имфала и Аракана». Испугавшись такой возможности, Луи Маунтбэттен ответил:

— Да. Это было бы плохо. Даже очень плохо! Вы можете опубликовывать свою сводку в Чунцине.

Англичане предпринимали и другие попытки объединить и контролировать источники информации. Что касается военных действий, то англичане не имели никакого успеха в Манипуре и отошли на старые позиции, которые занимали до наступления сезона муссонов. Китайцы начали наступление вниз по реке Сальвин, а войска Стилуэлла захватили Могаунг. Отход англичан вызвал буквально истерику лорда Маунтбэттена. На заседании штаба Маунтбэттен заявил: «Мои подчинённые постоянно не выполняют мои приказы. Отныне я не потерплю неповиновения».

Маршал Вей Ли-хуан, которого подстёгивал бригадный генерал Дорн, главный офицер связи при китайских войсках в Юньнани, топтался у реки Сальвин и на окружающих высотах. Сомнительно, чтобы его войскам противостояло более двух полков, но он находился в весьма затруднительном положении. Японцы хорошо окопались, заняв естественные оборонительные рубежи, а китайские войска не имели того снаряжения, подготовки и командного состава, который получили две дивизии, обученные

Стилуэллом в Рамгаре. По обыкновению, Хо Ин-цин обещал пополнение для войск сальвинской группы и, как обычно, не сдержал своего обещания. Войска потеряли 28 тысяч человек от ранений, болезней, голода, но пополнения не поступали.

Хотя китайцы всё же кое-как двигались по реке Сальвин и Стилуэлл продолжал наступать, а англичане начали своё второе наступление в Манипуре, однако дела обстояли как в политическом, так и в военном отношении далеко не блестяще. Полученное 29 мая донесение от Картона де-Виарта произвело на сотрудников Стилуэлла впечатление разорвавшегося снаряда. Хо Ин-цин посетил де-Виарта и Ферриса и сообщил, что японцы перебрасывают 16 дивизий на юг Китая. Хо Ин-цин считал, что целью японцев являлся захват железной дороги Ханькоу — Кантон, что отрезало бы передовые аэродромы Ченнолта и поставило бы под удар Куньмин.

Куньмин являлся осью стратегии Соединённых Штатов на Дальнем Востоке. В Куньмине было расположено большинство военных училищ, он был базой операций на реке Сальвин и 14-й воздушной армии. Кроме того, после окончания постройки «дороги Стилуэлла» Куньмин становился конечным пунктом трубопровода и следования грузовых колонн. Китайская разведка в Китае всегда давала точные сведения, если только она не служила каким-либо посторонним целям; поэтому де-Виарт и Феррис считали, что предположение Хо Ин-цина вполне обосновано. Ченнолт был встревожен и внезапно отказался от своего заявления, что он может удержать японскую армию с помощью военно-воздушных сил. Он сказал, что удержать японцев может китайская армия, а он для оказания ей эффективной помощи должен иметь большее количество материальной части. Де-Виарт настаивал, чтобы Маунтбэттен рекомендовал Объединённому англо-американскому штабу направить самолёты В-29, которые не были ещё к тому времени использованы против Японии, в распоряжение Ченнолта.

С политической стороны, англичане испытывали всё большее беспокойство о положении, которое они будут занимать при заключении мирного договора с Японией. Стратегия на Тихом океане осуществлялась Соединёнными Штатами таким путём, что Англия не принимала никакого участия в планах захвата японских островов.

Общеизвестно, что военный флот США ни при каких условиях не соглашался на присутствие английского флота в Тихом океане. Англичане, не имея объектов для действия флота в Юго-Восточной Азии, пытались навязать свой Восточный флот адмиралу Нимиц, чтобы дешевой ценой обеспечить себе участие в войне на Тихом океане.

Нимиц, при поддержке морского министерства США, упорно отказывался от английских кораблей. Военные соображения по этому поводу были двоякими: во-первых, значительно более выгодно вести самостоятельную кампанию, не испытывая при этом беспокойства из-за союзников, и во-вторых, по американским стандартам, английский флот полностью устарел. Возможно, что существовали и более серьёзные дипломатические соображения.

То обстоятельство, что общее положение на Тихом океане глубоко интересовало англичан, можно проиллюстрировать следующими выдержками из секретного меморандума, написанного мистером Гарольдом Батлером, британским послом в Вашингтоне. Этот меморандум был озаглавлен «Общественные притязания к войне в Азии» и был направлен Юго-восточно-азиатскому командованию.

«С политической точки зрения, особый интерес представляет наиболее полное освещение английского участия в войне против Японии. Степень участия Англии в войне или, вернее, американское общественное мнение по этому поводу, в значительной степени повлияет как на американское отношение к дальневосточной проблеме, так и на англо-американские отношения в целом. Если американское общественное мнение будет считать, что Англия принимала значительное участие в войне против Японии, то оно, вероятно, проявит более благожелательное отношение к нашим требованиям во время заключения мира. До настоящего времени в отношении Англии существует мнение, что она пытается большую часть тягот войны свалить на Америку...»

Ниже приведена выдержка из меморандума на ту же тему, написанного Скоттом Кобурн из Управления английской информационной службы в Вашингтоне:

§ д) М и р о в а я с т р а т е г и я. Необходимо показать Америке влияние военных усилий Англии на ведение военных операций американцами. Например, если бы нам удалось показать, что наше сопротивление японцам способствовало провалу их попытки перерезать линию

(Ассам—Бенгал), снабжающую американцев, это в значительной степени способствовало бы повышению общественного внимания к этому театру операций, который находится в загоне. Показать, что в соединённых усилиях английские войска сыграли свою роль, не является достаточным. Важно подчеркнуть влияние чисто английских усилий на события в американской зоне интересов».

Приведённые ниже выдержки из пространного заявления Маунтбэттена для прессы от 21 августа 1944 года взяты только в качестве иллюстрации английской линии в вопросах прессы и общественного мнения. Замечания в скобках даны автором книги. Это заявление было опубликовано английским министерством информации в Лондоне, где в то время находился Маунтбэттен, прибывший для участия в совещании.

«...Для всего Бирманского театра операций в целом был составлен согласованный план, целью которого являлось обеспечение наступления войск на северо-востоке. Генерал Стилуэлл, являющийся моим заместителем, с большой смелостью лично руководил своими войсками в секторе Ледо. Под его командованием находились те китайские войска, которые он ранее смог вывести из Бирмы в Индию и которые позднее были укомплектованы. Эти войска являют собой хороший пример сотрудничества союзников, так как они снаряжены и обучены Соединёнными Штатами, а оплачиваются и получают продовольствие от англичан. Знаменитые «разбойники» в большой степени содействовали продвижению войск вниз по долине Хуконга на Мьиткьина и Могаунг.

Для выполнения общего плана действий в Бирме необходимо не допускать переброски значительных японских подкреплений. Тем самым японцам не будет дана возможность приостановить продвижение китайско-американских сил. 14-я армия могла существенно помочь продвижению войск в секторе Ледо двумя путями. Первый способ — перерезать коммуникации японской 18-й дивизии, которая стояла против наших войск у Ледо. Второй способ — связать военными действиями остальные дивизии японцев в Бирме. Первая задача — перерезать линии коммуникации 18-й японской дивизии к югу — была поручена отрядам генерала Уингейта, предназначенным для действий в глубоком тылу. В состав этих войск входила западно-африканская бригада. Переброска

этих войск по воздуху была осуществлена американскими планеристами под командованием полковника Кочрэна, которому содействовали английские и американские авиатранспортные отряды. Вторая задача оказалась бы несравненно более сложной, если бы планы противника, к нашему счастью, не сыграли нам на-руку (Маунтбэттен перешёл к описанию сражений в Аракане и Манипуре).

...Таким образом видно, что японский план в значительной степени помог нам, так как мы стремились, чтобы они атаковали наши войска как можно дальше от намеченной линии наступления в долине Хуконга.

В это время американские и китайские войска ценой больших усилий перешли через перевал Нора Хикет и совершенно неожиданно для противника заняли аэродром в Мьиткьина, что позволило перебросить по воздуху американские и китайские подкрепления.

Кроме того, одна из бригад, предназначенная для действия в тылу (теперь ими командовал генерал Лентэнь, сменивший Уингейта, погибшего во время авиационной катастрофы в джунглях), вступила в Могаунг с юга и вскоре встретилась сдвигающимися с севера китайскими войсками (чиндиты атаковали лишь после того, как первоначально наотрез отказались идти в атаку). Таким образом ясно, что захват Мьиткьина и Могаунга явился результатом серии тесно координированных операций, проведённых английскими, американскими и китайскими войсками. 36-я дивизия в настоящее время находится в подчинении генерала Стилуэлла.

Смерть Уингейта была большим несчастьем. Он погиб в момент своего триумфа. Он был создателем новой тактики и его пример воодушевляет войска, действующие в тылу противника, которые он лично так блестяще обучил (лорд Луи Маунтбэттен был, вероятно, единственным авторитетным английским сторонником идеи Уингейта в Азии, но даже он сказал однажды во время обеда, что чиндиты не имели большого военного значения).

Все эти внушительные результаты были достигнуты ценой тяжёлых потерь. Союзные войска в 1944 году потеряли 10 тысяч убитыми, 3 тысячи пропавшими без вести и 27 тысяч ранеными. Но эти потери были отомщены, так как противник потерял убитыми не менее 50 тысяч.

...Выше я остановился на вопросах снабжения по воздуху. С мая месяца самолётами было перевезено 70 тысяч

тонн груза и 93 тысячи человек, в том числе 25 500 раненых (американские авиадесантные эскадрильи численностью по 13 самолётов каждая перевозили вдвое больший груз, чем эскадрилья из 25 самолетов британского воздушного флота, т. е. вчетверо больший груз в день). Эти цифры не включают огромные перевозки по воздуху в Китай.

На море мы также не были праздными. Восточный флот под командованием адмирала сэра Джеймса Соммервелла всё увеличивал своё давление, чтобы попытаться вовлечь японский флот в сражение или же блокировать часть флота в Малаккском проливе и помешать ему выступить против американского флота на Тихом океане (этот японский флот, наверно, состоял из призраков. Его никто и никогда не видел).

Общий успех этих действий ясно показывает, что соотношение морских сил в Юго-Восточной Азии неуклонно изменяется в нашу пользу (Восточному флоту были противопоставлены лишь подводные лодки). Японский флот в настоящее время боится принять сражение в Индийском океане, Бенгальском заливе и в Тихом океане.

...Я хотел бы воспользоваться этой возможностью с тем, чтобы отдать должное правительству Индии и индийскому командованию. Значение Индии в качестве базы для операций в Юго-Восточной Азии невозможно переоценить. Огромные успехи, достигнутые за последний год в средствах транспорта Индии, дают твёрдую основу для будущего (Маунтбэттен имеет в виду железную дорогу, построенную американцами, и портовый персонал). Я желал бы особенно подчеркнуть личную помощь и поддержку, полученные мной от лорда Уэйвелла и генерала Окинлека, а также от моего заместителя генерала Стилуэлла, чьё знание Востока оказалось для меня весьма полезным при выполнении нашей общей задачи.

Я выражаю свою радость по поводу того, что мне была предоставлена возможность сделать попытку изложить значение бирманской кампании 1944 года. Я горжусь смелыми боевыми действиями, которые имели место на всех фронтах, и надеюсь, что моё заявление будет способствовать тому, что прочитавшие его люди также испытают чувство гордости за успехи своих соотечественников и будут благодарны союзникам, которые помогли нам в этих достижениях».

Ещё одна конференция в Квебеке должна была открыться в ближайшее время, и Маунтбэттен прибыл в Лондон для беседы с английскими начальниками штабов перед их отъездом в Квебек.

Когда лорд Луи Маунтбэттен намеревался передать командование (в связи с отъездом в Лондон), встал вопрос о том, кто должен исполнять обязанности верховного главнокомандующего во время его отсутствия. В любой нормальной организации заместитель союзного верховного главнокомандующего автоматически принял бы на себя его обязанности. Но так как положение Стилуэлла в штабе Маунтбэттена было совершенно необычным, то лорд Луи Маунтбэттен был уверен, что генерал Стилуэлл откажется приехать и принять командование. Во время одного из заседаний штаба, в тот период, когда он был особенно рассержен на Стилуэлла, адмирал сказал по адресу Стилуэлла: «Что ж вы от него хотите? Он даже не приезжает навестить меня». Англичане не могли произвольно назначить заместителя на время отсутствия Маунтбэттена, не отстранив Стилуэлла. Поэтому они всячески пытались повернуть дело так, чтобы отказ поступил от Стилуэлла. Маунтбэттен послал Стилуэллу радиogramму, в которой говорилось: «...Вопрос о том, кто будет исполнять обязанности главнокомандующего во время моего отсутствия, является чрезвычайно сложным». Стилуэлл, прекрасно отдавая себе отчёт, какие последствия вызовет его ответ, сообщил: «Не вижу никаких затруднений. Прибуду и приму командование».

Маунтбэттен и его компания таким образом «доигрались». На заросших травой полянах ботанического сада воцарилась паника. Что можно было сделать? Неужели это чудовище действительно приедет в милое Канди? Что он будет делать, имея в руках всю власть? Планировщики усиленно занимались своей постоянной работой, намечая схемы отказа от Северо-Бирманской операции и разрабатывая планы десантной операции. Прикажут ли им покончить со своими бесконечными исследованиями и совещаниями? После ряда напряжённых совещаний англичане решили, что им придётся смириться. Другого ничего не оставалось.

Стилуэлл прилетел в Коломбо 31 июля. Его встречал Мерилл. Генерала немедленно отвезли в длинном чёрном «Кадиляке» в помещение штаба. Маунтбэттен выехал

в Лондон 2 августа, и Стилуэлл принял командование. Он председательствовал на ежедневных заседаниях штаба союзного главнокомандующего и заканчивал их в 10 минут. При Маунтбэттене обычно заседания длились около двух часов. Стилуэлл дал указание, что отныне все английские вопросы могут разбираться начальником штаба, а он лично будет разбирать все вопросы, связанные с американскими войсками. Далее он заявил, что не видит оснований для дальнейших заседаний; его интересует только отдых и он ожидает, что начальник штаба будет выполнять 99 процентов командных функций в отсутствие лорда Маунтбэттена. В связи с этим английский вздох облегчения можно было услышать даже в Калькутте.

Стилуэлл являлся в свой кабинет по утрам для разбора преимущественно дел, связанных с Китайско-Бирманско-Индийским театром операций, а по вечерам читал, пытался играть на аккордеоне или же гулял. Он отказался пользоваться кабинетом Маунтбэттена, который был весьма пышно обставлен и не уступал по длине кабинету Муссолини. Стилуэлл работал в том же помещении, где расположились его офицеры связи.

Когда Стилуэлл находился ещё в Канди, англичане получили ответ на свой ход, направленный к удалению его с поста заместителя союзного верховного главнокомандующего. Правительство Соединённых Штатов произвело Стилуэлла в генералы армии. Он узнал об этом так. Офицер просунул голову в дверь кабинета и сказал: «Я только что видел извещение о том, что вы получили четвёртую звезду». Кроме того, Стилуэлл получил право контроля над всеми поставками по лендлизу для Юго-восточно-азиатского командования, т. е. контроля над линией снабжения Маунтбэттена.

Маунтбэттен вернулся из Лондона 24 августа; Стилуэлл выехал в Дели, и затем в Чунцин, 29 августа. Когда он находился в Канди, англичане очистили Манипур, а китайско-американские войска, наконец, захватили Мьиткина и продвигались дальше на юг. Англичане не форсировали Чиндвин и дали японцам возможность перегруппироваться и занять оборонительные рубежи.

О Т С Т А В К А

Стилуэлл отправился в Дели, чтобы встретиться с Дональдом Нельсоном и генерал-майором Патриком Хэрли, последними посланцами президента, имевшими задачей образумить генералиссимуса Чан Кай-ши, заставить его хоть немного начать воевать. За два с половиной года деятельности Стилуэлла (к сентябрю 1944 года) даже президент Рузвельт стал твёрд по отношению к правительству гоминдана.

В течение всех этих лет Стилуэлл, поддерживаемый своим правительством, настаивал на том, чтобы Чан Кай-ши пришёл к соглашению с коммунистами, в результате чего объединённую мощь гоминдановских и коммунистических армий можно было бы повернуть против общего врага. Разные личные представители президента летали в Китай, чтобы поддержать Стилуэлла в его требованиях. Самым последним был вице-президент Генри Уоллэс, который сообщил Чан Кай-ши, что правительство США чрезвычайно обеспокоено нежеланием гоминдана притти к какому-либо рабочему соглашению с коммунистами.

Чан Кай-ши всегда уверял лиц, посещавших его, в том, что он вот-вот начнёт большое наступление, но на деле даже и не думал наступать. Те же обещания так и сыпались с языка китайских чиновников из числа приверженцев Чан Кай-ши и Хо Ин-цина, но производили уже не большее впечатление, чем удары гроха об стену. По словам одного американского дипломата, большого поклонника китайцев, каждый китайский чиновник продажен.

Чан Кай-ши продолжал настаивать на передаче в его руки контроля над распределением товаров лендлиза для того, чтобы он мог снабдить свою армию и спокойно и жестоко рассчитаться с коммунистами, когда Америка вы-

играет войну. Журнал «Тайм», сделав вежливый поклон в сторону Чан Кай-ши, процитировал его слова, в которых он изъявлял желание сам распоряжаться лендлизом, подобно тому, как это делают другие правительства. Чан Кай-ши будто бы сказал, что Соединённые Штаты обращаются с ним, как с вором.

Никто не обвинял Чан Кай-ши в том, что он вор. Зачем ему воровать? Китайская казна и так была к его услугам. В правительстве и армии Китая имелась группа нечистых на руку людей, которые возвели искусство воровства на такую высокую ступень, что самые знаменитые воры Соединённых Штатов выглядели рядом с ними неуклюжими дураками.

К тому времени, когда Хэрли и Нельсон настаивали на том, чтобы Чан Кай-ши пришел к соглашению с коммунистами, и предъявляли другие требования Соединённых Штатов, дела во всём Китае шли из рук вон плохо. Ченнолт, наконец, понял, что его воздушные силы не могут остановить японские армии, несмотря на всю свою храбрость. Одна за другой пали передовые базы 14-й воздушной армии и Ченнолт обратился, наконец, к генералу Султану с просьбой, о том, чтобы он дал больше вооружения и боеприпасов для китайской армии. Надо было защищать оставшиеся аэродромы. Все самолёты получили задачу: перевозить пехотное оружие, боеприпасы и артиллерию, предназначенные китайским войскам. Но было слишком поздно. Стилуэлл оказался прав. Двухлетняя работа по постройке аэродромов пропала даром. Японцы шли к Гуяюану, находящемуся на полпути между Чунцином и Куньминем, и угрожали обоим городам так, как им ещё никто никогда не угрожал.

Как ни странно, но в Индии и Бирме картина была несколько более утешительной. Джиффарда больше не было вследствие упразднения штаба 11-й армейской группы и назначения генерала сэра Оливера Лиз главнокомандующим всеми союзными наземными силами. Сэр Оливер ознакомился с положением дел и доложил Маунтбэттену, что ему надоело это бесконечное планирование. «У нас есть определённая задача,— сказал он,— надо её выполнить, а потом думать о следующем шаге». Он развязал руки Слимму, и 14-я армия начала свой путь на Мандалай.

В Мьиткьина генерал Султан, замещая Стилуэлла, командовал китайцами, частями специального назначения

«Марс», смешанной китайско-американской бригадой и 36-й английской дивизией. Китайцы и «Марс» неуклонно продвигались по дороге, ведущей к Бамо, и повернули на Бирманскую дорогу, где они впоследствии соединились с частями сальвинской группировки. Султан, неожиданно для всех, очень умело обращался с англичанами. Фестинг приобрёл известность как наиболее примечательный и бесстрашный генерал после Стилуэлла. Он вёл свою 36-ю дивизию на юг от Могаунга, защищая китайский правый фланг.

Хотя политика Соединённых Штатов в Китае предусматривала сохранение власти Чан Кай-ши, тем не менее Хэрли и Нельсон выдвинули резкие требования, граничившие с ультиматумом.

Эти требования были:

1. Заключить соглашение между коммунистами и гоминданом, чтобы армии обоих правительств могли соединиться для создания эффективного фронта против японцев.

2. Назначить Стилуэлла главнокомандующим всеми союзными силами в Китае, чтобы обеспечить наиболее правильное распределение всех товаров и вооружения, получаемых китайским театром операций. Облечь Стилуэлла такими полномочиями, чтобы он мог реорганизовать китайскую армию, назначать командиров и снимать марионеточных генералов.

3. Пересмотреть кабинет Чан Кай-ши и удалить из него некоторых министров (особенный упор делался на Хо Ин-цина) и лиц, наживающихся на лендлизе.

С самого начала Стилуэлл пытался заставить Чан Кай-ши притти к соглашению с Мао Цзе-дуном, лидером коммунистов. Перед Стилуэллом, как солдатом, стояла единственная задача, которую необходимо было выполнять без промедления,— драться с японцами всеми наличными средствами. Для этого нужно было отозвать с севера пятьсот тысяч отлично вооружённых гоминдановских войск, которые были заняты борьбой с коммунистами. Кроме того, Стилуэлл хотел также использовать коммунистическую армию. Блокированные японцами и своими соотечественниками, зачастую вынужденные сражаться ножами и дубинами, партизаны Мао Цзе-дуна во всяком случае тревожили японцев, в то время, как армия Чан Кай-ши занималась контрабандой вместе с японцами,

эксплоатацией водных переправ или отступала, когда враг находился за сто миль.

У Стилуэлла была только одна цель — воевать. Воевать ли путём партизанской борьбы или другими способами, пока не будет достаточно вооружения для создания соответствующей армии, не имело значения. Нужно было действовать всеми способами, чтобы уничтожить и задерживать японцев. Чан Кай-ши не имел права рассчитывать на то, что со дня нападения на Пирл-Харбор для Китая настала пора сложить руки и ждать, пока Америка выиграет войну.

Хо Ин-цин и Чан Кай-ши охотно давали обещания и легко их нарушали — всё с той же лживой угодливостью. Они не разрешили войскам Стилуэлла выступить весной 1943 года, так как Стилуэлл вначале обещал одновременное наступление на Бирму и десантную операцию в Рангуне, которая не была осуществлена. Они обещали направить в Рамгар неограниченное число солдат, а дали Стилуэллу две с половиной дивизии, которые необходимо было обучить и вооружить. Они обещали прислать пополнение и, как правило, не исполняли этого обещания. Это пополнение приходило слишком поздно и в незначительном количестве. Стилуэлл хотел собрать всё незначительное количество вооружения лендлиза, которым он располагал, и организовать одно подвижное, хорошо оснащённое и обученное ударное соединение. Хо Ин-цин и Чан Кай-ши хотели распределить вооружение лендлиза между всеми своими армиями; они задерживали обучение войск, и все это потому, что, по их мнению, появление в китайской армии такого соединения с современным вооружением и техникой может нарушить деликатное равновесие сил, которым балансировал Чан Кай-ши в Китае. Дело в том, что Чан Кай-ши не являлся единственным, неоспоримым политическим лидером Китая. А потому Хо Ин-цин и Чан Кай-ши придерживались политики полумер, учитывая, что результаты поставок вооружения по лендлизу и современное военное обучение могут обернуться против средневековой, продажной олигархии Чунцина.

Чан Кай-ши был окружён группой гоминдановских вождей, придерживающихся антииностранный политики. Это становится понятным после стольких лет экстерриториальных привилегий, которыми пользовались амери-

канцы и англичане. В американские и английские клубы Китая был закрыт доступ китайцам, точно так же, как в английские клубы в Индии не принимаются индийцы. В Гонконге китайцам был запрещён вход в иностранный селтльмент. Американцы эксплуатировали китайцев изо всех сил и обращались с ними как с низшей расой. Со временем это привело к развитию антииностранных тенденций. Но казалось, что в войне, когда все объединены братством по оружию перед лицом общего врага, было не время для подобных настроений. Рузвельт заставил англичан присоединиться к Америке в отказе от прав экстерриториальности в Китае, уговорив Англию допустить Китай в Большую Четвёрку. Он это сделал невзирая на то, что английские дипломаты над ним укладкой посмеивались.

Так как Стилуэлл преследовал чисто военные цели, то первым в его чёрном списке был Хо Ин-цин. Именно через него, как через начальника штаба и военного министра, Стилуэлл должен был приводить в исполнение свои планы. Именно Хо Ин-цин легко раздавал обещания и никогда их не выполнял. Дело дошло до того, что Стилуэлл, будучи нетерпеливым и целеустремлённым человеком, отказался иметь дело с китайским генералом по любому вопросу. Он хотел сноситься непосредственно с Чан Кай-ши. Стилуэлл хотел отставки Хо Ин-цина и замены его генералом Чжен Ченом.

Стилуэлл больше знал о китайской армии, чем Чан Кай-ши или Хо Ин-цин. В течение многих лет он видел китайских солдат во время обучения в казармах и на войне, а этим не могли похвастать ни Чан Кай-ши, ни Хо Ин-цин. Много раз, но без всякого результата, Стилуэлл говорил им истинную правду о коррупции, болезнях, плохом питании и общей неполноценности их армии. Чан Кай-ши стал до болезненности подозрителен по отношению ко всем, кто его окружал, так как прогрессирующая инфляция и военные поражения ослабляли его положение. Он не хотел ничего слушать. Стилуэлл возненавидел Чан Кай-ши.

Незачем говорить, что и Чан Кай-ши в свою очередь возненавидел этого деятельного генерала, который постоянно требовал, чтобы китайские армии наступали, а не использовались в качестве политического средства для усиления власти Чан Кай-ши. Но не личное отноше-

ние Чан Кай-ши к Стилуэллу и не манера последнего говорить правду привели к его отставке. Здесь существуют более глубокие причины. Столкновение национальных интересов и присущий Китаю обычай искать козла отпущения привели к возвращению Стилуэлла в Вашингтон.

Когда японцы вторглись в Центральный Китай, а Хэрли и Нельсон настаивали на своих требованиях, Чан Кай-ши в отчаянии решил отозвать свои войска из района реки Сальвин для защиты Куньмина. На сей раз американские посланники открыто заявили Чан Кай-ши, что невыполнение требований Соединённых Штатов может привести к отказу Америки от всякой поддержки Китая, вплоть до отзыва 14-й воздушной армии. Они сказали, что правительство Соединённых Штатов весьма неодобрительно смотрит на поведение Чан Кай-ши в тот момент, когда американские воздушные базы находятся под угрозой японского нападения. Чан Кай-ши ожесточённо напал на Стилуэлла и обвинил последнего в том, что он ослабил Восточный фронт, настаивая на Сальвинской операции. По словам Чан Кай-ши, Стилуэлл был ответственен за разгром. Чан Кай-ши сказал, что отзовёт свои войска из долины Сальвина, чтобы остановить японцев. Американцы, поддерживаемые своим правительством, заявили, что такой шаг приведёт к оставлению «дороги Стилуэлла» именно в тот момент, когда она была почти готова, и что Америка не потерпит такого решения. Они прямо указали на необходимость присылки части гоминдановских войск, находящихся под Яньанем.

Боясь потерять поддержку Соединённых Штатов и 14-ю воздушную армию, Чан Кай-ши временно уступил. Его престиж значительно упал бы в случае осуществления этих угроз. Положение Чан Кай-ши в Китае не было достаточно прочным, чтобы он мог позволить себе этот риск. Согласившись на требования Соединённых Штатов, Чан Кай-ши сказал, что назначит Стилуэлла, «которому я абсолютно доверяю», командующим своими армиями. Казалось, что дело выиграно. Казалось, что Стилуэлл сможет объединить дивизии, вооружить их, использовать бок о бок гоминдановскую и коммунистическую армии.

Неожиданно Чан Кай-ши изменил своё решение и заявил, что он согласится на все требования Соединённых

Штатов в случае отзыва Стилуэлла, который был ему лично ненавистен. Говорят, что крупный банкир Кун, женатый на одной из сестёр Сун, находился в то время в Вашингтоне и имел беседу с Гарри Гопкинсом. На основании того, что Гопкинс будто бы ему сказал, Кун телеграфировал Чан Кай-ши, что правительство Соединённых Штатов, которое всегда поддерживало Чан Кай-ши, не выполнит тех жестоких угроз, о которых говорили Хэрли и Нельсон. Однако публично Кун отрицал это. Но как бы то ни было, Чан Кай-ши изменил своё решение, требуя отзыва Стилуэлла.

Вопрос о возвращении Стилуэлла в Соединённые Штаты дебатировался по телеграфу в течение трёх недель, когда Чан Кай-ши и Рузвельт обменивались личными телеграммами. Во время всех этих переговоров Хэрли пустил в ход всё своё личное обаяние и проявил себя на китайских балах как блестящий рассказчик классических американских анекдотов. Он как бы показывал, что его отнюдь не интересуют китайские проблемы.

Китайские чиновники, быстро почувствовавшие любовь Хэрли к обществу, поили его вином, угощали обедами и ухаживали за ним. Они так льстили американцу, что он позабыл о цели своего визита — примирении Чан Кай-ши с Мао Цзе-дуном. Будучи абсолютно не в курсе прежних дел, Хэрли неожиданно воспылал любовью к Чан Кай-ши и сообщил президенту, что неприятности в Китае были основаны на личных разногласиях между Стилуэллом и Чан Кай-ши и что отзыв американского генерала разрешит эту проблему. Позднее он систематически удалял любого американского дипломата, который знал правду о Китае, и на свою ответственность, используя авторитет правительства США, поддерживал Чан Кай-ши в продолжении гражданской войны, а не в объединении Китая путём переговоров и компромисса.

Предложение Хэрли удалить Стилуэлла наклонило чашу весов, хотя президент и после этого предложения обменялся ещё несколькими телеграммами с Чан Кай-ши. Многие считают, что, несмотря на предложение Хэрли, Чан Кай-ши сдался бы, если бы президент ещё немного продолжал борьбу. Говорят, что Стилуэлл получил письмо от генерала Маршалла, в котором начальник штаба написал что-то вроде: «Мужайся, Джо! Приближается!»

В пять часов вечера 19 октября 1944 года Стилуэлл получил приказание вернуться в Вашингтон, и театр операций был разделён на два.

С внешней стороны Стилуэлл хорошо принял это известие, но он был подавлен и оскорблён. Перед самым отъездом из Дели в Америку Стилуэлл получил известие, что Чан Кай-ши пожелал наградить его наивысшей китайской наградой. Верный себе и своим идеалам и понимающий всю неискренность и фарисейство подобной награды, Стилуэлл вежливо отказался. Позже он отказался и от английского ордена Бани.

Потребовав отставки Стилуэлла, Чан Кай-ши сделал один из самых ловких политических ходов за время войны. Он всё время хотел получать максимальное количество товаров по лендлизу и не использовать их против японцев. Он намеревался применять получаемое оружие против коммунистов. Казалось, что требования Хэрли и Нельсона и катастрофическая потеря авиационных баз Ченнолта поставили его, наконец, в такое положение, из которого не было выхода. Хитрым манёвром, выразившимся в требовании отзыва Стилуэлла, он сразу свёл весь вопрос к личным взаимоотношениям. Он обвинял Стилуэлла в грубости, недисциплинированности и абсолютной некомпетентности. Чан Кай-ши обвинял Стилуэлла в потере аэродромов. Он заявил, что Стилуэлл, настаивая на Сальвинской операции, ослабил Восточный фронт. Затем он заявил, что Стилуэлл ему лично неприятен и сказал, что он пойдёт на все американские требования, если из бочки меда убрать эту ложку дёгтя. Официальное отношение Рузвельта выражалось так: «Если глава правительства требует отзыва американского генерала, мне ничего не остаётся, как отозвать его».

Военное министерство не разрешило Ведемейеру принять ответственное командование над китайскими войсками. Ведемейер мог заменить Стилуэлла в качестве американского начальника штаба Чан Кай-ши, т. е. на положении советника, но ему не разрешено было принимать ответственность за командование китайской армией в Китае. Султан был назначен командующим китайскими войсками в Бирме, но большая часть этих войск была отправлена в Куньмин — отражать нападение японцев. Они так и не встретились с японцами, так как последние, дойдя до Гуйяна, отошли. Чан Кай-ши разрешил воз-

душным силам Соединённых Штатов перебросить незначительную часть гоминдановских войск, воюющих с коммунистами, на Восточный фронт, но они не сделали ни одного выстрела. Чжен Чен заменил Хо Ин-цина на посту военного министра, но Хо Ин-цин сохранил значительно более важный пост начальника штаба. Хо Ин-цин прилетел в Куньмин, чтобы принять командование войсками, и циничные американцы собирались складывать чемоданы и выбираться оттуда прежде, чем «Спаситель Куньмина» потеряет всю Юньнань.

Ведемейер вёл хитрую политическую игру. Он обменивался с Чан Кай-ши разрекламированными обедами. Он порицал американцев за критику китайцев и, наконец, дал интервью в «Колльер»¹, в котором восхвалял Чан Кай-ши и указывал, что тот принимает против японцев все возможные меры. Он солидаризировался с трескучими общими фразами китайцев о предстоящем большом наступлении. Это большое наступление началось после войны, когда американский воздушный флот и морские суда предприняли переброску гоминдановских армий, будто бы для разоружения японской армии, а на деле располагая их в таких местах, откуда они могли напасть на коммунистов.

Мы не собираемся критиковать Ведемейера. Он, несомненно, выполнял данные ему инструкции. Можно с большой уверенностью предположить, что после отзыва Стилуэлла военное министерство Соединённых Штатов скинуло Китай со счёта как активную силу в борьбе с японцами. Военному министерству США давно надоело всё это дело. Но в свете послевоенной американской политики можно предположить, что правительство Соединённых Штатов намеревается продолжать поддержку Чан Кай-ши.

Англичане, которые упорно следовали стратегии «дешёвой войны», вдруг повели закулисную кампанию за перевод их Восточного флота в юго-западную часть Тихого океана. Англичане хотели, чтобы их флот соединился с морскими силами Соединённых Штатов. Они полагали, что стоит лишь соединить флоты, и любая операция станет называться союзной. Вы вливаете один английский батальон в американский армейский корпус, и операция,

---

¹ Американский журнал. — Прим. ред.

проведённая этим корпусом, тут же становится союзной— на бумаге, конечно. Англичан очень беспокоило положение, которое они займут при заключении мира с Японией.

Японский флот перестал существовать как нечто целое; во всяком случае в общем числе потерь союзников потери флота были незначительными, и потому англичане неожиданно стали жаждать крови в юго-западном районе Тихого океана. Флот Соединённых Штатов упорно отказывался от такого объединения, но на второй конференции в Квебеке Черчилль победил. После конференции премьер-министр заявил: «Единственным предметом спора являлось желание Америки сделать в Тихом океане больше, чем ей положено. Но этот вопрос урегулирован».

Адмирал сэр Брюс Фрезер направил на всех парах свой древний Восточный флот в Австралию для подготовки к дальнейшим операциям. Однако флот Соединённых Штатов одержал частичную победу. Эта победа выразилась в условии, чтобы британский флот действовал как самостоятельная оперативная единица и находился на собственном снабжении. Позднее эти условия несколько изменились, когда адмирал Хэлси разрешил частичное объединение британского флота с его третьим флотом. Время от времени британские морские соединения целиком истощали свои запасы и американские лётчики с авианосца «Саратога» привозили даже продовольствие на английские авиаматки. Эти перевозки стали известны под названием «картофельного патруля».

* * *

В историческом аспекте отзыв Стилуэлла не играл важной роли. Когда самая страшная в истории человечества война разрывает мир на части, кого может интересовать судьба отдельного лица? Но то, что происходило в Азии, имеет значение для истории, потому что являлось трагическим примером того, как не должны вести себя союзники.

С течением времени американцы всё больше и больше осознают разложение и коррупцию правительства Чан Кай-ши. Они слышат от вернувшихся с фронта солдат рассказы о том, как китайские руководители не хотели воевать, о продажности и фантастической безграмотности

в китайской армии. Американцы, не знающие всех подробностей и имеющие привычку ошибочно мерить другие нации на свой аршин, будут оценивать китайцев по их гоминдановским правителям. Это было бы самой серьезной ошибкой, так как вряд ли существует какой-либо другой народ в мире, обладающий большей силой и порядочностью, чем китайцы. Китайский народ жестоко страдает от пережитков феодализма в экономике и государственном управлении, от самых различных природных бедствий и эпидемий. Китайцы терпят режим, который держит их в рабской зависимости в условиях самой отвратительной системы землевладения в мире. Китайцы, тем не менее, обладают чувством юмора, терпением и работоспособностью, которые говорят о благородстве нации.

В настоящее время, после окончания войны, встает вопрос, следует ли Америке поддерживать этот пришедший в упадок политический режим Чан Кай-ши и его сатрапов?

* * *

Теперь, когда мы после окончания войны рассматриваем действия Англии в свете прошлого, они становятся более понятными. Британская империя управляется 40 миллионами людей, живущими на маленьком и сыром острове. Черчилль решил остановить естественное эволюционное падение Англии до положения третьестепенной державы. Он не удовлетворялся простой победой. Он хотел выиграть войну так, чтобы Англия продолжала оставаться первостепенной державой, обладающей достаточными резервами, необходимыми для будущей войны в случае возникновения таковой. Для этого ему необходимо было сохранить империю, удерживая контроль над колониями, и таким методом вести войну, чтобы сохранить цвет английской нации. Естественно, что такой путь не мог привлечь друзей на сторону «Коварного Альбиона». Такой метод являлся воплощением философии, выражающейся в желании драться до последней капли крови союзников. В этом отношении Черчилль как будто бы выиграл войну, но расплата наступит позже.

Может ли случиться так, что Британия, которая никогда не уступала без принуждения ни одного акра своей земли, потеряет свою империю, теперь, когда война вы-

играна? Сумеет ли Индия собрать свои силы настолько, чтобы сбросить ненавистное ярмо британского правления? Сумест ли Англия получить от Соединённых Штатов необходимую экономическую поддержку теперь, когда стали широко известными черчиллевские методы ведения войны?

Эти вопросы имеют первостепенное значение для участников войны, которые рассчитывают на то, что Америка будет искренне сотрудничать в содружестве наций. У всех участников войны одна и та же страстная надежда, что им никогда больше не придётся воевать. Но для этого они должны быть готовы к тому, что их страна полностью разделит международную ответственность и окажет любую помощь своим бывшим союзникам. Но этого не случится, если участники войны, вернувшиеся с фронта и обозлённые на союзников, не получат разъяснения об истинных целях войны. Им должна быть показана реальная перспектива будущего, а не туманные общие черты. В отношениях между союзниками должно быть соблюдено нечто большее, чем историческая полуправда и стремление обойти острые углы, так как у них впереди достаточно времени для улаживания своих разногласий.

Вот почему американцы так часто испытывали чувство обиды во время этой войны. Их не учили тому, что войны ведутся союзниками, у которых на первом плане стоят соответствующие национальные и личные интересы, и лишь потом интересы общего дела. Их не учили тому, что, в конечном счёте, войны ведутся не ради туманных Четырёх Свобод. Войны ведутся такими странами, как Британия, Китай и Соединённые Штаты, в целях сохранения экономического и политического господства и целостности империй.

Многих разногласий в Азии можно было бы избежать, если бы американцы больше знали о международных отношениях, если бы они понимали, что в этом мире существуют и другие точки зрения, помимо американской, и что те, кто проводит в жизнь эти точки зрения, обладают почти американским представлением о собственной непогрешимости. Американцы должны развить в себе больше скромности во взаимоотношениях с другими народами и не философствовать о том, что американцы являются единственной достойной нацией в мире. При

разговорах о китайском и французском воровстве американцам следует вспомнить о скандальных американских чёрных рынках в Европе и об американской контрабанде через «Горб». При разговорах о превосходстве американского оружия им следует вспомнить о Сталинграде и о многих тысячах русских, которые пали в бою ради того, чтобы этот разрушенный город не был захвачен врагом.

В то время, как я пишу эту книгу, в третий раз составляется история Китайско-Бирманско-Индийского театра операций. Эта книга, состоящая из 285 тысяч слов, была подготовлена Историческим отделом штаба Китайско-Бирманско-Индийского театра на основании всех документов, карточек и отчётов. Книга была передана военному министерству США и отредактирована с целью удаления сведений, могущих вызвать международные осложнения. Сейчас она снова редактируется с целью обелить англичан и китайцев. На наш взгляд это неправильно. Такое обеление, необходимое для соблюдения хорошего дипломатического тона, не обманет никого из тех, кто хоть немного знаком с историей этого театра операций, и приведёт лишь к бесконечным публичным опровержениям. Эта книга лишь увеличит подозрения публики, что военное министерство США не в состоянии, как правило, говорить правду, или всю правду, когда в ней имеются неприятные факты.

Нашему беспокойному миру может помочь только большая искренность заинтересованных лиц. Двусмысленная лож британских коммюнике, полёты фантазии китайского военного обозревателя и официальный отказ американцев смотреть фактам в лицо — всё это должно быть сдано в архив войны, которую блестяще выиграла рядовые солдаты, но которую могли проиграть государственные деятели. В этом новом мире все американцы, как служившие в армии, так и не служившие, должны приветствовать политику Рузвельта — Стилуэлла, оказывавшую давление на Чан Кай-ши, чтобы заставить его объединить Китай путём переговоров и введения в правительство коммунистов и представителей других партий. Эта политика резко отличается от политики Хэрли, которая заключалась в полной поддержке плана Чан Кай-ши, понимающего объединение Китая как военное уничтожение противников гоминдана.

Правительство Соединённых Штатов упорствует в продолжении своей политики поддержки режима Чан Кай-ши. Эта политика поддержки исходит из предположения, что Чан Кай-ши возглавляет признанное китайское правительство и имеет за собой абсолютное большинство. Но здесь следует отметить, что у Чан Кай-ши не так уж много настоящих последователей и что он только располагает самой большой и хорошо вооружённой армией, обеспечивающей «лояльность» тех, кого всегда рассматривали, как покорных крестьян.

Граждане Соединённых Штатов должны быть предупреждены о том, как легко Чан Кай-ши нарушает обещания, о его склонности к обману: судить о нём следует с этих позиций. Поскольку наша страна вмешивается во внутренние дела Китая с основным намерением сохранить трон Чан Кай-ши, граждане Америки должны потребовать немедленного прекращения этой поддержки, как только Чан Кай-ши вернется к своему привычному занятию нарушения данных им обещаний.

В основе взаимоотношений должна лежать честность, потому что без неё будет не больше взаимного доверия и доброй воли, чем было в Азии во время войны. Нужно честно признать различие целей и стремлений, и заинтересованные стороны должны придерживаться действий, направленных к общему благополучию. Это требует компромисса. Все разногласия и споры, при заключении соглашений, не должны быть спрятаны в секретных архивах, их следует опубликовывать для сведения широких народных масс, которые должны жить и совместно трудиться над осуществлением достигнутых соглашений.

В конечном счёте, между союзниками не может существовать единство, если они прежде всего не придерживаются соглашений. Терпимость не может шагать рядом с предательством и паутину взаимопонимания нельзя соткать, избегая правды. Если мы хотим создать лучший новый мир, то мы должны открыто обсуждать все недостатки, трения и разногласия внутри Объединённых наций, для того чтобы миролюбивые народы всего мира могли учиться на ошибках прошлого.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие к русскому изданию	5
<i>Глава первая.</i> Начало	12
<i>Глава вторая.</i> Поражение	33
<i>Глава третья.</i> Бегство	59
<i>Глава четвертая.</i> Затишье	86
<i>Глава пятая.</i> Откровенный разговор	111
<i>Глава шестая.</i> Возвращение	139
<i>Глава седьмая.</i> Триумф	160
<i>Глава восьмая.</i> Денди из Канди	186
<i>Глава девятая.</i> Отставка	205

* * *

Редактор капитан Леонтьев А. И.
Технический редактор Слепцова Е. Н.
Корректор Аркушенко В. И.

.

Г85338

Подписано к печати 27.5.47.

Изд. № 8/1064

Объем 13³/₄ п. л. и 1 вкл. 0,25 п. л.
В 1 п. л. 38 000 тип. зн. Уч.-изд. л. 11,89

.

2-я типография Военного Издательства МВС СССР
имени К. Ворошилова
Зак. 311

Цена 7 р. 50 к.